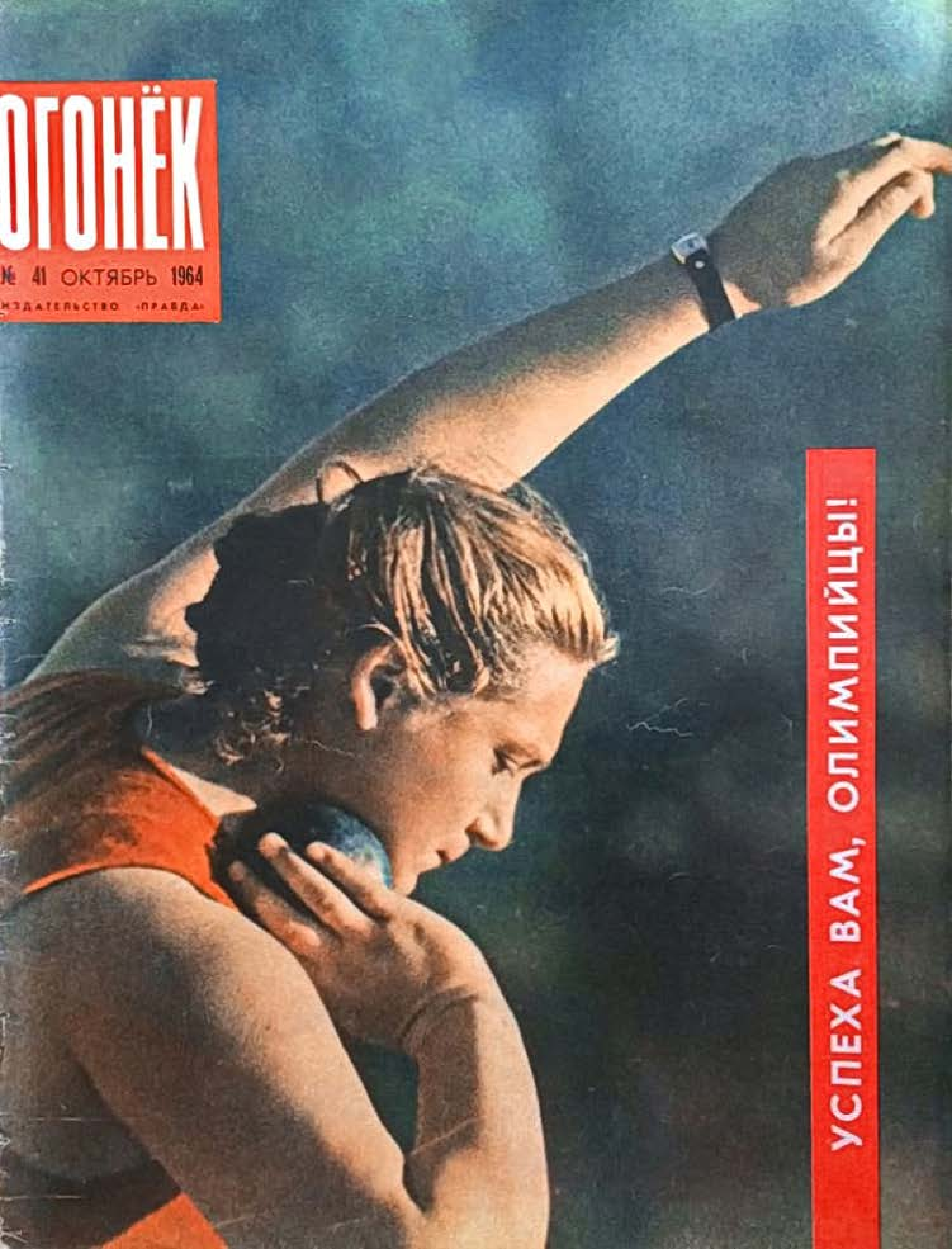

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
УСПЕХА ВАМ, ОЛИМПИЙЦЫ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 41 (1946)

4 октября 1964

Так сооружался подводный газопровод на Каспии (см. в номере «В море стальная змея»). Фото Г. Копосова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Исполнилось сто лет со дня основания Первого Интернационала. Этой дате было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 28 сентября в Большом театре СССР. Среди присутствующих были руководители партии и правительства, старейшие коммунисты, представители братских коммунистических партий.

Собрание открыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. В своей речи он сказал:

«Отмечая столетие Первого Интернационала, мы, советские коммунисты, призываем все братские партии, все революционные силы теснее сомкнуть ряды, преодолеть все трудности, сплотиться под знаменем марксизма-ленинизма во имя торжества дела рабочего класса, в интересах абсолютного большинства человечества».

С докладом «Пролетарский интернационализм — революционное знамя нашей эпохи» выступил секретарь ЦК КПСС товарищ Б. Н. Пономарев.

На снимке: В президиуме торжественного собрания, посвященного 100-летию Первого Интернационала.

Фото А. Ляпина и А. Пахомова.

29 сентября в Советский Союз с дружеским визитом прибыл Президент и Премьер-Министр Республики Индонезии доктор Сукарно.

Москва тепло встретила гостя из Индонезии.

Доктор Сукарно нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Фото А. Гостева.

Леонид СТЕПАНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

БУДУЩЕЕ ГЕРМАН

Красивы и нарядны в эти дни города и села демократической Германии. Страна в самом расцвете юных сил празднует свое пятнадцатилетие. Словно на небывалый парад выстроились новые заводы-гиганты, университеты, Дворцы культуры, разноцветные кварталы новых жилых домов. Улица Владимира Ленина, улица Эрнста Тельмана, улица Вильгельма Пика...

И самая праздничная, самая торжественная атмосфера сегодня, конечно, на главной улице республики — на проспекте Карла Маркса. Эта красивейшая улица Берлина протянулась почти на пять километров — прямая, как стрела, широкая, как площадь, молодая, как само немецкое государство. Карл-Маркс-аллее — первая социалистическая улица ГДР, в строительстве которой принимали участие два миллиона добровольцев со всех концов страны. Отсюда началось обновление столицы, потом всей страны. Новая история Германии делала по этой улице свои первые шаги.

Поэтому совершенно закономерно, что именно здесь, на Карл-Маркс-аллее, открыта сегодня выставка, которая сразу, как широко распахнутое окно, дает увидеть все грандиозные достижения ГДР за 15 лет.

Трудно сказать, что производит на выставке самое большое впечатление. Может быть, цифры и диаграммы, свидетельствующие о гигантском развитии промышленности: ГДР почти на пустом месте создала за 15 лет свою металлургическую базу, рывком двинула вперед машиностроение, электротехнику, химию, короче говоря, вошла в первый десяток индустриальных стран мира.

Может быть, это макеты возрожденных и обновленных городов: восставший из руин древний Дрезден, реконструированный портовый Росток, Нейбранденбург и многие другие.

Может быть, на некоторых посетителей выставки производят самое сильное впечатление груды сельскохозяйственной продукции. Ведь совсем недавно страна переживала известные трудности, связанные с переходом деревни к коллективному хозяйству. Теперь эти трудности позади, и ЛПГ (сельские кооперации) быстро набирают силу.

Может быть, наконец, посетителя выставки радуют больше всего успехи ГДР в развитии национальной культуры: тридцать новых университетов и институтов, миллионные тиражи книг, 7 тысяч кружков художественной самодеятельности, которые, словно гигантская сеть, заботливо «вылавливают» молодые таланты.

А может быть,— на мой взгляд, это именно так — самое большое впечатление производят люди. Люди, каких не знала и не могла знать прежняя Германия. За послевоенные годы в стране выросло совершенно новое поколение людей. Целиком оправдались слова, записанные в программе СЕПГ: **строя социализм, трудящиеся ГДР не только перестраивают материальные и культурные условия своей жизни, но и самих себя...**

«Один из многих тысяч» — так написано на выставке над портретом рядового рабочего, который за годы республики вырос в руководителя крупного предприятия. Другой портрет: вчерашний мелкий собственник, хозяин небольшой лавочки, овладел одной из сложнейших технических профессий и стал изобретателем. Деревенская девушка пришла на завод с начальным образованием, училась по вечерам, теперь в ее послужном списке десяток рационализаторских предложений, принесших стране миллионную экономию. Вернер Гаркиш в 1949 году был пионером. На фотоснимке он символически поджигает первую домну металлургического завода. Теперь Вернер Гаркиш — ведущий инженер на этом заводе. Вырос завод за пятнадцать лет, вырос и Вернер Гаркиш. Но возможности для роста у них, конечно, далеко не исчерпаны.

Рационализаторы, изобретатели, лауреаты национальных премий, ученые, депутаты Народной палаты — вот оно, новое поколение немцев. Среди них есть и соратники Эрнста Тельмана и совсем молодые коммунисты, пожилые люди, познавшие горечь послевоенного плена, и вчерашние школьники, для которых слова «Москва», «Советский Союз» с раннего детства были синонимами самого дружеского и прекрасного.

Можно что-то не заметить на выставке, пройти мимо какого-то стенда, но нельзя не почувствовать одного:

Социалистическая Германия гордится своими гражданами.

Граждане ГДР гордятся своей социалистической родиной.

В этом один из самых важных, может быть, самый важный итог пятнадцати лет.

Выходя с выставки на оживленную Карл-Маркс-аллее, уже по-новому читаешь слова, написанные на красном полотнище:

«Германия — здесь!»

Вместе с друзьями из берлинского журнала «Вохен-пост» я проехал по дорогам республики несколько сот километров: от Лейпцига до острова Рюгена, от Потсдама, где было подписано соглашение о путях развития послевоенной Германии, до «города металлургов» Айзенхюттенштадта. Побывал в тех местах на Одере, где весной 1945 года закончила свой боевой путь наша дивизия и куда теперь совсем недавно по нефтепроводу «Дружба» пришла советская нефть...

Еще издалека над вершинами синих сосен мы увидели гигантский оранжевый факел. Это было как символ.

Там, где пять лет назад были только песок и сосны, в глухой малонаселенной провинции, около «табачного городка» Шведт, вырос химический гигант, огромный нефтеперерабатывающий комбинат, с фантастическими контурами труб, башен, печей и цистерн. Его подняли в небо молодые энтузиасты, приехавшие сюда со всех округов по призыву Родины. Первые партии строителей жили в палатках, корчевали лес, превозмогая жару и холод, перебои с продовольствием и нехватку воды. Тогда эту ударную стройку в Шведте народ назвал «молодежной стройкой», «стройкой молодых энтузиастов».

Поэтому, увидев факел над лесом, нам сразу подумалось о пылающем сердце молодости.

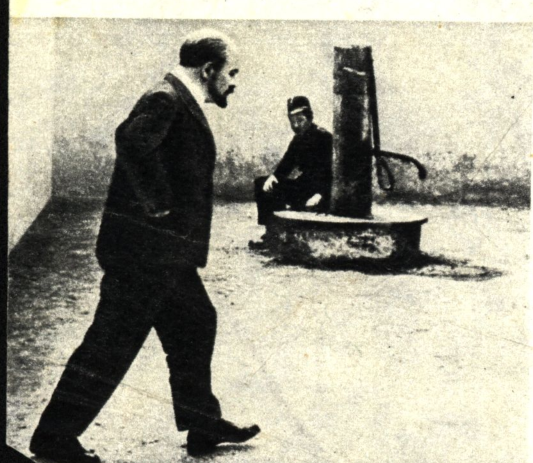
...Наша машина приехала на комбинат Шведт, когда большая часть рабочих — нефтяников и строителей — была на обеде.

— Где тут у вас кантине?— спросил я, употребив немецкое слово, обычное для заводской столовой.

— У нас не кантине, а ресторан,— со спокойным достоинством ответил молодой парень в белом пластмассовом шлеме.

И действительно, то, что мы увидели, никак не походило на обыч-

ЛЕНИНА ИГРАЕТ ШТРАУХ

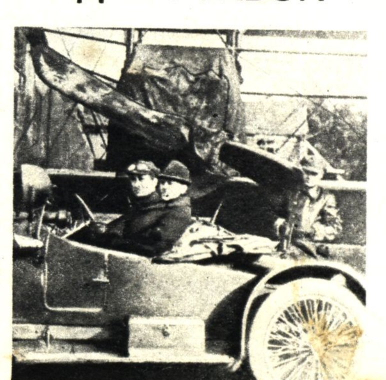
Польша. Лето 1914 года... Через несколько дней после начала первой мировой войны австрийские жандармы арестовали Ленина. Владимир Ильич находился в тюрьме в небольшом городке Новом Тарге... Этот эпизод и положен в основу фильма «Ленин в Польше», который снимают в Поронино советский режиссер Сергей Юткевич и польский оператор Ян Лясковский. В совместной постановке «Мосфильма» и польского творческого объединения «Студио» роль Владимира Ильича играет Максим Штраух.

Сценарий Е. Габриловича и С. Юткевича построен в форме монолога.

Фильм делается одновременно в шести языковых версиях: русской, польской, английской, французской, немецкой и испанской.

Ю. КОНОНЕНКО

ВОЗДУШНАЯ ЭКСКУРСИЯ В. ПИКА НАД МОСКВОЙ

В архиве «дедушки русской авиации» Б. И. Россинского сохранилась интересная фотография, которая до сих пор не публиковалась. На ней запечатлен видный деятель немецкого и международного рабочего и коммунистического движения, первый президент ГДР Вильгельм Пик. История этого снимка такова.

Летом 1923 года, когда Вильгельм Пик был в Москве, он выразил желание пролететь на самолете над столицей. В небо поднялся старейший русский летчик Б. И. Россинский. На борту его двухместного самолета находился В. Пик. Б. И. Россинский сделал на высоте

...И — ЗДЕСЬ!

Выставка 15 лет ГДР на Карл-Маркс-аллее.

ную заводскую столовую. Среди железобетонных блоков и котлованов стоит изящное и просторное здание из стекла, которое без всякой натяжки могло бы украсить, например, столичный парк.

За пластмассовыми разноцветными столиками на большой веранде обедают рабочие. Большинство в синих комбинезонах, молодые.

Заходим на кухню. Чистота идеальная, почти все автоматизировано. Знакомимся с меню за несколько дней. Кормят рабочих разнообразно, сытно и очень дешево.

В просторном фойе ресторана продают газеты и журналы, в том числе советские. За полчаса киоск опустел так быстро, что мы едва успели купить многотиражку комбината «Молодой строитель».

В газете несколько портретов парней, отличившихся при строительстве второй очереди комбината. Другие рабочие выступают как авторы — откровенно рассказывают о своих трудностях, предлагают интересные технические решения. В каждом выступлении чувствуется понимание огромной важности комбината для развития всей промышленности ГДР, особенно химии.

На четвертой странице «Молодого строителя» читаем объявление о близкой дискуссии по роману Эрика Нойча «Каменные следы». На комбинат обещал приехать сам автор.

Книга очень волнует рабочих Шведта. В ней рассказывается о людях такой же крупной новостройки в ГДР. Автор глубоко затрагивает морально-этические проблемы, возникающие при столкновении старого и нового. Показывает, как в муках и радостях рождается новый человек.

Я сразу насторожился, увидев в руках у одного из строителей толстую книгу Эрика Нойча. Мне хотелось поговорить с ним, узнать его мнение о прочитанном. Но молодой строитель уже сунул книгу под курточку и сел на свой мопед. Обеденный перерыв кончился.

— Знаете что,— сказал он мне,— приезжайте прямо к нам на поточную линию «XI-6». Это вон там, у круглых печей. Через час. Тогда я обязательно выкрою для вас минут пятнадцать — двадцать. Мое имя Гюнтер Нордт.

Застегнул скромную серую курточку и умчался на своем насквозь пропыленном мопеде — известный на всю страну новатор, кавалер ордена Красного Знамени, депутат Народной палаты Гюнтер Нордт!

Поточную линию «XI-6», которой командует инженер Гюнтер Нордт, знают все строители ГДР. Она завертела такое дело, что потянула за собой десяток заводов тяжелого машиностроения, приборостроения и электрооборудования. Зацепила несколько министерств, заставила их работать более быстро и четко.

Началось все с того, что в июле 1962 года в Шведт приехали советские специалисты во главе с профессором Н. С. Будниковым. Они поделились с немецкими строителями советским опытом поточного крупноблочного монтажа. С их помощью монтажники Шведта составили новый план, который давал большую экономию времени и материальных средств.

План был великолепен, но претворить его в жизнь оказалось дьявольски тяжелым делом. Прежде всего Шведт — первое в ГДР крупное нефтеперерабатывающее предприятие, поэтому опыта у немецких монтажников было маловато. Во-вторых, новый план требовал не только коренного изменения всей технологии, но и ломал все сроки поступления на стройку блоков, машин и арматуры. Следовательно, план мог быть реализован только в том случае, если его поддержат все промышленные предприятия, выполнявшие заказы комбината. Значит, и самим им нужно было перекраивать свои планы.

Первыми откликнулись на призыв поточной линии «XI-6» машиностроители завода имени Карла Либкнехта. Они согласились выполнить заказ досрочно. Вместе с монтажниками Гюнтера Нордта они собирали у себя в цехах целые узлы круглых печей, которые прежде в худших условиях собирали на строительной площадке. А на самой стройке в Шведте небывалыми темпами производились одновременно те работы, которые прежде делались поочередно, одна за другой. Это был героический, творческий труд, за которым следила вся страна.

Сегодня уже точно подсчитано, какую огромную экономию дали новаторы. Метод поточной линии «XI-6» внедряется на всех крупнейших новостройках ГДР. Но дело ведь не только в технологии.

Прежде монтажник рассуждал так: когда подойдет мой черед, я должен сделать свою работу вовремя и аккуратно. Этого было достаточно, чтобы его считали хорошим рабочим.

Теперь этого мало. Новый метод требует неугасающей инициативы, постоянного поиска новых технических решений. Меняется понятие о долге рабочего. Качественно меняется труд — он становится творчеством. Меняются люди — они перестают быть поденщиками, работающими за кусок хлеба, становятся людьми с большой буквы, для которых труд — радость.

Признаться, я допускал, что Гюнтер Нордт захочет рассказать корреспонденту советского журнала о своем методе. Но я ошибся. И как!

Гюнтер Нордт повел со мной разговор совсем о другом. Вначале он взял мою записную книжку и нарисовал в ней графическую кривую.

— Вот так,— сказал он,— выглядит теперь кривая наших монтажных работ за целый год. В зимние месяцы — резкий спад. Что мы предлагаем? Мы предлагаем к формуле «комплексная поточная линия плюс крупноблочный монтаж» прибавить еще один компонент: плюс независимость от мороза. У нас уже разработана новая технология для зимы, и мы хотим связаться с одной из ваших сибирских новостроек, чтобы опробовать наш метод совместно.

— Простите, Гюнтер,— сказал я.— Но ведь условия зимы у вас здесь и у нас там, в Сибири, совершенно непохожи.

— Вы ошибаетесь,— спокойно ответил Гюнтер Нордт.— Во многих случаях для наших работ наступает предел уже при минус 5 градусах. Следовательно, не столь существенно — 5° или — 50°.

— Для каких-то отдельных работ, может быть,— возразил я.— Но для самих рабочих разница огромная: — 5° или — 50°.

— Эту разницу тоже легко преодолеть. Почему, скажите, у шахтеров, у водолазов, у космонавтов есть специальный костюм для работы, а у нас не может быть? Мы уже разработали проект костюма строительного рабочего для зимы: легкий, удобный, с электрическим обогревателем от небольшой батарейки. Думаю, что в таком костюме будет одинаково хорошо и на Одере и на Ангаре.

Гюнтер Нордт стал увлеченно развивать мне свою техническую идею. А я смотрел на него и думал: «Да. Литературная дискуссия на комбинате Шведт обещает быть интересной. Таким, как Гюнтер Нордт и его товарищи, есть о чем поговорить с писателем. Как бы только герои нового романа не устарели, пока начнется дискуссия».

около трех тысяч метров несколько кругов над Москвой.

В. Пик был очень доволен этой воздушной экскурсией и тепло благодарил летчика. После полета Б. И. Россинский на подаренной ему Советским правительством личной автомашине доставил В. Пика обратно в гостиницу.

Перед отъездом с Ходынского аэродрома возле самолета «Илья Муромец» и была сделана эта фотография. За рулем Б. И. Россинский, рядом с ним В. Пик. Около автомашины стоит авиамеханик, ныне пенсионер А. Кулешов.

В. МАКСИМОВ

ЛЮБИТЕЛЯМ ПОЭЗИИ

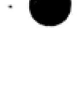
Есть в Харькове магазин с хорошим именем: «Поэзия». Несмотря на свою молодость, магазин успел уже стать добрым знакомым жителей города. Здесь всегда много народу. И самые частые посетители — молодежь: студенты и рабочие.

Местных стихотворцев, естественно, притягивает «Поэзия». Порой они заходят сюда «просто так», а иногда — чтобы принять участие в обсуждении новых поэтических сборников.

На нашем снимке вы видите харьковского поэта Бориса Котлярова. Стоя за прилавком, он надписывает для любителей поэзии свою новую книгу.

Фото Я. Рюмкина.

КУБОК СНОВА В КИЕВЕ

Закончилась борьба за Кубок СССР по футболу. Киевские динамовцы, победив в четвертьфинале команду «Шинник» и выиграв в полуфинале у «Спартака», завоевали право играть в финале с куйбышевской командой «Крылья Советов». Этот матч принес динамовцам победу, а с ней и славный спортивный трофей.

Так ровно через десять лет Кубок СССР вернулся в столицу Советской Украины Киев.

Обладатели Кубка СССР киевские динамовцы совершают круг почета по стадиону имени В. И. Ленина.

Фото А. Бочнинина.

Александр Яковлевич Премет.

Фото В. Сальмре.

Н. ХРАБРОВА

ЗЕМЛЮ, КОТОРУЮ ВЫНЯНЧИЛ...

В тот день с побережья летел пахнувший льдом ветер, и все было скошено в одну сторону: мокрые ветки кустарника, порывы внезапного дождя и полы председательского плаща. И все-таки была весна: на листке календаря стояло 11 мая 1955 года, и подснежники отважно открывали навстречу дождю и ветру синие веселые глаза.

Председателем Александр Яковлевич Премет стал несколько часов назад. Теперь, щурясь от дождя и ветра, он прыгал по бороздам, рассматривал землю и думал, что весна идет никудышная и затяжная и что опять много лет надо жить, как по тревоге. Так было с юности. Мальчишкой воевал с белыми, после них с басмачами... В те годы иначе не хотел и не мог: постоянно оказывался там, где всего труднее было стране. Потом осваивал науку — тоже как с бою брал, а потом и работу выбирал все больше по своей неугомонной натуре. И вот опять — со спокойной должности в Госплане ЭССР вдруг взял да и ушел рядовым армии «тридцатитысячников», председателем колхоза имени Мичурина, Харьюского района. И ушел не только по долгу партийной дисциплины, а и потому, что хотелось уйти в колхоз: еще со времен занятий в Аграрном институте красной профессуры полюбил сельское хозяйство, землю и все зеленое, полезное, растущее на ней.

В колхозе имени Мичурина в ту весну было мало веселого. Поля были вспаханы кое-как, с севом запаздывали — не очень-то радивыми оказались люди. Значит, как и в предыдущие годы, осенью в итоге «содружества» холодной весны, нерадения и здешнего подзола опять будет получено не больше шести центнеров зерна с гектара.

Шесть центнеров с гектара... Лет двадцать назад эти шесть центнеров обернулись бы для местного крестьянина-единоличника бедой. Сейчас большой беды не будет, хлеб все равно придет—с Украины, с Кубани, с целины. Поэтому в прибалтийской деревне царили спокойствие и новая «теория»: земля не родит хлеб — значит, надо развивать животноводство. Как будто животноводство можно развивать без хлеба!

Но и очень сердиться было нельзя. Такие вокруг лежали поля, что нарочно не придумаешь. Добро бы просто подзол, а то он как худой блин на каменном блюде: тощий слой серой скудной земли на плитняковой основе. К тому же до отказа нафарширован камнем всякого происхождения: и огромными валунами, и рядовыми булыжниками, и какой-то строптивой, величиной с изюм галькой. Веками бились люди на этом подзоле, на этих камнях — устали. И теперь обрадовались было: появилась призрачная надежда на многообещающее животноводство...

Так вот, значит, ничего этого не должно быть. Ни усталости, ни беспочвенных надежд, ни шести центнеров с гектара. Ни самого подзола.

Был в те дни Александр Яковлевич с виду спокоен и мягок. А получалось все так, как будто шел он в решительную атаку.

— Плохо родит земля? Понятно: верхний слой выветрился, истощился. Значит, надо запахать его поглубже — пусть отлеживается. А на урожай пусть работает новый, из глубины поднятый.

— Страшно сеять рано? Не надо бояться: зерно, попав в подготовленную почву, выдержит холод ранней весны. Зато прорастет раньше, наберется майского и июньского солнца...

Азы? Да, конечно, азы, элементарная агротехника. Больше пока не было ни других сил, ни других возможностей. Но и на элементарную агротехнику подзол откликнулся: осенью 1956 года было снято уже по тринадцати центнеров с гектара. С тех пор Александр Яковлевич и утверждает всюду: тринадцать центнеров с гектара можно получить на самой плохой земле!.. Только ведь и это мало — тринадцать центнеров.

Хорошо бы вдруг случилось чудо: упала бы с неба, что ли, новая почва или появилось бы какое-нибудь новое растение, которому наплевать на подзол, росло бы и наливалось на радость людям. Но чудеса творились по-будничному. Люди заново создавали почву, вывозили с осушенных болот торфяную землю, сотни тонн торфа, пропущенного через скотные дворы в виде подстилки. И с каждым годом менялась земля, менялись ее качество и цвет. Нынче она уже не сыплется из-под плуга горячей серой золой, а ложится плотным коричневым слоем, поблескивает спокойно и влажно.

И все же несколько лет на этой земле самым обильным был «каменный урожай». Камни выкапывали из земли лопатами, взрывали, просто подбирали и корзинами выносили на обочину. А на следующий год после вспашки все начиналось сначала, потому что было похоже, будто только что выпал на землю гигантский каменный град. Опять взрывали, опять выкапывали лопатами, опять выносили корзинами на межу. Когда присаживались на перекур, говорили, что не зря любая тяжелая работа в народе сравнивается с этим вот их делом, недаром говорят: «Устал, словно камни ворочал». Отдохнув, опять принимались ворочать. Потом на поле «битвы» появился «кивикамм», что по-русски значит «гребенка, вычесывающая камни». В эстонской деревне вообще с бережливостью и любовью относятся к механизмам и умеют ими пользоваться. Однажды, очищая вырубки под пахоту, кто-то догадался, что ведь корчеватель на тракторе «С-100» с успехом может выворачивать из земли не только корни, но и каменных лежебок. И пошли гулять стальные зубья по эстонским пашням! «Кивикамм»

А. РУБИНШТЕЙН О СВОЕЙ КНИГЕ

Фото Е. Умнова.

В Москве играет пианист Артур Рубинштейн.

Мы встретились с ним на следующий день после его триумфального выступления в Большом зале консерватории. Утром он уже успел порепетировать несколько часов с оркестром, но усталости не было видно. Он весь светился радостью, и только натруженные руки, недавно извлекавшие в концерте Брамса титанической мощности звуки, спокойно отдыхали на подлокотниках кресла.

— Я ужасно волновался перед концертом,— признается Артур Игнатьевич.— Уж очень не хотелось после 30-летнего перерыва показаться москвичам стариком. Москва знает многих больших пианистов, а мой талант не чековая книжка, не капитал в банке — он стареет вместе со мной... Я был тронут приемом, какой оказали мне у вас. И ночью позвонил детям в Париж, чтобы сказать: все прошло хорошо, я встретил здесь друзей. Об этом я обязательно напишу и в книге воспоминаний, над которой сейчас работаю.

Уступая просьбам, Артур Игнатьевич рассказал содержание первых глав своей книги.

— Родился я в польском городе Лодзи. Был последним, седьмым ребенком в семье. Мои сестры, как это было тогда принято, брали уроки музыки. Я рано заинтересовался фортепьяно, но у отца были другие планы: он хотел, чтобы я играл на скрипке. Мне не оставалось ничего другого, кроме как трахнуть скрипку об пол. Отец был человек настойчивый и, задумав что-то, не уступал. Он написал письмо знаменитому скрипачу и другу Брамса — Иоахиму, который в то время директорствовал в Берлинской музыкальной академии. Через некоторое время мы получили от него пространный ответ. Иоахим советовал не мучить меня и не «натаскивать», как обезьянку.

не требовал от людей никакой помощи, он сам выворачивал камень, и сам вывозил его с поля. Только командуй! Столько было «вычесано» валунов за эти годы из пашен, что высокой стеной можно было бы отгородить поля колхоза имени Мичурина от дорог, да спасибо, строители мола в устье речки Пирита вывезли часть камней и уложили их в мол.

С каждым годом пашни становились все чище, все темней. Но и этого было мало: растения ждали удобрений. Немного их было в те годы, да и всякие встречались — полноценные и неполноценные. Мичуринцы покупали и те и другие. Как выздоравливающего ребенка, пичкали свой подзол...

И земля отблагодарила людей. Осенью на токах вырастали горы зерна. С каждым сентябрем — все выше. Получали по восемнадцать центнеров с гектара, потом — по двадцать, потом — по двадцать четыре, по двадцать пять. В засушливом 1963 году мичуринцы еще раз доказали ту простую истину, что хорошо обработанной и хорошо удобренной земле и засуха не страшна: урожай был отменный — двадцать шесть центнеров.

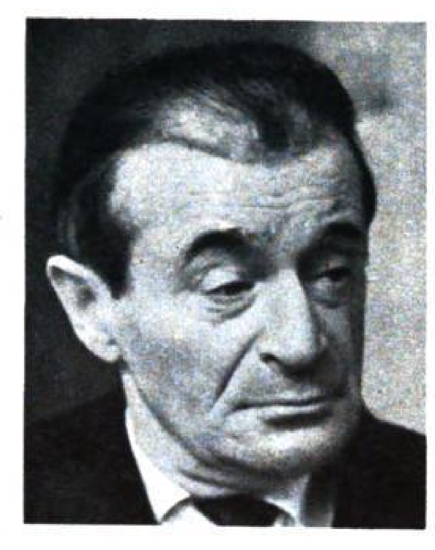
А нынче доброй гостьей пришла на поля химия. И зерно в колхозе имени Мичурина такое крупное, будто смотришь на него в лупу. Возьмешь горсть, и жаль выпускать, медленно цедишь сквозь пальцы и чувствуешь, как оно течет вниз тяжелой, литой струей. Нынче здесь собрали по тридцать пять центнеров с гектара. Не шесть, как девять лет назад, а тридцать пять, да еще с гаком.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев, сравнивая прибалтийские земли со скандинавскими, ставил задачу прибалтийским республикам — догнать скандинавские страны по урожаю. Вот и есть уже первый рапорт колхоза имени Мичурина: здесь не только догнали, но и здорово перегнали хорошие (по двадцать три—двадцать пять центнеров с гектара) скандинавские урожаи.

Тридцать пять центнеров — это значит, что еще больше повысятся доходы колхозников, удлинится новая белостенная, в ярких садах, колхозная улица, появятся новые колхозные хозяйственные постройки, улучшится жизнь села. И еще это значит, что человек стал сильнее природы, выиграл поединок с климатом, с подзолом.

— Выиграл?— переспрашивает Премет.— Ну, нет! Мы еще поборемся! Нынче у нас с одного участка сняли по пятьдесят семь центнеров ячменя. Пятьдесят семь—вот наша дальнейшая цель. Нынешний наш урожай — это ведь результат интенсификации земледелия. Все, что мы тут сделали за минувшие годы,— это и есть интенсификация. Вы бы и озаглавили ваш рассказ о нашем колхозе «Интенсификация», а?

Хорошо, пусть будет интенсификация. Пусть она будет!

ВЕЧНЫЙ ПОДДАННЫЙ ПОЭЗИИ

Когда уходит из жизни большой художник, сиротеют не только близкие, не только те, кто знал его лично. Пронзительная боль утраты отдается во множестве сердец, вдохновлявшихся искусством неповторимого мастера.

Ушел от нас Михаил Светлов — один из правофланговых советской поэзии, и осиротевшими чувствуют себя неисчислимые друзья его сверкающего таланта.

Скорбят пожилые одногодки поэта — бойцы, мчавшиеся на тачанках по полям гражданской войны, поседевшие рабфаковки двадцатых годов, активисты первых комсомольских ячеек. Прощаются с певцом те, кто родился в сороковых и встретил юность в шестидесятых.

Светлов был нестареющим ровесником всех поколений, влюбленных в молодость и революцию. И он останется сверстником тех, кому еще предстоит радость свидания с легендарной «Гренадой», с «Пирушкой», с «Итальянцем».

Свыше сорока лет звучал этот голос, полный удивительной чистоты и обаяния, голос, в котором слышались то боевые трубы романтики, то флейта мудрого раздумья.

Стихи Светлова можно было бы печатать без подписи: читатели узнавали его с первой строки, понимали с полуслова. Поэт говорил о самых высоких понятиях негромко, и от этого они становились еще дороже. И он умел возвеличивать, возводить в степень высочайшей поэзии то, что могло на первый взгляд показаться обыденным. Все в нем было неповторимо и неожиданно. Светловская интонация. Светловский язык. Светловский юмор.

И еще был светловский театр, ни на что другое не похожий. Пьеса-стихотворение. Спектакль-песня. Лирика выходила на подмостки, сказка сплеталась с жизнью, поэзия властно врывалась в драматургию. И действующие лица в обнимку с автором шагали в будущее.

Светлов оставался самим собой всюду: под обстрелом на фронтовой дороге и в целинном совхозе, на трибуне Политехнического и в застольной беседе с друзьями.

Все привлекало в нем: солдатское мужество и покоряющая доброта, строгая взыскательность и мягкая ирония, щедрость души и необычайная цельность поэтической натуры.

Биография Светлова напоминает стихотворение, написанное единым дыханием.

А география его поэзии беспредельна — от Каховки до Гренады, от казахских степей до Бранденбургских ворот.

Он имел право сказать:

Нет! Жизнь моя не стала ржавой,
Не оскудело бытие...
Поэзия — моя держава,
Я вечный подданный ее.

Мы проводили в последний путь смелого, мудрого, светлого человека. Но для державы, имя которой Поэзия, по-прежнему жив ее вечный подданный. Он зачислен навсегда в списки действующего отряда советских поэтов. И сколько бы десятилетий ни прошло, имя правофлангового Михаила Светлова будет громко и торжественно произноситься в строю.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Когда мне исполнилось четыре года, одна из моих сестер собралась выходить замуж. Мать вместе с ней поехала в Берлин купить материал на подвенечное платье. Захватили и меня. Я очень понравился Иоахиму, но учиться все-таки начал на рояле. Вскоре после этого вся наша семья переехала в Варшаву; здесь и состоялся мой первый концерт. Мне было тогда шесть лет. Коробка шоколада была моим первым гонораром. Через три года, когда пришла пора серьезных занятий, мой отец разорился; мы остались без денег. Мать отвезла меня опять в Берлин, чтобы определить к кому-нибудь в класс, но все профессора, которым меня показывали, интересовались больше, чем мной, деньгами. А их у нас не было. Помог Иоахим. Он нашел трех банкиров и вместе с ними заплатил за мою учебу у Генриха Барта и за содержание.

Мой новый педагог — ученик известных пианистов Бюллова и Таузига, страшно сухой, воспитанный на строгой классике, по-моему, спал на уроках. Даже Вагнер казался ему неприемлемым. Я стал «изменять» ему: на уроках играл старинную музыку, а дома с удовольствием изучал клавиры «запретных» вагнеровских опер.

Наблюдая все это, Иоахим направил меня к Падеревскому — большому музыканту и общественному деятелю; он даже был премьер-министром Польши. Может показаться странным, но Падеревский был слабый пианист. Все трудности он преодолевал с большим напряжением. У него не было врожденного таланта пианиста, но он был большой личностью, и у него был «шарм». Он с таким видом выходил на эстраду, так держался и так кланялся, что ему не надо было играть: успех уже был у него в кармане.

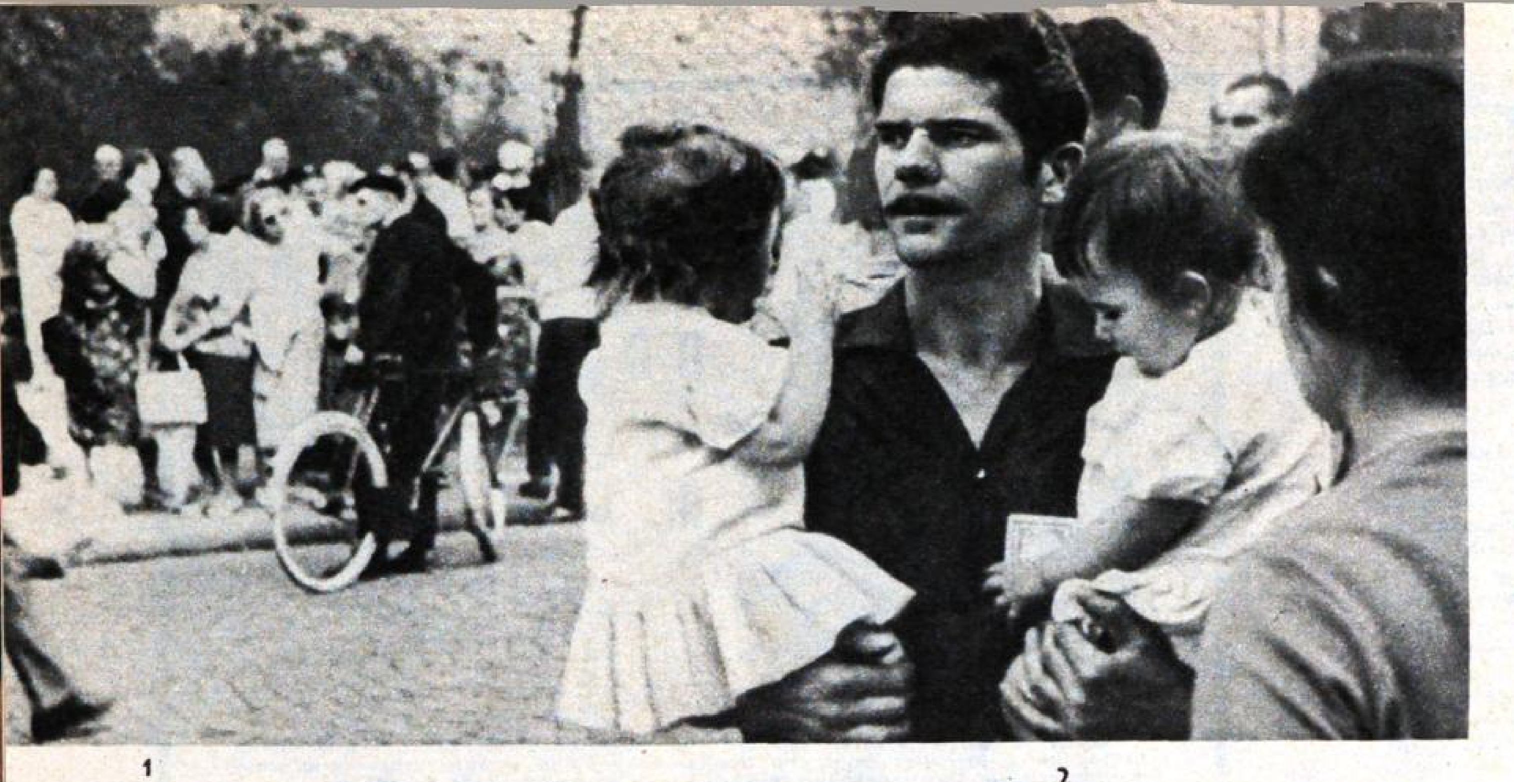
Так продолжалось до 17 лет, когда я, закончив свои занятия, попал в Париж, где встретился с Равелем, Пикассо, Тибо... Надо ли говорить, что мне дало общение с этими людьми! В Париже я познакомился с соратником Дягилева, Габриелем Острюк. Это был грандиозный импрессарио; он влюбился в мой талант и объявил мой концерт в Париже. После него критика сказала, что я еще не готов, однако Острюк не успокоился и организовал мне большое турне по США. Там меня тоже встретили прохладно, и я много страдал от этого.

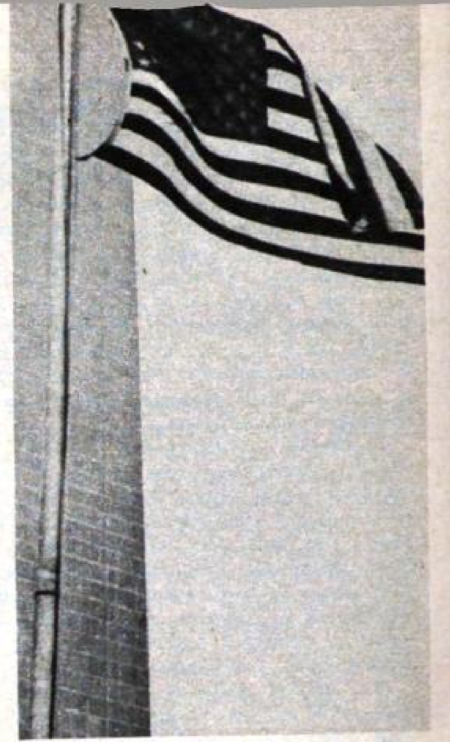
Поддержала меня Испания. Здесь я впервые почувствовал силу и уверенность. Моя игра пришлась по вкусу испанцам, и они даже объявили меня чемпионом мира. Успех открыл передо мной все страны, где говорят на испанском языке.

В 1910 году я решился выступить в конкурсе имени Антона Рубинштейна в Петербурге. Чтобы попасть в столицу России, за «черту оседлости», нужно было получить разрешение самого Столыпина. Тот ответил отказом. Тогда я, со свойственной молодости горячностью, появился в Петербурге без паспорта. Скандал как-то замяли, и меня допустили к соревнованиям. Был объявлен большой приз, он привлек таких сильных пианистов, как Фишер, Боровский, Генн. Последний имел в запасе «козырь» — рекомендательное письмо немецкой императрицы. Это «секретное оружие» выстрелило. Жюри заседало шесть часов и вынесло соломоново решение: деньги отдать Генну, а мне присудить первое место. Утешило меня только письмо известного русского дирижера Сергея Кусевицкого. «Приезжайте в Харьков»,— писал он мне и приложил чек на сумму, равную премии, отнятой у меня Генном и императрицей.

Так жизнь моя вступила в новый период.

М. КАПУСТИН

1 2 4

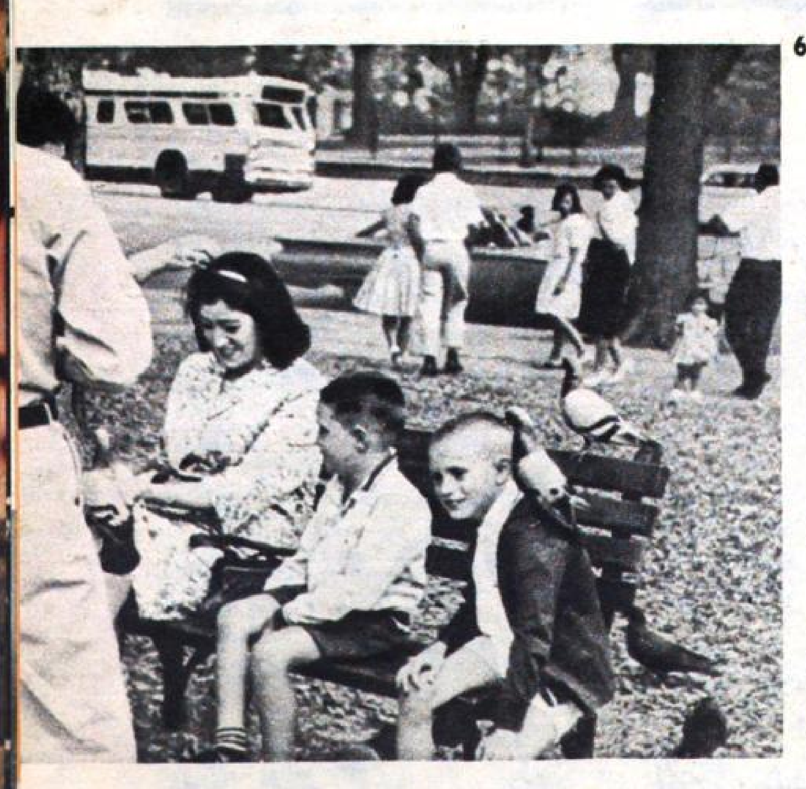

5

3

6

Б. БУРКОВ

ЛЮДИ, НАДЕЖДЫ, ЖИЗНЬ

(Из фотоблокнота журналиста)

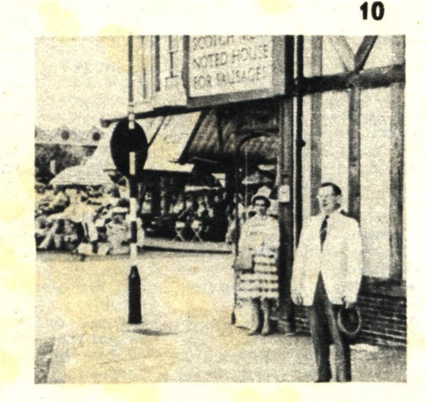

7 8

9 10

НЕДАВНО Я ПРОСМАТРИВАЛ ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ: ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, США. И ТАК КАК-ТО САМО СОБОЙ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО МНОГИЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ ДРУГ С ДРУГОМ СНИМКИ СЛОЖИЛИСЬ В ОДНУ ТЕМУ.

О ЧЕМ ЭТИ СНИМКИ! О ЛЮДЯХ. ИХ НАДЕЖДАХ. О ЖИЗНИ.

1

В Париже стоял солнечный день. Но это был день траура. Французский народ хоронил Мориса Тореза. У ограды кладбища Пер-Лашез стояло много людей, провожавших Тореза в последний путь. Мой объектив оставил на память этот снимок молодого французского рабочего с детьми. Я почувствовал боль рабочего, потерявшего большого друга, учителя, вождя...

2

На другое утро мы еще раз пришли на кладбище Пер-Лашез и стояли у портрета улыбающегося Тореза. Не хотелось, нельзя было верить, что он ушел навсегда. Живые цветы, множество живых цветов...

3

Рядом были другие памятники — каменные страницы замечательной революционной истории Франции. Стена Коммунаров. Памятник жертвам Равенсбрука. Памятники великим патриотам Франции, отдавшим свои жизни, как и Торез, за народ, за его счастье.

Читаем надпись на одном памятнике: «Под этим камнем покоится пепел 13 500 французских мучеников, убитых фашистами в лагере Нойенгамме. Они умерли за то, чтобы мы были свободны».

4—5

Огромный обелиск Георгу Вашингтону (в городе Вашингтоне). Здесь высоко-высоко развевается государственный флаг США. Пожилая американка с дочкой всматриваются в этот флаг. Они с надеждой смотрят на него. Они, конечно, тоже хотят свободы, надеются на лучшее будущее. Какое оно будет у них! Не знаем...

6

А что ждет этих веселых ребят! Сейчас они очень довольны. Воскресенье. Они кормят голубей на лужайке около Белого дома, крошат себе на голову хлеб — для птиц завтрак, а для ребят несказанное удовольствие.

Будем надеяться, что эти беззаботные ребятишки никогда не будут знать войны.

7

А у этой женщины очень мало в жизни надежд. Может быть, совсем нет надежды...

8

Этот снимок сделан за Кингстоном на Темзе у Королевского дворца. Многие из англичан даже на отдыхе в глубоком и грустноватом раздумье.

9

На обратном пути в Лондон мы заехали в Буши-парк, чтобы посмотреть на свободно разгуливающих оленей. Один из них подошел к нашей машине. Поздороваться. Очень общительный олень.

10

Этот католический проповедник тоже очень общительный. Он убеждает всех прохожих в том, что спасение человечества в вере. Но его почти никто не слушает. Одна женщина, правда, остановилась. Но это потому, что ее дочка пошла в соседний магазин.

ВРЕМЯ, ОТДАННОЕ ИСКУССТВУ

В последний четверг сентября московские школьники явились в школу без учебников и тетрадок. В этот день новое они узнавали не в классах, а в музеях, картинных галереях, на выставках, в театрах, концертных залах. Они учились смотреть и понимать живопись, скульптуру, слушать музыку. Им рассказывали, как писатели создают книги, как режиссеры и актеры ставят спектакли, как снимаются кинофильмы. Этот день целиком был отдан искусству, посвящен путешествию в прекрасный мир творчества.

Мальчишки из четвертого класса 72-й школы пришли посмотреть панораму Бородинского боя. Звучит голос экскурсовода, рассказывающий об Отечественной войне 1812 года, а в ушах у мальчишек гремят пушечные залпы, несется отчаянное: «В атаку! Ура!!!» Перед глазами у них сшибаются кони, сверкают палаши, и всем существом своим ребята с тем русским солдатом, что один врезался в гущу врагов и, сам израненный, окровавленный, крушит их налево и направо. Пусть теперь учитель истории спрашивает про войну 1812 года. Уж они сумеют ответить: сами побывали под Бородином, видели великую битву!

У третьеклассников 31-й школы — встреча с книгой, с верным другом. Один мальчик сказал: «Когда у меня заболели рыбки, я взял книгу и узнал, как их лечить». Его приятель добавил: «Из книжки я узнал, как сделать детекторный приемник. Теперь у меня есть свой приемник, только говорит он тихо».

Сегодня работники Городской детской библиотеки показывают ребятам хранилище, где на полках тесно прижались друг к другу 135 тысяч книг. Ребята видят, как по требованию читателей книги поднимают из подвала на лифте. Школьники знакомятся с литературой, которую будут читать, когда подрастут, встречаются со старыми знакомыми — книжками для малышей. Им рассказывают, как работает библиотека. За 30 лет здесь побывало 7 267 723 школьника!

К ученикам 16-й спецшколы искусство само пожаловало в гости. Артисты Московской эстрады, театров Большого, Малого, оперетты дали в школе концерт. Целых три часа здесь звучала музыка, читались стихи, скользили в танце балерины, и гремел актовый зал горячими, восторженными аплодисментами!

Сто классов побывало на экскурсии в павильоне «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства.

— Почему в день эстетики вы пришли именно сюда? — спросили мы у шестиклассников 739-й школы.

— А вы посмотрите, как красивы спутники и космические корабли! Как прекрасна — будто существо из фантастического мира — межпланетная станция! А костюм космонавта? Может ли быть что-либо замечательнее!

Мы, конечно, не успели заглянуть в десятки, нет, в сотни уголков, где побывали в день школьника маленькие москвичи. И все же мы убедились: там, где эстетическому воспитанию придается должное значение, где к делу относятся с душой, день этот не пропал для ребят даром. Такие дни будут проводиться четыре раза в году.

Л. КАФАНОВА,
Ю. КРИВОНОСОВ

ПРИМЕТА МОЛОДОСТИ

Надир АБДУРАХМАНОВ,

Если вы никогда не бывали в Азербайджане, посмотрите на картины наших художников. Республика встанет перед вами как живая — в цветении садов Ленкорани, жарком, пропитанном нефтью дыхании земли Апшерона, стальном кружеве вышек на Нефтяных Камнях, сиянии огней Мингечаура, задорной молодости города металлургов Сумгаита, белоснежной стройности бакинских кварталов и величавой торжественности горных вершин. Наглядевшись на все это, вы поймете, почему так много у нас художников. Почему каждый из нас легко находит свою тему, свои краски и образы для рассказа об одном — о жизни родного края.

Холсты нашего старейшего мастера, народного художника Саттара Бахлул-заде — это розовая кипень садов, алое буйство маков у синего озера, бездонная глубина небес, румяный и мечтательный лик зари. Бейюк-ага Мирза-заде лица своих любимых героинь — ленкоранских женщин-тружениц — пишет похожими на цветы. Гасан Ахвердиев саму «Весну» увидел юной горянкой.

Народный художник СССР Микаил Абдуллаев, за двадцать лет творчества исколесивший всю республику и запечатлевший немало ее трудовых будней, недавно в дальних селениях Апшерона и Карабаха отыскал свои новые лиричные и мудрые картины-раздумья о переплетении древних и новых дорог жизни, о судьбах страны и народа, о родстве земли и человека.

С приходом зрелости человеку свойственно больше задумываться над смыслом жизни, истоками любви к родине.

Молодежь увлечена ритмами современности, романтикой труда, разумной мощью индустрии и властью человека над ней.

Еще в стенах вуза дипломной работой «С вахты» начал свой живописный сказ о нефтяниках Каспия Таир Салахов. Для него нет большей радости, чем писать сильных, мужественных людей в замасленных и просоленных робах, славить суровый труд добытчиков «черного золота».

Вместе с Таиром месяцами живет на нефтепромыслах Расим Бабаев, недавний воспитанник Суриковского института. Когда друзья работают на натуре, перед Таиром неизменно мольберт и краски; у Расима же чаще всего — лист бумаги и карандаш. После, в мастерской, он сменит их на кусок линолеума и резец. Линогравюра — любимая техника молодого одаренного графика. Случается, что и Расим берет в руки кисть и палитру. Однако его живописные работы никогда не повторяют созданного или увиденного другом — дополняют и продолжают.

В графически четких, лаконичных индустриальных пейзажах Бабаева — «Нефтенали», «В воздухе», «Земля» — человека нет. Но они все равно говорят о трудовом человеке, заполнены делом его рук.

Есть еще одна примета молодости республики, о которой, пожалуй, не задумывается теперь не только молодежь, но даже те, кто постарше. Эта примета — само национальное азербайджанское изобразительное искусство.

Сегодняшние наши молодые живописцы, скульпторы, графики — всего лишь третье поколение профессиональных художников Азербайджана. Много веков наше изобразительное искусство было только прикладным народным творчеством. Не прошло еще и века с той поры, как оно, преступив запрет корана изображать живые существа, вышло на дорогу большой живописи, скульптуры, графики.

В это с трудом верилось даже нам — азербайджанским художникам, когда в мае нынешнего года открылась в столице республики выставка, посвященная 150-летию вхождения Азербайджана в состав России. Все виды станкового искусства, великолепные образцы монументальной скульптуры! Недаром наш Баку называют городом памятников!

На полотнах, графических листах, в изваяниях — современность Азербайджана, напористая, смелая, счастливая, щедрая. Но мне запомнилась и картина, рассказывающая о прошлом,— «За новую жизнь» Эйюба Мамедова. Двадцатые годы — первые годы Советской власти на азербайджанской земле. Женщины-азербайджанки сбрасывают чадру, впервые открывая лица навстречу свободе. Миллионы русских сестер помогали им.

Нашей старшей сестрой, зовущей к свободе и к счастью творчества, для азербайджанского национального искусства была русская художественная школа. Ее мастера — И. Грабарь, С. Герасимов, Б. Иогансон, М. Манизер, В. Орешников—бережно и требовательно растили молодые таланты. Сегодня, в год своего юбилея, мой народ с благодарностью называет их имена.

Т. Яшаев. ШУМИТ МОРЕ.

Г. Ахвердиев. ВЕСНА.

Э. Мамедов. ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ.

Р. Бабаев. НЕФТЕНАЛИВ.

ЧЕГО МЫ ХОТИМ? • ДРУЖБА СО СТАРШИМ • ЛЕНЯ И КЛАСС • МЕЛОЧИ, МЕЛОЧИ, МЕЛОЧИ • БОГАТСТВО, КОТОРОЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ ДЕНЬГАМИ...

ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ

Н. ДОЛИНИНА,
учительница

ДЕТИ ДО 16 ЛЕТ...

Удивительная особенность есть у педагогического дела. Спросите, например, фрезеровщика, какова конечная цель его работы. Он ответит вам с предельной точностью: такая-то деталь, такого-то размера, вплоть до микрона. Спросите о том же врача — и любой врач назовет и общую цель: чтобы люди были здоровы, и свою конкретную, сегодняшнюю: вылечить сердце, оперировать аппендицит, облегчить боль...

Казалось бы, цель воспитания ясна — формирование настоящего человека, строителя коммунистического общества. Но, во-первых, воспитанием занимаемся мы все — и фрезеровщики, и врачи, и люди всех других специальностей. Во-вторых, даже учителя, профессиональные воспитатели, немедленно заспорят между собой, едва вы попросите их конкретизировать, уточнить эту цель — формирование настоящего человека.

А что значит — настоящий человек нашего времени? Каков он? Что в нем главное? И как это главное воспитывать?

На эту тему написано и сказано так много, что, кажется, ничего уже не прибавишь. Но, я думаю, об этом будут спорить еще много лет, и каждое мнение, каждое наблюдение что-то прибавляет нашему общему пониманию проблемы.

...Мой ученик сказал мне однажды очень страшные слова: «Чего вы от меня требуете? Честности? Активности? Доброты? Скажите моему отцу, что я подлец, негодяй... Он ответит: «Это все ладно, а как у него с успеваемостью?»

Такие родители, конечно, редки. Но часто, к сожалению, приходится слышать недоуменное: «Чего вы от него хотите? Он же дисциплинированный, хороший ученик. Разве этого мало?»

Да, мне думается, мало. Воспитать хорошего ученика не так уж сложно. Воспитать хорошего человека, духовный облик которого отвечал бы высоким требованиям морального кодекса коммунизма... Но лучше я просто расскажу о том, чего я хочу от своих учеников как учительница и чего я хочу от своих детей как мать. Ведь это очень близкие вещи: отношение учителя к ученикам и отношение матери к детям...

* * *

На меня, как, видимо, и на многих читателей (судя по откликам), произвело гнетущее впечатление опубликованное в «Комсомольской правде» письмо девушки Оли, случайно познакомившейся в поезде с парнем и рассчитывавшей на брак с ним, а когда парень отверг ее, она обратилась в газету. Во всей этой истории меня заинтересовал не юноша (я не берусь судить о нем только по Олиному письму), а сама Оля с ее невероятно низкой нравственной культурой. Чему-то ее, видно, учили, раз она умеет внятно и довольно «складно», не без демагогии, составить послание в газету! Дали ей некоторую сумму элементарных познаний: эстетических, профессиональных, даже общественно-политических, судя по ее письму. Но никакого понятия о таких простых вещах, как гордость, достоинство, честь, никакого представления о любви — о том, что любовь надо заслужить, что брак не заключают во время карточной игры.

Оля — исключение, история ее — единичная, вопиющая. Но известно: слишком еще много заключается поспешных, необдуманных, «скоропортящихся» браков. К сожалению, в этом можно убедиться не только из газет. Откройте в школе последнюю страницу любого классного журнала — ту, где записаны сведения о родителях: сколько трагедий, сколько изломанных детских судеб глянет на вас с этих скромных официальных страниц!

Что же делать с молодежью, чтобы предотвратить эти трагедии? Есть очень удобный, проверенный веками выход: качать головой, вспоминать (невольно приукрашивая) свою юность и сетовать: «Да, не та молодежь пошла... Да, были люди в наше время...» Увы, этот выход, может, кому-то и облегчает душу, но не помогает нисколько.

В последние годы найден иной выход, и я принадлежу к его сторонникам: перестать замалчивать интимную сторону жизни; говорить с молодежью о любви, о браке, о семье; готовить молодых людей к жизни не только на производстве, но и в быту — заниматься так называемым половым воспитанием. Но если оно тоже превратится в один из разделов воспитательского плана, и только, если за «мероприятиями по половому воспитанию» забудется главная цель — сделать хорошего человека коммунистического общества, тогда, конечно, Оли и Маши по-прежнему будут засыпать редакции газет и журналов исступленными письмами: «Я его люблю, он меня — нет. Что мне делать?» Или: «Я так ему верила, а он надо мной смеялся. Накажите его». Как будто можно давать советы и рецепты в любви — да еще издалека, не зная людей! Как будто можно заставить разлюбившего полюбить снова — путем наказания, или принуждения, или даже отеческого совета!

Всё давали Оле: ее учили, водили на экскурсии, в культпоходы, ей читали лекции, объясняли, что хорошо и что плохо... Одного у нее не было — и я в этом убеждена — нормальной, необходимой всякой девушке дружбы с умной взрослой женщиной — матерью, учительницей, соседкой, воспитательницей общежития, работницей того же завода. А без такой дружбы все лекции и мероприятия мало что стоят.

Все, наверное, помнят фильм «А если это любовь?». Нечто подобное тому, что мы увидели в фильме, происходит еще, к сожалению, и в школах (пусть далеко не во всех) и в семьях (чаще, чем в школах). Но вот мы у себя в школе давно забыли, как это можно запрещать или преследовать первую любовь, «прорабатывать» юношей и девушек за стремление уединиться, за записки и прочие атрибуты влюбленности. Мы стараемся, не навязываясь, тактично говорить с ребятами обо всем том, о чем много лет принято было молчать...

Но что стоили бы все наши разговоры, если бы у нас не было той духовной близости с учениками, того взаимного доверия, которое не запланируешь, которое называется не взаимоотношениями учителя и ученика, а проще — дружбой старшего с младшим. Это и есть, на мой взгляд, первое, главное, необходимейшее условие нравственного воспитания, воспитания хорошего человека: дружба со старшим.

Как и всякие человеческие отношения, такая дружба требует взаимных усилий. Но с нас, взрослых, спрос больше. От нас зависит тон, определяющий отношения. Недавно у меня был великолепный разговор с учеником, очень трудным парнишкой:

— Удивляюсь я тебе. Ну что тебя тянет к таким бессмысленным парням, как Славка, Яша, Димка... Ведь они ни о чем не думают, ничем не интересуются, им бы выпивка, карты — и все...

— Да что вы, они мне и самому надоели! Я и сам вижу, что у них интересов нет. Скучно с ними...

Через пять минут он возмущенно рассказывает мне:

— Представляете, Кольке учительница сказала: «Я тебе запрещаю дружить с Виталием. Он на

тебя плохо влияет». Ну, конечно, он не послушался. Как это — запрещать дружбу! Просто смешно!

Я слушаю его и думаю: хорошо, что я сказала: «Удивляюсь тебе...»,— а не что-нибудь более категорическое, вроде: «Не нравится мне твоя дружба...» Ответом был бы бурный протест против «давления на личность». А так мой ученик даже не заметил, что я тоже, грешным делом, «надавила» на его личность.

Вовсе я не хочу сказать, что у меня всегда хватает выдержки и такта, чтобы найти и сохранить нужный тон. Увы, нет: срываюсь, ошибаюсь, раскаиваюсь столько же (если не больше), сколько любая учительница, любая мать. Но стремлюсь к тону совета, а не приказа, доверия, а не окрика, уважения, а не запрета. И когда удается этот тон, как легко и счастливо тогда жить и работать с ребятами, как много получаешь от них!

* * *

Был у меня в классе мальчик по имени Леня. Занятный мальчик, огромный, веселый, добрый, наделенный самыми разнообразными способностями: он и музыкален, и на прошлогодней математической олимпиаде диплом получил, и обладает редким чувством юмора. Класс полюбил Леню мгновенно — и ненадолго. Уже через месяц одно его появление в дверях школы вызывало хохот, а через полгода Лене пришлось выслушать на классном собрании много неприятных слов: он не хочет думать, не умеет работать — при всех своих способностях погряз в двойках; он ни о ком не заботится, думает только о себе; у него нет самолюбия, воли, ему нравится быть шутом; он всегда и везде старается выкрутиться, оправдаться, обвинить всех, кроме себя...

На это собрание была приглашена Ленина мама. Несладко ей было слушать все, что говорили о сыне товарищи, и я смотрела на нее с сочувствием, хотя и была уверена: надо ей все это слышать, надо знать... Но вот мама попросила слова, и моя жалость испарилась мгновенно. Она не приняла критики. Она тоже выкручивалась, оправдывалась, обвиняла — совершенно так же, как сын. И одно из главных обвинений, адресованных ребятам, было такое: почему вы не обратились ко мне?

Ошарашенные ребята не сразу смогли ответить. А потом спросили: почему мы должны обращаться к родителям? Разве у Лени нет своей головы? Вот этот вопрос и я задавала Лениной маме с первого дня знакомства. Почему все, решительно все должна решать за пятнадцатилетнего парня мама? Ответ всегда был один: да что вы, да разве он сам может справиться с учением...

Даже после классного собрания, на котором стало ясно, что надо задуматься над человеческими качествами сына, мама долго еще сидела в учительской и рассказывала все то же: «Я его теперь запру. Я никуда его не пущу. В кружок ходить не будет. Сама буду сидеть возле него и смотреть, как он делает уроки...»

Парню шестнадцатый год. Он умеет танцевать твист и убедил родителей, что без дорогого черного костюма жить никак невозможно. Это он умеет, а больше — ничего! Ни работать, ни учиться, ни дружить, ни любить, ни бороться, ни отвечать за что бы то ни было... Нужно ли объяснять, почему? Ленина мама так и не поняла, что, запретив что-то сыну, она нисколько не поможет ему. Он останется таким же беспомощным и неумелым нравственно, как и раньше: ведь еще никогда, ни разу она не доверила ему ответственности хотя бы за себя самого!

Перевели ко мне в класс мальчика Толю. Назавтра пришла его мама и сообщила, что Толя очень тихий, ни с кем не дружит, никуда не ходит, в кино бывает только с бабушкой, дома за ним следят изо всех сил, а те неприятности, за которые его наказали переводом в другой класс,— это все влияние дурных мальчишек. Я больше ничего не знаю о Толе. Но я видела этих мальчиков, которые ходят в кино с бабушкой. Едва бабушка отвернется, они удирают на волю — и неважно ведут себя на этой самой воле! Потому что не приучены к ней — вот почему!

Я видела этих мальчиков — и один из них, окончив школу под неусыпным, бдительным оком мамы, поступив в институт под тем же старательным оком, находится сейчас под следствием за то, что проломил голову своему бывшему соученику. Мама не приучила мальчика ни обдумывать свои поступки, ни отвечать за них — и вот результат: едва выскочив из-под маминого крыла, парень совершает преступление. Он плачет, он кается, он не думал, что так получится, а хороший человек лежит в больнице, и снова мама того, кто ударил, пытается прикрыть своего мальчика, защитить, объяснить...

Дорогие мамы сыновей! Я тоже мать сына. И знаю, как трудно, как страшно доверить своему мальчику его собственную жизнь. Но без этого он никогда не станет мужчиной — поверьте мне, это я знаю уже как учительница!

* * *

Вот самый маленький, самый элементарный коллектив — семья. Заботливые папа и мама покупают детям апельсины и яблоки, дети съедают их, привыкая постепенно к мысли, что лучшее — им, самое вкусное — им. Так уж положено. Дети стали взрослыми. Мама приносит яблоки или конфеты, кладет их в вазу. Через час ваза пуста. Ошарашенные родители спрашивают: «Как же вы все съели? Почему не подумали о нас?» Дети (они вовсе не плохие ребята) и сами удивлены: действительно, как это не подумали?

А кто приучил их думать, заботиться о других — даже самых близких людях? В семье не приучали. В школе... говорили, конечно, о коллективизме, но мелочами не занимались. А как много значат эти самые мелочи! Известный пример — класс едет за город. И даже сейчас, до сих пор, есть учителя, допускающие, чтобы дети ели свои завтраки по углам, каждый — свое: один — побольше и повкусней, другой — попроще и поменьше. Я знаю учительницу, которая при поездке в другой город — не на день, на неделю — не потрудилась собрать у ребят деньги, не поинтересовалась, сколько у кого этих самых денег. Какой вред могут принести формирующемуся характеру эти самые мелочи, кто измерит этот вред!

Я знала молодую семью, которой жилось на первых порах

УСПЕХ ОБЕСПЕЧЕН МУЖЕСТВОМ

Над Крымом низко идет двухмоторный самолет. Вдруг у подножия горы воздушный поток, словно могучая рука, подхватывает его, подбрасывает...

Летчик-испытатель Константин Андреевич Романов выравнивает самолет и, набирая высоту, уходит от опасного места.

Рядом с пилотом — кандидат географических наук Михаил Семенович Шелковников.

— Давайте повторим исследование.

Летчик снова ведет самолет к подножию горы...

Так работники Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации изучают природу воздушных вихрей, которые порой возникают в горах, определяют поведение самолетов и вертолетов.

В исследованиях участвуют также доктор географических наук Петр Алексеевич Воронцов, старший инженер Николай Иванович Трусиков и пилот вертолета летчик-испытатель Георгий Павлович Дробышевский.

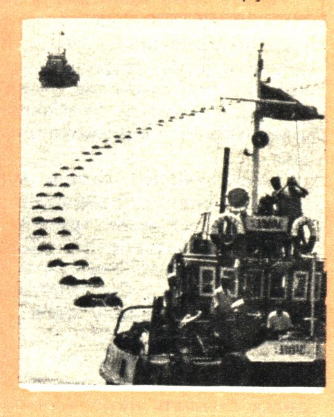
Обычно опасные места отыскивает на своем самолете Романов. Вместе с Шелковниковым они проводят первые исследования, а потом прилетает вертолет Дробышевского. Вихри, как правило, возникают на малых высотах, и потому они бо́льшую опасность представляют для вертолетов. Бывало так, что машину Дробышевского подбрасывало вверх на 300 метров и на 300 метров бросало вниз.

— Наша экспедиция,— рассказывает Михаил Семенович Шелковников, — определила природу возникающих в горах воздушных потоков, составила рекомендации полета над горами и пилотирования летательных аппаратов, попадающих в эти опасные условия. Успех нашей экспедиции во многом был обеспечен мужественной работой опытнейших летчиков-испытателей Романова и Дробышевского.

А. ГОЛИКОВ

В МОРЕ — СТАЛЬНАЯ ЗМЕЯ

За кормой корабля не рыбачья сеть, а километровая стальная нить труб.

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Георгий Малакиевич Турманидзе в гостях у Богуслава Дивиша.

На стадионе в Тбилиси готовились к международному турниру баскетболистов. Было жаркое лето, и после тренировки спортсмены направились к воде освежиться.

Пришел на речку и баскетболист из сборной Чехословакии Богуслав Дивиш, член спортивного общества «Руда гвезда». Не думал Богуслав, что это купание может стать для него роковым. Дивишу нельзя было купаться после того, как его тело восприняло изрядную порцию кавказских солнечных лучей: как оказалось, он был предрасположен к редкому и тяжелому

трудно. И муж в одиночку ходил подкармливаться к маме. Мама принимала его, кормила одного, без жены, сегодня, и завтра, и послезавтра. Через несколько лет этот молодой человек, окончив институт, отказался помогать матери. Соседи ахали: «Вот каков! Она ему последнее отдавала!» Я не оправдываю юного мерзавца. Я хочу только сказать, что мама сама вырастила его таким.

Семья — и школьный класс! Казалось бы, такие разные вещи. А в сущности, они не так уж далеки друг от друга. И не верю я, что можно быть внимательным дома и невнимательным в классе — случайностей здесь не бывает.

Я ездила со своим девятым классом на экскурсию в Таллин. Мы провели вместе пять суток, и за это время я узнала ребят лучше, чем за семь месяцев, проведенных с ними в школе. Многое меня порадовало в ребятах. Они все — или почти все — умеют делиться последним, умеют думать друг о друге, когда речь идет о серьезных вещах — болезни, горе, труде. Но мелочи... Они начались еще на перроне в Ленинграде. Я втаскивала в вагон тяжеленный рюкзак на глазах пяти пап, стоявших на перроне. Никто из них не пошевельнулся, чтобы мне помочь, а один еще нашел самое подходящее время, чтобы начать разговор о нашем возвращении. Что же удивляться, что мальчишки мои в вагоне тоже «не заметили» меня с рюкзаком. Не волнуйтесь, папы! Это хамство вылетает из мальчиков быстро — и на обратном пути они уже несли мои вещи и вещи девочек, а выходя из вагона в Ленинграде, только и смотрели, кому бы помочь. Но почему вы до сих пор не научили ваших ребят и не научились сами помогать людям?

Еще мелочь. По вечерам мы устраивались на матах и разговаривали, пели, читали стихи. Ребятам это нравилось. Но я была вынуждена прекращать эти вечерние бдения за два часа до отхода ко сну: меньше двух часов не уходило у моих ребят на то, чтобы раздеться, умыться и лечь. Почему? А как же! Кто-то уже лег, а другой только собирается, а третий в это время в разгаре увлекательнейшего разговора, а четвертый как раз пришел в веселое настроение... Ну, дети еще, скажете вы. Нет, это не оправдание. В пятнадцать лет человек обязан думать о тех, кто рядом с ним, и если один спит, а другой в полный голос поет песни, из этой мелочи вырастает эгоистический, скверный характер!

И не одна еще понадобится поездка, чтобы воспитать умение помнить, что вокруг тебя люди,— то умение, которым обладают некоторые девочки и мальчики, те, кого воспитала умная и внимательная семья!

Из этого ведь умения вырастает другое, еще более важное: бросить свои дела и пойти на помощь другому человеку или другим людям — не за спасибо, не за популярность, не за почести или деньги, а потому, что иначе невозможно, иначе совесть не позволяет!

А вырастает все это из мелочей...

* * *

«Мне жилось трудно, я хочу, чтоб моим детям было легче»,— так часто говорят родители. Ну что ж, я готова согласиться с ними. Я тоже хочу, чтобы моим детям жилось лучше. А легче живется хорошим людям. Так мы вернулись «на круги своия».

Нет, не будет легко в жизни тому Толе, которого перевели в наш класс и о котором я до поездки в Таллин знала только, что он даже в кино ходит с бабушкой. Не будет ему легко, потому что пять суток в потрясающем городе он протомился в поисках партнеров: «сыграть бы во что-нибудь, или посидеть в ресторане, а все бегают по городу и его окрестностям,— чего нашли интересного?»

Не будет легко и девочке, заметившей в Таллине одни магазины и снедаемой муками: всего не купишь!

Человеку духовно нищему не живется легко. Я хочу, чтоб мои дети выросли богатыми,— и это богатство измеряется не деньгами и не тряпками. Я желаю им другого богатства — наслаждения красотой, дружбой, любовью, спокойной совестью, умения думать о жизни, заботиться о людях и испытывать их заботу... Я верю, что с таким богатством легче жить, легче строить коммунизм.

Ленинград.

Искендер Искендеров, автор проекта подводного газопровода.
Фото Г. Копосова.

Корабли выходят в Каспийское море. Путь недальний — от Апшерона к Жилому острову, всего семнадцать километров. Но нелегкий путь: на буксире у «Эльбруса» необычный груз — километровая плеть стальных труб, звено подводного газопровода.

На Жилом открыто месторождение газа. Газ не нефть, и танкером его на материк не перебросишь. Специалистам азербайджанского института Гипроморнефть пришлось немало поломать голову, чтобы найти выход из положения. Построить газопровод? Но делать это на дне морском еще не научились. Искендер Искендеров, руководитель лаборатории подводных трубопроводов, предложил интересное инженерное решение. Вести все работы на плаву! На берегу сваривается одна секция. Несколько десятков понтонов обеспечивают ей плавучее состояние. И вот стальная змея погружается в воду. Несколько часов хорошего ходу — и голова ее выползает на другом берегу. Дальше — сложнее. Надо погрузить хвост на дно, чтобы в шторм море не разметало трубу на части, пока подоспеет следующая секция. А тогда первый отрезок поднимают на поверхность и на плаву сваривают его со вторым. Удвоенная нить с удвоенной осторожностью опущена на дно. Буксир возвращается на Апшерон.

И снова выходят в море строители...

Газопровод построен. Первый опыт удался, подтвердив расчеты проектировщиков. Он будет использован при сооружении новых подводных коммуникаций.

Вл. КРУПИН, собкор «Огонька»

БАБУШКА СЕГОДНЯШНИХ ГИГАНТОВ

61 год назад газета «Северный Кавказ» сообщила, что к пуску готова первая в России гидроэлектростанция «Белый уголь», сооруженная на реке Подкумок, близ города Ессентуки. Несколько позже следовало подробное описание торжества по поводу начала эксплуатации электрического трамвая в Пятигорске и электрического освещения в городах-курортах на Минеральных Водах.

Все это происходило в то время, когда трамвай даже в Москве был диковинкой, а большинство улиц освещалось газовыми фонарями.

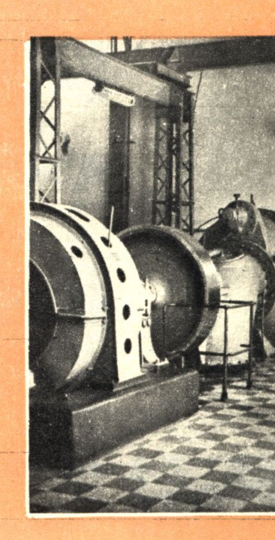
Перед проектировщиком первой гидроэлектростанции инженером С. М. Фридманом стояла тяжелая задача: река Подкумок отличается чрезвычайно неустойчивым режимом.

Чтобы обуздать реку, нужно было построить мощную, а следовательно, и дорогую плотину. С. М. Фридман пошел по другому пути. Он решил в двух километрах от станции соорудить банкетную плотину со свободным переливом через нее паводковых вод. Такая плотина повышала уровень воды в реке. От плотины в сторону станции вырыли канал, шедший вдоль берега реки. Таким образом, русло Подкумка по течению все время опускалось, а русло канала оставалось горизонтальным, так что у станции разность уровней воды в реке и канале достигала 16 метров.

Затем по наклонному металлическому трубопроводу, который соединил канал и русло реки, устремилась вода, предварительно прошедшая через лопасти двух быстроходных турбин.

За шестьдесят лет эта крохотная по современным масштабам станция дала 150 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

А. МИХАЛКОВ

Машинный зал электростанции «Белый уголь».

кожному заболеванию. И Богуслав действительно занемог. Болезнь сразу приняла угрожающий характер.

О болезни чешского спортсмена узнали в Министерстве здравоохранения СССР. В Тбилиси по первому требованию врачей отправлялись самолетами остродефицитные медикаменты. Туда вылетел известный советский дерматолог Александр Васильевич Брайцев. Александру Васильевичу и грузинскому врачу Пату Ивановичу Мгалобишвили удалось спасти Богуслава.

— А положение, надо сказать, было тяжелейшее,— рассказывал мне Александр Васильевич.— Прилетел в Тбилиси и вижу: в палате инфекционной больницы лежит без сознания парень. Пульс едва прощупывался. Консилиум установил, что у больного экссудативная многоформная эритема тяжелого течения. Медики называют ее синдромом Стивен-Джонсона.

Синдром Стивен-Джонсона! Редко встречающаяся, малоизученная болезнь вирусного происхождения. Она поражает весь организм человека. В большинстве случаев человек погибает от общего заражения крови.

Врачи, лечившие Дивиша, испробовали всякие средства, в том числе и мази, которые изготавливает старейший грузинский врач, ныне пенсионер Г. М. Турманидзе.

Прошло полтора месяца, и Дивиш покинул больничную палату вполне здоровым.

— Как вас благодарить?— говорила врачам, сестрам, санитаркам Мария Дивиш, жена Богуслава, которая прилетела из Чехословакии в Тбилиси.

...Пардубице. Один из промышленных центров Чехословакии. Город, знаменитый на всю страну своим национальным лакомством — пряниками, как у нас, скажем, Тула или Вязьма.

Небольшой уютный домик. За столом двое: пожилой человек с добрым, усталым взглядом и красивый вихрастый парень. Это и есть Богуслав Дивиш и его гость — врач из Тбилиси Георгий Малакиевич Турманидзе.

— Пять дней, проведенных у Дивишей,— рассказывал Георгий Малакиевич, — на всю жизнь останутся в моей памяти. Мне было очень приятно сознавать, что симпатии, которые выражали мне, советскому врачу, относятся ко всему нашему народу.

Б. ПЕРЕЛЬМУТЕР

После выступления «Огонька»

Истории, ждущие продолжения

Вл. РУДИМ

ДВЕ ЭВАКУАЦИИ

Репортаж «Давшие жизнь, спасшие жизнь», опубликованный в «Огоньке» № 10 за 1964 год, вызвал оживленные отклики читателей, напомнил о других историях, пережитых, прочувствованных, услышанных. Но прежде чем рассказывать об этих историях, прочтем письмо из Батуми от Григория Михайловича Ломадзе. Читатели, вероятно, помнят, что в одной из глав репортажа они познакомились с Марией Филипповной Личко: в грозную военную годину она приютила мальчика Витю Ломадзе, у которого отец сражался на фронте, а мать схватили фашисты. Григорий Михайлович горячо благодарит Марию Филипповну. «С помощью «Огонька» — пишет Г. М. Ломадзе,— наша семья смогла разыскать дорогого нам человека Марию Филипповну Личко. Теперь мы установили с нею дружескую связь. Мы пригласили Марию Филипповну к нам в гости, она обещает приехать в Батуми».

Теперь — о новых историях, требующих поисков, ждущих новых писем. Откликнулась на репортаж «Давшие жизнь, спасшие жизнь» и Надежда Максимовна Кийченко из поселка К. Либкнехта.

Вот о чем поведала Надежда Максимовна. Война. Эвакуация к Волге, в Чернышковский район. Когда приблизились гитлеровцы, «снова была объявлена эвакуация». Только теперь с семьей Кийченко ехали еще две девочки — Нина и Ира Панковы. Дело в том, что в день эвакуации отец сестер Георгий Панков был вызван в военкомат, и Кийченко взяли девочек с собой. В дороге Ира потерялась. Нина же не расставалась с новой семьей, жила с нею до 1963 года (в том году она умерла, оставив двух крошек — Ирочку и Свету). Надежда Максимовна давно разыскивает Георгия Васильевича Панкова. Теперь, думается, их письма встретятся в редакции.

ПРО РИТУ, ПРО СЕРГЕЯ

«Сейчас напишу все о себе, что слышала от соседей,— так начинает свое письмо Рита Алексеева из поселка Молодежный, Мурманской области. — В город Остров, Псковской области, прибыла партия, которую фашисты гнали в Германию. Среди них была я, моя сестра Лида и братишка (имени не помню). Они были старше меня, лет 9—10, а я тогда только начинала ходить или от голода перестала ходить».

Дальше из письма узнаем: Рита, по всей вероятности, из города Павловска, Ленинградской области. Отец был на фронте, мать погибла от вражеской бомбы, когда шла полоскать белье на речку. Риту вместе с братом и сестрой взяла к себе жительница города Остров Наталья Ивановна Иванова. Она заменила им мать, растила их в трудное время. Возможно, что Иванова имела более точные сведения о детях, но она в 1953 году умерла. Рита пишет: «Вторая мама меня так полюбила, что боялась отдать кому-нибудь, и поэтому не заявляла обо мне никуда. А когда пошла в роно хлопотать свидетельство о рождении (это было уже в 1950 году), ей сказали, что в роно приходил мужчина, разыскивал свою дочь Риту. Может, это был мой папа?»

Кто знает, возможно, то был отец Риты. Очень хочется надеяться, что он откликнется.

Еще одна необычная судьба, где тоже вся надежда на читателей. Короткое письмо пришло в «Огонек» издалека, из французского города Дуэ. Вот оно: «Может быть, вас удивит это письмо из Франции. Меня зовут Сергей Кордрок, но моя фамилия могла быть и другой. Дело в том, что моим отцом был русский — Григорий Степанович Чернов. Я пишу «был», потому что отец умер. Кажется, он до войны жил в Узбекистане. А во время войны сражался в рядах Советской Армии, его воинское звание — лейтенант. Он попал в плен, фашисты переправили Чернова в лагерь во Францию. Потом он бежал из плена к французским партизанам. Григорий Чернов здесь познакомился с француженкой. Я их сын. Хочу вас попросить: помогите мне разыскать родственников моего отца. Мне очень хочется знать, где они, кто они, хочу с ними познакомиться».

Кто такой Григорий Чернов? Где сейчас его боевые соратники по партизанскому отряду? Ну и, конечно, мы ждем писем от родственников, о которых спрашивает Сергей Кордрок.

ЭТО БЫЛО В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

...Гитлеровцы ворвались в квартиру Гончаровых, выгнали всю семью на улицу и повели в лагерь. Ежедневно на рассвете из лагеря уводили партиями на расстрел. Настал день, когда вместе с другими вывели и семью Гончаровых. Поле. Небольшая роща. Хриплая команда: «Стой!» И тут Гончаровы сразу бросились бежать к роще. Вдогонку раздались автоматные очереди. Спастись удалось только одной — 14-летней Марусе. Она бежала, падала, снова бежала. Убедившись, что ее не преследуют, остановилась. Куда теперь идти? Домой нельзя. К знакомым? Да, к Марии Семеновне. Она была самой хорошей, самой доброй. Семья у Марии Семеновны Рамковой большая: больная мать, трое детей. Теперь детей стало четверо. Маруся — самая старшая. Потянулись тревожные дни. Сверстниц Маруси, особенно неработающих, отправляли в Германию. Мария Семеновна пошла на биржу, присмотрелась к тем, кто там работает, и наконец обратилась к человеку, который внушал доверие:

— У меня живет девушка, сирота, из детдома. Ей шестнадцать лет. Можно устроить ее на какую-нибудь подходящую для нее работу и дать ей документы?

Так у Маруси Гончаровой появились документы. Через некоторое время Мария Семеновна Рамкова переправила Гончарову в село.

Сейчас Мария Павловна Гончарова живет в том же Днепропетровске, работает диспетчером в пожарной части. Она-то и написала нам о Марии Семеновне Рамковой. И еще о другом человеке, тоже спасенном Рамковой. Это еврейский мальчик Исаак Ботвинников. Его родители тоже были расстреляны гитлеровцами. Исааку нужно было во что бы то ни стало достать русский паспорт. Долго думала над этим Рамкова и наконец решила пойти на биржу к тому же человеку. Увы, его уже не оказалось там. О своем огорчении рассказала Вере Хитько — старой и верной подруге. Хитько познакомила Марию Семеновну с «дядей Петей». Фамилию не назвала.

— Придет время, ты узнаешь все, а сейчас не имею права назвать его фамилию.

«Дядя Петя» принес русский паспорт. Но полиция все же забрала Ботвинникова, арестовала Рамкову. Вот как описывает М. Гончарова пребывание в полиции Марии Семеновны: «Следствие вел предатель нашего народа некий Пашков. Он бил Марию Семеновну, вынуждал ее признаться в том, что она дала паспорт мальчику. Но эта стойкая женщина не сказала фашистам ни слова. Следователь Пашков грозил расстрелять ее и всю семью».

Вскоре удалось освободить Марию Семеновну: Пашков выпустил ее, получив крупную сумму денег.

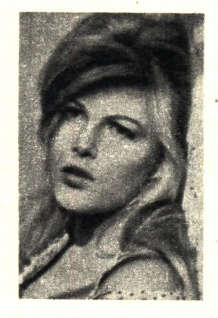
Мария Семеновна Рамкова по просьбе «дяди Пети» искала радиолампы для приемника. На нее был написан донос в домоуправление, но управдом пришел к Рамковой и сказал: «На тебя подано заявление. Будь осторожна». Вскоре управдом был арестован фашистами и, как предполагают, расстрелян. Фамилию управдома, к сожалению, Рамкова забыла. Может быть, он остался жив и откликнется? Может быть, прочтет эти строки и отзовется «дядя Петя»? Может быть, мы узнаем все о судьбе комсомолки Веры Хитько, которая тоже была арестована?

БОЛГАРИЯ

В Варне состоялся 4-й фестиваль болгарских фильмов. Премией за лучшую режиссуру награжден постановщик картины «Инспектор и ночь» Рангел Вылчанов, фильмы которого «На маленьком острове» и «Солнце и тень» демонстрировались в Советском Союзе. Премию за исполнение мужской роли получил актер Георгий Калоянчев. На снимке: кадр из фильма «Инспектор и ночь».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

На международном кинофестивале в испанском городе Сан-Себастьян премию «Серебряная раковина» получил чехословацкий фильм «Лимонадовый Джо». В этой чрезвычайно динамичной комедии, пародирующей американские «вестерны», снималась молодая чешская актриса Ольга Шоберова.

РУМЫНИЯ

Молодой румынский писатель и кинорежиссер Франчиск Мунтяну («Солдаты без мундиров» и «В небе нет решеток») в своем новом фильме «Возраст любви» обращается к современности. Эта картина — здесь вы видите кадр из фильма — посвящена молодежи. Она шла на фестивале румынских фильмов в Москве.

ИТАЛИЯ

Известный итальянский актер Марчелло Мастроянни снова отказался от приглашения сниматься в Голливуде. Сейчас в Италии с большим успехом демонстрируется кинокомедия «Человек с пятью шарами», в которой талантливый актер исполняет главную роль.

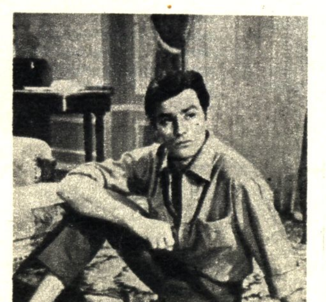
США

«Корабль дураков» — так называется новый фильм прогрессивного американского режиссера и продюсера Стэнли Крамера, автора картин «Пожнешь бурю» и «Суд в Нюрнберге». В новом фильме действие происходит в начале 30-х годов, после захвата фашистами власти в Германии. Заняты в картине популярные актеры Вивьен Ли и Гейнц Рюман, а также Симона Синьоре — вы видите ее на снимке.

ФРАНЦИЯ

Тема грязной войны в Алжире по-прежнему продолжает волновать французских кинематографистов. Артист Ален Делон, широко известный советскому зрителю как исполнитель роли Рокко в фильме «Рокко и его братья», решил финансировать постановку картины «Смерть волка», разоблачающей бесчинства оасовцев в Алжире. Он же исполнитель главной роли.

РАССКАЗ

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Боль в правом виске не утихала. От ее острых толчков подергивалась щека. Не глядя в глаза летчику, Корчевой улыбнулся:

— Ну и ладненько!

Улыбка у Корчевого получилась вымученная, ему стало стыдно за себя, и он торопливо протянул руку.

— Ступайте отдыхать. Завтра мы этого типа обязательно найдем. Авиация восторжествует.

— Какое уж там торжество, Владимир Михайлович! — Пилот поднялся и виновато повертел шлем.— За полдень перевалит — и пурга. Не Каракумы, а прямо Антарктида. Спокойной ночи!

Он ушел, тяжело волоча по ковру размокшие унты. Дверь за ним захлопнулась, и начальник экспедиции, от которого никто никогда не слышал ни одного бранного слова, громко выругался. Ругань отрезвила Владимира Михайловича.

«Совсем докатился! — поморщился он и потер ладонью лысину.— Действительно, похоже, что я сгорел. И главное, из-за кого?..»

Он невольно посмотрел в угол и ясно вспомнил, как несколько дней назад дверь осторожно приоткрылась и в его кабинет бочком проникло странное существо. Щупленькое, в демисезонном пальто, надетом на тельняшку, оно раскачивало длинной шеей, к его ногам жалась крохотная собачонка, похожая на комок грязной ваты. Видавший виды Корчевой растерянно спросил:

— Откуда?

— Мариуполь.

Собачонка немедленно тявкнула, и ее хозяин тонким голоском прикрикнул:

— Адлер! К ноге! Извиняюсь, всегда волнуется при имени родной пенаты. Шофер третьего класса Капитон Семенович Ухов.

Перед Корчевым появилась замусоленная книжка, и последовало торопливое объяснение:

— Дырки на талоне — формализм милиции.

И вот впервые за много лет работы Корчевой поступил сгоряча, не так, как должен поступать руководитель большой экспедиции. Он обрадовался даже такому не внушающему доверия шоферу: три новых грузовика стояли без дела, а в партии Прахова кончался бензин, над выполнением месячного плана нависла серьезная угроза.

— У нас милиция отсутствует,— беззаботно сказал он Ухову.— Пойдемте со мной.

Он привел Ухова к главному механику гаража и приказал проверить его способности. К вечеру главный механик доложил:

— Баранку вертеть может. Педали не путает. В моторе знает, где свечи.

— До Прахова бензин довезет?

— А чего там? — почесал голову механик.— Машина новая, дорога прямая. Дотянет.

— Хорошо. Зови его сюда.

Ухов внимательно выслушал, по какой колее двигаться в лагерь Прахова, минут десять водил ногтем по карте и подробно расспрашивал о приметах древних крепостей, служивших ориентирами. Потом во дворе базы собственноручно проверил крепления бочек с бензином, посадил в кабину лохматого Адлера и укатил в пески.

До лагеря Прахова грузовики обычно добирались за двадцать часов. Ухов не прибыл туда и сегодня, на седьмые сутки...

Случилось несчастье, и в этом несчастье виноват только он один, Владимир Михайлович Корчевой. За двенадцать лет его работы в этих местах первый человек пропал в пустыне. Если бы сейчас было не начало декабря, а лето, можно бы давно прекратить поиски, сдать заместителю дела и честно явиться к прокурору. Но пронизывающий, перемешанный с мокрой порошей ветер относится к людям куда менее беспощадно, чем солнце, и слабая надежда до этой ночи не покидала Корчевого. Уже на третий день он отправил на поиски два своих самолета и вертолет, попросил помощи у соседей; с рассвета до сумерек над барханами гудели моторы.

Радисты в далеких партиях дежурили, не снимая наушников, по колее к Прахову раз тридцать прошли машины, сворачивали на каждый подозрительный свежий след, шоферы долго и требовательно палили в небо из охотничьих ружей.

Ухов не находился...

«И не найдется,— тоскливо вздохнул Владимир Михайлович.— Потерял колею, заблудился в пургу, и, наверно, забарахлил мотор. Закоченел, уснул, а остальное довершили забежавшие из Казахстана волки...»

Представив жалкую фигуру, занесенную снегом и песком, скулящего рядом Адлера, Корчевой поймал себя на мысли, что ничего, ровным счетом ничего не знает о незадачливом шофере. Он не успел его оформить даже через отдел кадров. Ухов из Мариуполя — и все.

Странно, но именно из-за того, что Корчевой не мог думать про Ухова конкретно, он вырастал в его глазах в некоего человека вообще, в человека с большой буквы, и сознание собственной вины увеличивалось.

«Если бы он вошел,— расцеловал бы его, подлеца, от радости, не побоялся бы публично покаяться в опрометчивом поступке».

Он встал, с хрустом потянулся, расправил плечи, и вдруг его большие руки упали вдоль туловища.

Его обожгло недоброе слово: суд!

Владимира Михайловича Корчевого будут судить. Невероятно, но факт ближайшего будущего. Его надо судить. Судить за плохую организацию безопасности работ. Это только писатели радуются, когда человек пропадает в экспедиции,— для них это сюжет, находка! Сквозь горящую тайгу или по колено в снегу по тундре бредут обросшие бородами люди. Романтика! Всем интересно.

Интересно всем, кроме начальника экспедиции. Ему от таких приключений очень скучно. Геологические изыскания не война. Люди не должны оставаться без консервов и курева, а гибнуть им и вовсе ни к чему. Примерно похожие слова он услышит от районного прокурора. Прокурору тоже наплевать на романтику.

Боится ли он суда?

«Опыта нет! — горько хмыкнул Владимир Михайлович.— Других под суд привык отдавать. Суда я, конечно, боюсь. Но ни один прокурор, ни один судья Ухова к жизни не вернет и не поймет, как и я не понимаю, что за блажь ударила мне в голову: подозрительного, хлипкого шоферишку погнать без провожатого в пустыню...»

Корчевой прошелся по кабинету. Метель усиливалась, твердая пороша тоненько звенела на густой синеве оконных стекол, со злым присвистом стонали антенны на мачтах, упрямо не сдавался пурге мерный стук дизеля передвижной электростанции.

За окном жила обычной ночной жизнью центральная база экспедиции. Маленькая, мирная крепость, построенная им на краю пустыни. Она, кажется, уже лишилась своего коменданта и начинает существовать самостоятельно. Без Владимира Михайловича Корчевого...

Первой про суд узнает Антонина Ильинична. Тридцать лет жена и полгода бабушка. Она в Ленинграде, у старшего сына нянчит внучку. Свои дети росли в палатках, а с внуками не получилось: два сына, и оба не позарились на отцовскую профессию.

Старший — физик, обещает стать кандидатом наук. Второй учится в консерватории и рассчитывает на славу не меньшую, чем у Шостаковича. Что это будет за Шостакович, у которого отец сядет в тюрьму за убийство? Не преднамеренное, не из-за угла, но все равно убийство — человек погиб из-за легкомысленного распоряжения.

Корчевой — и легкомыслие! Вот уж в чем его ни разу не обвиняли!

Критиковали его по пунктам, привычным для всякого начальника: бюрократия, формализм, местничество. Критиковали справедливо и несправедливо. И покаянные речи он держал искренние и неискренние.

Помнится, в свое время на совещании в Москве один руководящий товарищ сверкнул на него очками и, потрясенный, объявил, что Корчевой излишне пользуется юмором в разговорах с подчиненными, роняет свой авторитет. Ох, и признавал же он тогда свою вину! Горячо обещал задушить проклятый юмор в корне, употреблять его только в серьезном виде и в необходимых для производства масштабах...

Производство... Вот оно, на огромной, во всю стену, карте. Район его экспедиции. Двенадцать лет назад здесь было настоящее белое пятно.

В первый год пользовались топографическими картами конца девятнадцатого века, времен съемок полковника Глуховского. Полковник, возможно, был добросовестный человек, но всего не усмотрел. Зачастую вместо возвышенности натыкались на впадину. Шоферы без проводников боялись отъехать на десять километров от базы, шалели от солнца, вскакивали в холодном поту от обыкновенного скорпиона.

А сейчас на карте густо рассыпаны разноцветные кружки. Разный у них цвет, и обозначают они разное: действующие колодцы для отар, нефтяные вышки, будущие рудники и шахты. Во всем этом заслуга многих экспедиций. Но он сюда пришел первым. Карта с каждым годом становится точнее и подробнее, проникает все в новые глубины, и впереди работы хватило бы на полжизни...

Помешал Капитон Семенович Ухов, уроженец города Мариуполя...

До суда состоится партсобрание, и Владимира Михайловича Корчевого исключат из партии. Стаж с одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, три обыкновенных выговора, один строгий. Все сняты. Про выговоры, пожалуй, не вспомнят: любителей ворошить прошлое стало меньше. Но поговорят откровенно, может быть, впервые выскажут беспощадную правду о своем проштрафившемся начальнике.

А что о нем думают? Любят его в экспедиции, уважают или просто боятся? Сегодня надо попробовать взглянуть на себя со стороны...

Владимир Михайлович мерял шагами кабинет от стенки до стенки, за окном по-прежнему звенела метель...

Начинать «взгляд со стороны» нужно с отрицательных качеств.

За что его боялись?

Он, случалось, бывал чересчур требовательным к людям, рубил сплеча, не разобравшись до конца, обижал невиновных. Так, например, он обидел молодого инженера-механика Вовченко. Зеленого мальчишку обвели вокруг пальца и всучили вместо новых тщательно выкрашенные полуразбитые движки. Вовченко добросовестно провез их на баржах по Аму-Дарье, заботливо укрывал брезентом, спал возле них, а Корчевой его выгнал.

Кстати, от этого Вовченко и привилось понятие о грозном «синем карандаше».

Акт о бракованных движках был прочитан, Владимир Михайлович достал из нагрудного кармана карандаш, и Вовченко, вздохнув, направился к двери.

— Вы куда? — остановил его Корчевой.— Я вам разве сказал свое решение?

— А зачем? — удивился молодой инженер.— Вы же вынули синий карандаш. Все ясно!

Присутствовавшие в кабинете невесело хохотнули. Он действительно писал резолюции об увольнении только синим, с шестью гранями, увесистым карандашом.

С тех пор в экспедиции не спрашивают провинившегося, что сказал начальник. Интересуются коротко:

— Черканул синим?

Никто раньше не обращал внимания на его синий карандаш. А Вовченко, стервец, в тяжелую для него минуту не растерялся, подметил с юмором. Юмор в людях Корчевой ценил. Потом он хотел вернуть Вовченко, но махнул рукой: молодой, не пропадет!..

Боялись «синего карандаша», боялись и «парилки».

При серьезных неполадках появлялся Корчевой и вежливо спрашивал:

— Запоролись? Придется отпаривать...

Не повышая голоса, с ядовитой улыбочкой Владимир Михайлович советовал широкоплечему буровику отдохнуть от трудов праведных, съездить за счет профсоюза в Кисловодск. Могучего буровика пробирал холодный пот, а его друзья по бригаде немедленно включались в разговор, помогали выбирать наиболее подходящий, по их мнению, курорт.

Геолога, не справившегося со съемкой, он вызывал в кабинет и с самым серьезным видом советовал следующий отчет написать в стихах, а стихи послать в редакцию толстого журнала.

Умным «парилки» приносили пользу, дураки обижались и копили злость, бездельники вовремя сматывали удочки...

И нечего возводить напраслину: из-за пустяков он не придирался. Здесь и стирается невидимая грань между боязнью и уважением.

Уважали его и за постоянную заботу о нуждах изыскателей. Он сам слышал, как радист хвастался коллеге из соседней экспедиции:

— Бутерброд состоит из хлеба и масла. Истина, известная младенцам. Только твой шеф ее забыл, а наш помнит...

Но вот насчет любви...

И что это за штука — любовь подчиненных? Тут Ромео и Джульетта для мерки не годятся. От избытка чувств к начальнику жизнь самоубийством не кончают.

Ну, а если ради начальника бросаются на нож? Было и такое в пятьдесят третьем. И финку, предназначенную для Корчевого, получил в левое плечо гидрогеолог Женя Зайцев. Одного бандита они скрутили лямками от рюкзака, второй удрал. В милиции Зайцева на скорую руку перевязали, и он, по-детски всхлипывая, сказал Корчевому:

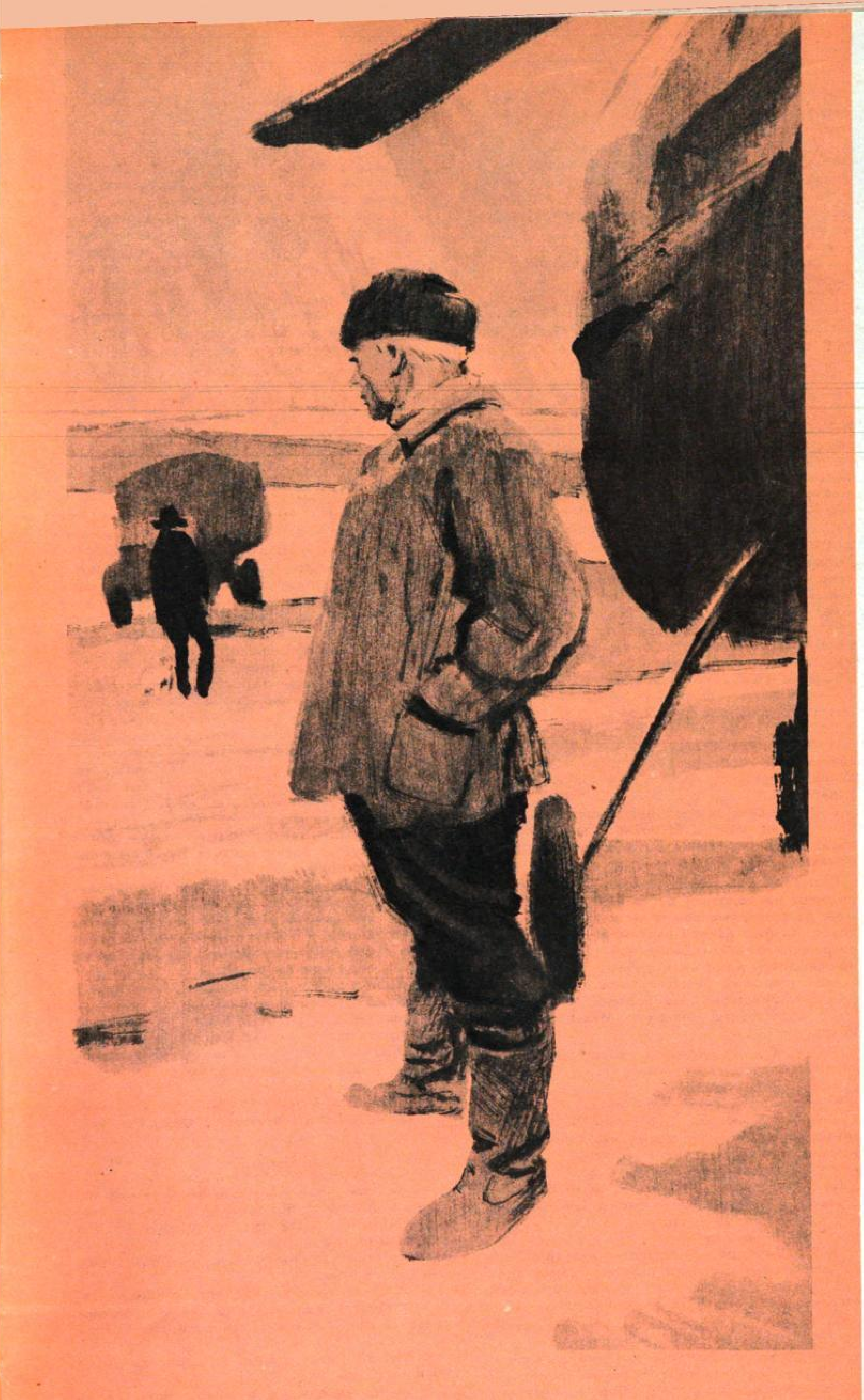
— Я больше не буду...

Владимир Михайлович оторопело посмотрел на почерневшие от крови бинты на плече Зайцева. Он не сразу понял, что гидрогеолог кается за не сданный в срок отчет о дебитах опытных откачек. За час до нападения Корчевой устроил Зайцеву «парилку» первой категории...

Может быть, в ту ночь он и ощутил любовь к начальству?

Далеко-далеко сейчас Женя Зайцев. Где-то в Сирии ищет воду. Никого из тех, с кем он пришел сюда двенадцать лет назад, в экспедиции не осталось.

Никого, кроме Егора Макаровича Голубенко. Их всего-навсего два ветерана — начальник и рядовой шофер. Впрочем, определение «рядовой» к Егору Макаровичу не подходит. Он и раньше выглядел хозяйственным старшиной-сверхсрочником с лихо подкрученными кверху усами. За двенадцать лет усы опустились книзу, заметно увеличилась лысина. Егора Макаровича знает вся пустыня, от Аму-Дарьи до Каспия, от Мангышлака до Кушки. Нет для Егора Макаровича непроходимых

барханов, никогда не барахлит его мотор, и одинокий бобыль больше всего на свете боится пенсии, которая полагается ему уже с позапрошлого года. Не желает он и покидать пустыню. Предлагали ему перевод в любой большой город, а старик насупился:

— На асфальте я помру. От плавности движения. Засну за рулем — и крышка. Я же все-таки в годах...

Несколько лет назад Корчевого и Голубенко наградили орденами, Владимир Михайлович поздравил шофера и одновременно решил поддеть:

— Ордена нам с тобой вручили, а, в сущности, брат, мы не растем. Ты за баранкой, я начальник — и ни с места. Никакого выдвижения.

Егор Макарович сочувственно кивнул:

— Тебе, пожалуй, пора выдвигаться. А мне некогда. Я делом занят...

Разговор про выдвижение происходил за «салатом из помидоров».

«Салат из помидоров» — условный шифр, известный лишь им двоим.

Отношения у начальника с шофером не совсем обычные. На открытую дружбу Егор Макарович не шел, при людях держался почтительно, называл на «вы», ничем не подчеркивал свое ветеранство. Но изредка по вечерам они вдвоем распивали бутылку разбавленного спирта и обязательно закусывали помидорами. Помидоры были слабостью Голубенко. Летом и осенью он уничтожал их в неимоверном количестве, на зиму умело солил и консервировал.

«Салат из помидоров» всегда проходил в строгой последовательности.

От первой стопки возникала тихая, добрая нежность друг к другу, однако субординация еще соблюдалась: «дорогой Михалыч», «милый мой Макарыч».

Вторая стопка порождала уйму воспоминаний, объединяла в оценке прошлых событий, все чаще прорывалось приятельское «ты».

Третья стушевывала последние остатки неравенства в служебном положении, и начиналось обсуждение будней экспедиции. Тут зачастую обнаруживались прямо противоположные взгляды. Они не спорили, не повышали голоса, мирно жевали помидоры, старались прийти к наилучшему решению.

Трезвый, практичный ум шофера не раз помогал Владимиру Михайловичу, и однажды он сказал Голубенко:

— Что бы я без тебя делал? Ты мой тайный визирь. Министр без портфеля.

Егор Макарович вскинул кверху пучки бровей и усмехнулся с откровенным снисхождением:

— Портфеля никогда не имел. А партбилет, между прочим, у меня с Ладоги. С сорок второго...

Корчевой признал свою шутку неудачной, они принялись за зеленый чай и расстались, как всегда, чуть хмельные, чуть грустные, на неопределенное время — до следующего «салата из помидоров»...

Интересно, поднимет Егор Макарович на партсобрании руку за исключение или воздержится? Нет! На средние решения он не годен! Наверняка поднимет руку за исключение, но передачу в тюрьму принесет. И везде он будет искренним, самим собой — на собрании и в тюремной караулке с банкой квашеных помидоров под мышкой...

Второй месяц Егор Макарович пропадает на южном участке. Там тяжело с переброской буровых станков по солончакам. Был бы он сегодня рядом, они обязательно бы организовали «салат». Последний в его жизни.

Корчевой достал из письменного стола пакетик пирамидона, глотнул таблетку и прилег, не раздеваясь, на диван.

* * *

Ему снилась какая-то ерунда. Он летел под водой на поиски Ухова на открытом самолете «ПО-2», и по сторонам шарахались перепуганные насмерть рыбы. Дышать было трудно, самолет проваливался, его качало, и Владимир Михайлович никак не мог сообразить, почему он не захлебнется в воде. Потом самолет захлопал крыльями, и, с трудом открыв глаза, начальник экспедиции услышал требовательный стук в дверь.

Корчевой зябко поежился со сна и по привычке взглянул на часы. Половина шестого. Спустив ноги с дивана, он недовольно сказал:

— Не заперто!

Дверь с грохотом ударилась о стенку. В кабинет ввалились два человека в белых дубленых полушубках.

«Егор Макарыч! Легок на помине!» — хотел было броситься навстречу шоферу Корчевой, но не успел. Стажер Егора Макаровича вертлявый, черноглазый Клыч Эсенов завопил на весь кабинет:

— Принимайте подарочек, Владимир Михайлович! Принимайте, пожалуйста!

С ними был кто-то третий, завернутый с ног до головы в огромный тулуп. Клыч дернул за воротник тулупа, и из-под него появился шофер третьего класса, уроженец города Мариуполя Капитон Семенович Ухов.

Корчевой отступил на шаг и, задыхаясь, еще не веря в реальность происходящего, помотал головой из стороны в сторону:

— Вы?.. Ты?..

— Мы, — со вздохом подтвердил Капитон Семенович и громко икнул.

Из-за пазухи его ватника высунулась собачья морда, и розовый язычок лизнул шофера в подбородок.

— Оба живые! — сверкнул белыми зубами Клыч. — Совсем живые! Машину тоже пригнали. За рулем он сидеть не мог. Я заменил. А он у Егора Макарыча в кабине отогревался...

Голубенко разгладил ладонью усы и усмехнулся:

— Скоченел, сердечный. Всю дорогу его дрожь била...

Только теперь Корчевой опомнился. Но чтобы окончательно прийти в себя, ему пришлось сесть на привычное место за столом, неизвестно зачем передвинуть чернильницу, переложить несколько раз папки с бумагами и спрятать в карман вздрагивающие пальцы.

— Рассказывайте, Егор Макарыч!..

Шофер пожал плечами.

— А, просто! Утром мы выехали из лагеря на базу за аккумуляторами для переносок. Возле развалин крепости Гяур-кала заметили грузовик на боку. Подъехали поближе...

С каждым словом лысина Владимира Михайловича краснела все ярче и ярче, глаза-щелочки все глубже уходили под надбровные дуги, и он свистящим шепотом перебил Голубенко:

— Как же вы попали к Гяур-кала, Ухов? Вас же отправили к Прахову? Прахов на севере, а Гяур-кала на юге. Это все равно что ехать из Москвы в Сочи через Мурманск! Отвечайте, черт подери!

Ухов тоскливо посмотрел на начальника экспедиции и задумчиво потер щетину на серых от мороза щеках.

— Я ехал правильно.

— Вот-вот! — опять засмеялся Эсенов.— У него характер!

— Я ехал правильно,— упрямо дернул длинной шеей Капитон Семенович.— Горючее только кончилось, не хватило...

— Что?! — Корчевой вылетел из-за стола.— А бочки для Прахова? Пять бочек бензина для Прахова? Где они?

— Сжег! — с восторгом похлопал себя ладонями по полушубку Клыч Эсенов.— Все пять сжег! Успел за семь суток! Мы ему свой заливали!

В одно мгновение Корчевой забыл о своем недавнем желании расцеловать Ухова. Ему не было жалко бензина. За бензин он заплатит из своего кармана, не обеднеет! Хуже другое! Несостоявшаяся трагедия обернулась дурацким анекдотом, и острые на язык геологи разнесут анекдот по всей пустыне: «Слышал про шофера у Корчевого?» И будут хохотать до слез возле костров, в палатках и землянках...

Он сказал тихим, чересчур спокойным голосом:

— Если в течение суток я вас, Ухов, увижу на территории экспедиции, ваша собачка останется без хозяина. Все!

Лицо Ухова сморщилось, черные, потрескавшиеся губы беззвучно зашевелились, негромко кашлянул Егор Макарович, но от лишних и ненужных слов спас телефонный звонок.

Дежурный радист докладывал, что на пятьсот девятой скважине авария.

— Выезжаю! — не дослушав подробностей, отрезал Корчевой.

И жизнь вошла в обычную колею. Владимир Михайлович мотался на своем «газике» по буровым, устраивал, где нужно, «парилки», спал и ел на ходу.

Ночь в кабинете, когда он мысленно прощался с экспедицией, быстро забылась, как забывается случайная неприятность.

Он даже начал подсмеиваться над нелепой историей: «Ни страдальца, ни героя из меня не получается. Ничем не примечательный маленький начальник. По барину и шапка... Вроде Ухова...»

Правда, шоферов теперь принимали согласно строгому приказу: каждый новичок, прежде чем двинуться в самостоятельный рейс, обязан был выдержать испытание на ориентировку в песках под руководством опытного водителя.

Лучше всех экзаменовать шоферов мог, естественно, Егор Макарович. Корчевой решил вызвать его на базу, но передумал. Он обижался на старого друга. С аварийной пятьсот девятой он вернулся рано и не застал усача. Егор Макарович не подождал, укатил на юг, и «салат из помидоров» не состоялся. А особенной причины торопиться обратно у Голубенко не было: аккумуляторы для переносных ламп не очень спешный груз.

«Что ему вдруг приспичило? — сердился Корчевой.— Понимает же он, сколько я хлебнул удовольствия за семь суток, пока искали уроженца Мариуполя. Понимает и другое: кроме него, душу отвести мне не с кем. Подвел лысый визирь в самый нужный момент. Неужели зачерствел к старости? Приедет встречать Новый год — парилка ему обеспечена».

Но и на Новый год Егор Макарович не появился на центральной базе. Корчевой не в шутку заволновался. Может, захворал старик? Как-то он жаловался полушутливо на сердце: дескать, обнаружил, окаянное, в левой стороне груди.

В яркий, по-зимнему прозрачный от солнца день Владимир Михайлович вылетел на южный участок.

Тень от вертолета голубым пятном скользила по барханам, присыпанным искристой изморозью. Корчевого слегка укачивало, он подремывал в уютном тепле кабины и думал о Егоре Макаровиче.

Если шофер хоть самую малость пожалуется на здоровье, он с ним не станет церемониться. Оформит приказом, заставит лечь в больницу, проводит до койки и серьезно потолкует с врачами. Беду нужно предупреждать вовремя. А то слишком часто мы начинаем лечить человека за сутки до его похорон.

Шестьдесят два года, война, Дальний Север — в общем у Егора Макаровича вполне достойная биография для первого инфаркта. Инфаркта у него не будет! Слово Корчевого твердое!

Внизу зачернели похожие на воронки ямы. Среди них одиноко торчала фанерная будка-тепляк, рядом с тепляком стояли два грузовика. Отсюда южная партия перебрасывалась на сто пятьдесят километров к западу. Переброску пора бы уже и закончить.

— Заглянем.— Владимир Михайлович тронул пилота за плечо.— Спросим, почему они до сих пор ковыряются.

В оставленном лагере их встретил завхоз партии. Он подбежал к вертолету и, чтобы Корчевой не успел высказаться, испуганно затараторил:

— Последние две машины отправляем. Разная мелочь, чепуха. Основное там. Управились. Сутки опоздания вы нам не засчитаете, надеюсь...

Корчевой не слушал завхоза. Он, не мигая, смотрел на человека в ватнике, шагавшего меж разрушенных землянок к грузовику. Человек вытирал паклей ладони, вид у него был сосредоточенный и деловитый. К его ноге прижималась маленькая собачонка с раздерганной шерстью. Поравнявшись с Корчевым, он с достоинством поздоровался:

— Здравствуйте, Владимир Михайлович! Вы к нам?

— Да. К вам,— помимо своей воли, почти с испугом ответил Корчевой.

— До скорой встречи!

Человек помахал комком пакли и скрылся в кабине грузовика. Нагруженный доверху грузовик взвыл, и за его рулем гордо сидел изгнанный из экспедиции уроженец города Мариуполя Капитон Семенович Ухов.

Галлюцинациями Владимир Михайлович не страдал, в привидения не верил. Он изо всех сил рявкнул на завхоза:

— Почему он здесь?

— Кто? — вздрогнул завхоз.— Вы про Ухова? Его Егор Макарыч определил. Через день работает на его машине. Ничего, вкалывает, старается...

Корчевой, не попрощавшись, круто повернулся и полез по трапу в вертолет.

Его трясло от бешенства. Грош ему цена как начальнику экспедиции! Голубенко уже отменяет его приказы и сам берет на работу разных подонков! «Салат» «салатом», но все же надо обладать элементарной порядочностью! Никто ему не давал права совать свой нос в административные дела! Да и сам-то хорош! Расчувствовался! У Егора Макаровича сердце! В больницу его, бедняжку! В камеру на пятнадцать суток — вот куда следовало бы его определить! Зазнался старый хрыч! Слишком много на себя берет!

В новом лагере Владимир Михайлович спросил первого встречного, где землянка товарища Голубенко.

— Крайняя справа,— получил он объяснение.— Он вместе с Уховым живет.

«Час от часу не легче! — передернулся Корчевой.— Взял в экспедицию и вдобавок жилплощадь предоставил!»

Но в капитальную, обшитую изнутри фанерой землянку Владимир Михайлович вошел с беззаботной улыбкой.

— За тобой, Макарыч,— протянул он руку Голубенко.— Пора, брат... Пора!

Шофер, в расшитой крестом старомодной косоворотке, в шлепанцах на босу ногу, недоуменно взглянул на начальника.

— Пора тебе в мой кабинет перебраться!— ласково продолжал Корчевой.— Откладывать некогда. Вертолет ждет. А я уж за баранку сяду. Права у меня любительские, но, может, снизойдешь, оформишь на манер Ухова.

В глазах Егора Макаровича вспыхнули и тотчас угасли лукавые огоньки. Он неопределенно хмыкнул и достал из самодельной тумбочки стеклянную банку с влажно-красными помидорами.

Корчевой молча наблюдал за шофером. Он неожиданно со злой тоской понял, что истекают последние секунды их двенадцатилетней дружбы. Сейчас он все выскажет Голубенко, стесняться в выражениях он не намерен, и банка с помидорами останется нетронутой.

— А если он поп? — первым нарушил молчание Егор Макарович.

— Как поп? — отшатнулся Корчевой.

— Ну, не совсем поп. В семинарии учился. И подался из духовного звания в шоферы.

«Поп» сработал вроде крупнокалиберной пули, наповал сразившей Владимира Михайловича. Со служителями церквей, костелов, синагог и мечетей никогда никаких дел он не имел. Ухов из человека вообще, из символической фигуры внезапно превратился в нечто весьма конкретное и еще более непонятное.

Весь заряд гнева против самоуправства Егора Макаровича испарился, и растерянность, напоминающая головокружение, охватила Корчевого. Он присел на топчан, расстегнул ватник, дернул за колючий воротник джемпера.

А Егор Макарович, протирая полотенцем стопки, гудел густым, прокуренным баском:

— Когда мы его с Клычем нашли, загибался он. Точно. Я ему скорее буханку хлеба. И что ты думаешь, он сначала не себе — собаке отломил кусок. Значит, есть в нем правильность. Надо помочь...

Словно сквозь вату, Владимир Михайлович слушал шофера. Ухов рассказал Егору Макаровичу, что отец у него дьячок, в прошлом электромонтер, а пошел в дьячки. Хотел и сына по своей орбите запустить. Но Капитон не захотел, подался в шоферы...

— Тебе в ту ночь докладывать про Ухова я посчитал бесполезным,— объяснял шофер.— Ты с перегревом работал. Кипел. Ну, я и рискнул: пусть пока у нас на юге баранку повертит. Оденем, накормим, а потом разберемся, введем в законное существование. Его, главное, бросать нельзя...

— Послушай,— перебил Егора Макаровича Корчевой.— Ответь честно: я чинуша и тупица?

Шофер удивленно пошевелил бровями:

— С чего тебя на покаяние потянуло?

— Видишь ли...— Корчевой замялся.— Я недавно попробовал посмотреть на себя со стороны. И мне показалось, что оценил я себя объективно. И вот...

Егор Макарович не долил стопку, помрачнел и сказал угрюмо:

— Имелась такая фигура: только самому себе разрешала на свою персону со стороны любоваться. Остальным исключительно снизу...

— Ну, ты мне культа не приписывай! — взвился Корчевой.

Егор Макарович не обратил внимания на вспышку начальника:

— Со стороны и ценить и глядеть могут только люди. Живые. С бедой и радостью. Ну, будем!

Разбавленный спирт Корчевой проглотил машинально, не почувствовав его крепости.

— Ладно! — хлопнул он ладонью по столу.— Зови мне завтра своего попа. Потолкуем с ним по душам. Поддержим.

— Извини.— Шофер смутился и отвел в сторону глаза.— Я с ним ведь от твоего имени разговаривал. Убедил, что ты обо всем позаботился. Лучше погодя, пускай он на ноги встанет...

Корчевой поперхнулся половинкой помидора и надолго закашлялся.

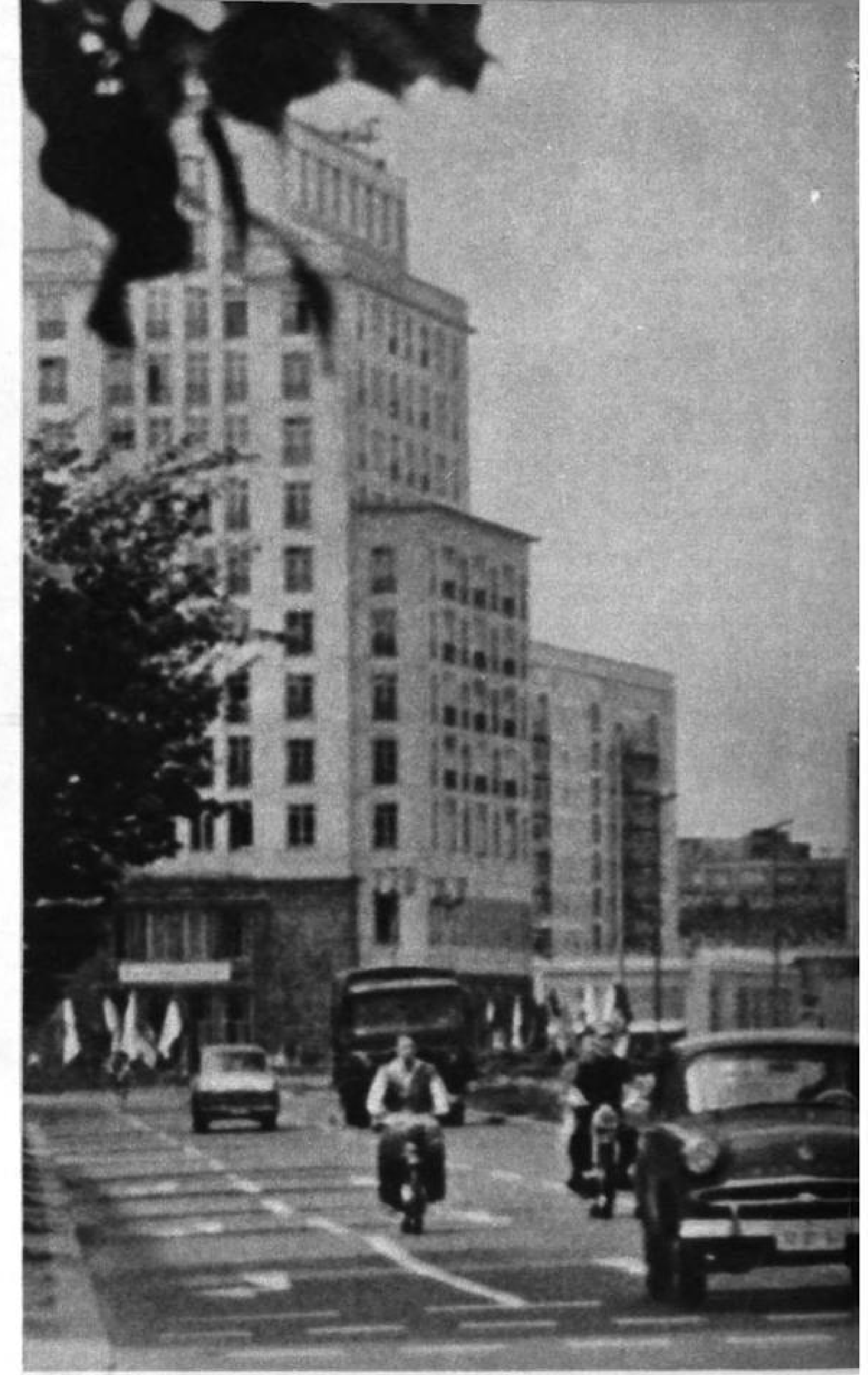
Сегодня «салат» проходил стихийно, без всякой последовательности.

Восстановленный Цвингер.

ГДР, 1964.

Фото Г. ГУРКОВА,
специального корреспондента
«Огонька».

Над Эльбой.

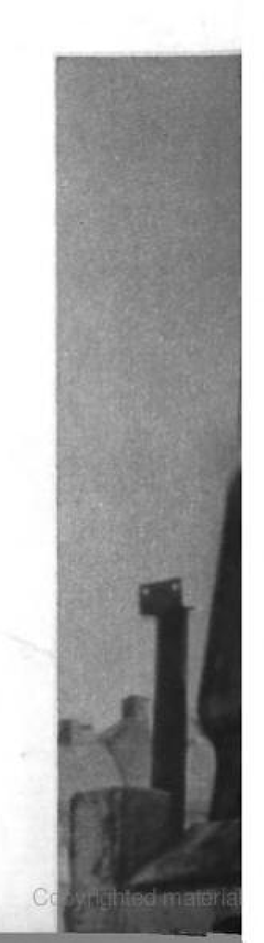

Карл-Маркс-аллее — главная улица демократического Берлина.

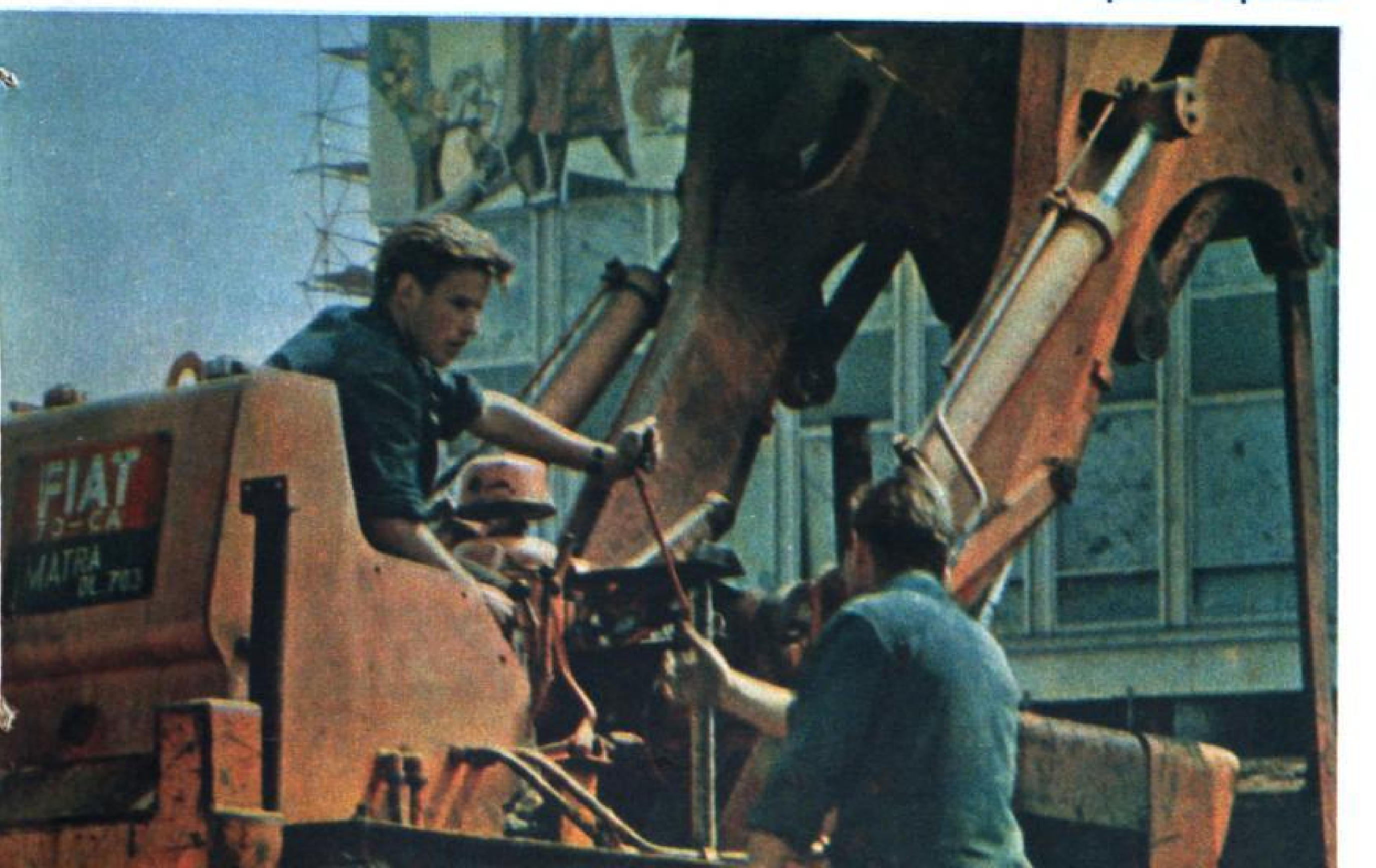
Трептов-парк.

Семья.

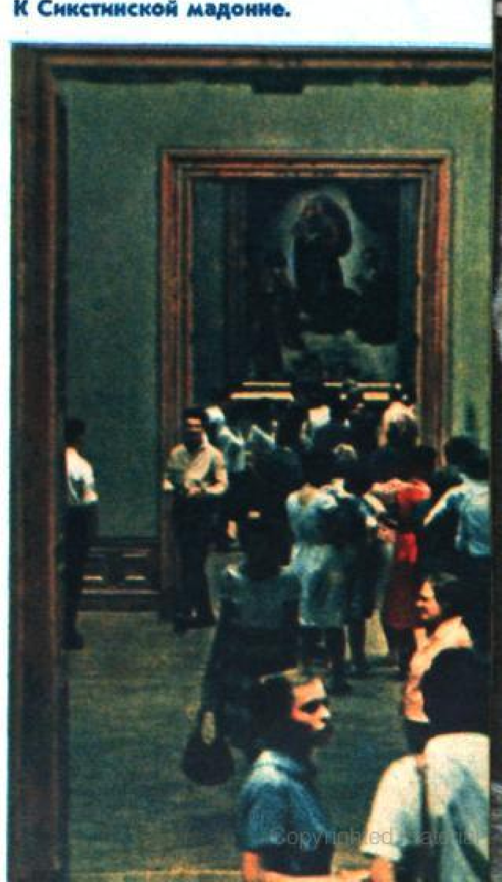

Берлинские строители.

К Сикстинской мадонне.

Петр СОБОЛЕВ

ОЛИМПИЙСКИЕ СТРАНИЦЫ

ОЛИМПИАДА НА УЛИЦЕ

Как известно, I Олимпийские игры были проведены на родине древних олимпиад — в Греции в 1896 году. Но свои истоки современное олимпийское движение берет значительно раньше.

Первая четверть XIX века. Греция под владычеством турецкого султана. В стране и за границей создаются тайные общества — гетерии. Они находили поддержку и в России. Центр общества «Фелике-гетерия» был в Одессе. Руководитель этой гетерии — Александр Ипсиланти, участник Отечественной войны 1812 года, генерал-майор русской армии. В марте 1821 года он с отрядом кавалеристов поднял восстание против турецкого султана, но потерпел поражение. Это выступление отряда Ипсиланти было толчком к общегреческому национально-освободительному восстанию. Оно началось 6 апреля (25 марта) 1821 года в Морее и охватило весь Пелопоннесский полуостров. Брат Александра Димитриос был послан в Морею для руководства восстанием. В 1828 году он был назначен командующим войсками в Восточной Греции, одержал несколько побед над турками. Русско-турецкая война 1828—1829 годов, по существу, решила судьбу Греции: русская армия, вступив на Балканы, способствовала победе восставших греков.

Именно в период освободительной войны греческого народа и возникла впервые мысль о возрождении Олимпийских игр. Напоминая о былом величии Эллады, игры должны были стать средством сплочения народа современной Греции. Участник восстания грек Евангелиос Цаппас, проживавший в Румынии, пожертвовал свое состояние на проведение этих соревнований.

В 1838 году был создан комитет по проведению соревнований. Решено устраивать их каждые четыре года, но открывать обязательно в день начала массового восстания против турецкого ига.

Соревнования «типа Олимпийских игр», как писали тогда, были проведены в 1859 году. Они вызвали большой интерес. В Афинах не сохранилось ни одного стадиона, а мраморный стадион, где проходили Великие Панафинеи, нуждался в реконструкции. Пришлось состязания проводить прямо на улицах. В программу входили бег на короткие и длинные дистанции, тройной прыжок, борьба, перетягивание каната.

МАРАФОНСКИЕ ТРАГЕДИИ

История Олимпийских игр сохранила немало былей, то грустных, то веселых, но особенно много разных происшествий связано с самой большой и самой трудной трассой бега — марафонской.

Героем I олимпиады 1896 года был, бесспорно, грек Спирос Луис, победитель марафонского бега. Когда он, покрытый потом и пылью, вбежал на стадион, зрители повскакали с мест, в воздух полетели шляпы. Судьи бросились за бегуном и финишировали вместе с ним. Два кронпринца подхватили Луиса под руки и потащили к королевской ложе. Какая-то придворная дама сняла часы, украшенные бриллиантами, и подарила победителю. Владелец отеля дал записку, чтобы Луиса кормили бесплатно в течение 10 лет, выдав, так сказать, талоны на 3 652 обеда. Перед стартом одна богатая дама объявила, что готова сразу же выйти замуж за победителя марафона. Но ни эта богатая невеста, ни многочисленные подарки не доставили Спиросу Луису столько радости, сколько получил он в родной деревне Марузи, около Афин. Спирос любил девушку, та отвечала ему взаимностью, но богатый отец ее выгнал бедного почтальона. После олимпийской победы Луис стал национальным героем. И, конечно, состоялась его свадьба с любимой.

На олимпиаде 1904 года четвертое место в марафоне занял кубинский почтальон Феликс Каравахал. У него не было денег на поездку в США, в Сент-Луис, и, чтобы собрать их, он выходил на одну из площадей Гаваны и начинал бегать. Когда собиралась толпа зрителей, он обходил их со шляпой в руках, объясняя, зачем нужны деньги. Наконец Каравахал собрал некоторую сумму. По дороге в США его обокрали, но энтузиаст не смирился, пешком прошел около тысячи километров и все же добрался до Сент-Луиса. В соревнованиях Каравахал захватил лидерство и ушел далеко вперед. Когда две трети дистанции были уже позади, Феликс, решив подкрепиться, сорвал несколько яблок с придорожных деревьев. Вскоре бегун упал, корчась в судорогах. Он видел, как его обгоняет один спортсмен за другим, но не мог сделать ни шагу. И все же, превозмогая боль, кубинский почтальон добежал до финиша.

Первым в Сент-Луисе финишировал американец Фред Лорц. Зрители встретили его с исключительным восторгом. Дочь президента Теодора Рузвельта вручила ему призы. Вечером судейская коллегия развенчала этого «феноменального» марафонца. Оказывается, значительную часть дистанции Фред Лорц проехал на автомобиле.

Но патент на это «изобретение» принадлежит не Лорцу. Еще в 1896 году попутным транспортом воспользовался греческий бегун Пелокас. Он заказал себе экипаж и при его помощи «вышел» на третье место. Конечно, предприимчивый марафонец был дисквалифицирован.

В 1908 году первым на стадион вбежал итальянский марафонец Дорандо Пиетри. Метров за двадцать до финиша обессиленный бегун упал. Собрав последние силы, он поднялся, медленно поплелся к финишу и снова свалился на дорожку. Двое судей не выдержали и, вопреки всем правилам подхватив бегуна под руки, пробежали с ним последние метры. В результате дисквалификация. Но судьи допустили и другую ошибку: они внесли бегуна в протокол как П. Дорандо, хотя Дорандо — имя, а не фамилия. Ошибка судей была увековечена: марафонец Пиетри вошел в олимпийскую историю как Дорандо.

Это имя встретилось нам на страницах печати в 1948 году, когда мы выезжали на олимпиаду в Лондон. Один итальянец заявил, что он Дорандо Пиетри, участник марафонского бега. Организаторы всполошились не на шутку, стали готовить подарок, продумывали церемонию чествования ветерана, но проверка показала, что Пиетри-олимпиец умер в 1942 году. Итальянец оказался самозванцем.

НА «БИРМЕ» И ЧЕРЕЗ БИРМУ

Только в 1908 году на олимпиаде в Лондоне выступила горстка любителей спорта из России — всего 5 человек. Эта пятерка смельчаков привезла на родину одну золотую и две серебряные медали. Увы, этот удачный дебют не был закреплен на следующей олимпиаде, 1912 года. В Стокгольме команда России выступала по всем номерам программы, была одной из наиболее многочисленных, но не завоевала ни одной золотой медали — 2 серебряные и 2 бронзовые.

Для отправки спортсменов в Стокгольм был снаряжен пароход «Бирма». Его провожали из Петрограда с музыкой. Но едва успела «Бирма» скрыться из глаз, как на пристани началась паника. Оказывается, время отхода парохода было изменено в последний момент, о чем не известили даже председателя олимпийского комитета России В. И. Срезневского. Он опоздал, опоздали и другие деятели. Пришлось посылать погоню.

На этом пароходе, грязном, не приспособленном для жилья, и размещались спортсмены. Высокопоставленное начальство было занято банкетами, приемами, балами и... заботой о великом князе Дмитрии Павловиче, который выступал в соревнованиях по конному спорту.

На Стокгольмской олимпиаде состоялась самая продолжительная в официальных соревнованиях схватка по борьбе: петербуржец Мартин Клейн боролся с финном Альфредом Асикайненом свыше десяти часов и одержал победу. На этой олимпиаде был буквально выбит из игры знаменитый гребец России М. Куузик, который неоднократно выигрывал крупнейшие соревнования по гребле. Сначала у него «нечаянно» повредили драгоценный скиф, потом поломали весла. Тем не менее, выступая на чужой тяжелой лодке с другими веслами, Куузик занял четвертое место. Естественно, что со стороны команды России был подан протест, но на разбор его никто не пришел, кроме русских представителей.

Вообще эта олимпиада вошла в историю как олимпиада скандалов. Достаточно напомнить, что по борьбе протесты поступили от всех команд, кроме шведской.

Если поездка спортсменов дореволюционной России на «Бирме» закончилась спортивной Цусимой, то перелет советской команды через Бирму принес большую победу. Осенью 1956 года наши спортсмены летели из Ташкента в Рангун на советских машинах, а далее — на самолетах американской компании в Мельбурн. Советская команда в Мельбурне заняла первое место в неофициальном командном зачете. Этот свой успех она закрепила в Риме. Только 7 олимпийских медалей завоевали спортсмены дореволюционной России (одна золотая, 4 серебряные и 2 бронзовые). 272 медали получили на трех летних Олимпийских играх спортсмены Советского Союза (102 золотые, 88 серебряных и 82 бронзовые).

ЗАВЕРШЕННАЯ СИМФОНИЯ

В последнее время из лагеря китайских раскольников раздаются призывы бойкотировать Олимпийские игры. Они утверждают даже, что олимпиады противоречат интересам новых развивающихся стран. Такие утверждения свидетельствуют только о том, что авторы их плохо знакомы с историей спорта. Возьмем, к примеру, Японию. В 1909 году председатель олимпийского комитета Пьер де Кубертен через французского посла в Японии передал японцам приглашение участвовать в Стокгольмской олимпиаде. Приглашение принял Дзигоро Кано. Чтобы проводить отборочные соревнования и представлять Японию в международном спорте, нужно было создать всеяпонскую спортивную ассоциацию. Ее и создали. Япония направила в Стокгольм небольшую делегацию (2 легкоатлета и 2 официальных представителя). Японцы вернулись домой без медалей, но сам факт участия в олимпиаде произвел большое впечатление на любителей спорта не только в Японии, но и в Азии вообще.

Впоследствии Кубертен вспоминал: «Еще совсем недавно утверждали, что азиатские народы якобы по своей натуре не годятся для спорта... Один из высших государственных чиновников Японии в Лиге Наций говорил мне: «Нельзя даже представить, какие изменения произошли в нашей стране после возрождения Олимпийских игр. С тех пор, как мы участвуем в играх, молодежь совершенно обновилась». Указав, что подобные высказывания он слышал и от представителей Индии, Кубертен подчеркнул: «Это значит, что усиливается социальная глубина олимпийского движения, расширяется его международный масштаб».

Надо сказать, что Кубертен, память о котором чтят и по сей день спортсмены всех стран, очень внимательно следил за развитием спорта. С радостью он отмечал развитие спорта в СССР. Он приветствовал проведение рабочих олимпиад и предсказывал им большое будущее: «Распространение спорта среди рабочих, бесспорно, является для олимпизма гарантией его дальнейшего существования, как и вообще для исхода борьбы за власть, начавшейся между двумя совершенно противоположными социальными системами» («Олимпийские воспоминания»).

В одной из своих последних речей Кубертен отметил, что олимпизм — его незавершенная симфония. Действительно, он не увидел осуществления своих идеалов. Только в наши дни Олимпийские игры стали общественным явлением всемирного масштаба, праздниствами мира и дружбы. По сообщениям печати, заявки на участие в Токийской олимпиаде направили спортивные организации 98 стран.

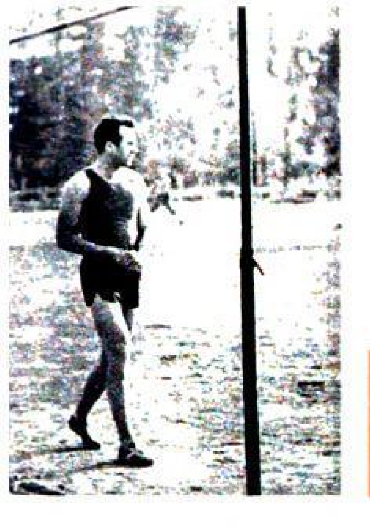
Да, сегодня олимпийское движение — завершенная симфония. Она мощно звучит над всем миром!

Жан Франсуа Милле. 1814—1875. ПРЯХА (Овернская пастушка). Лувр. Париж.

(К 150-летию со дня рождения художника).

КОЛ
ПОД

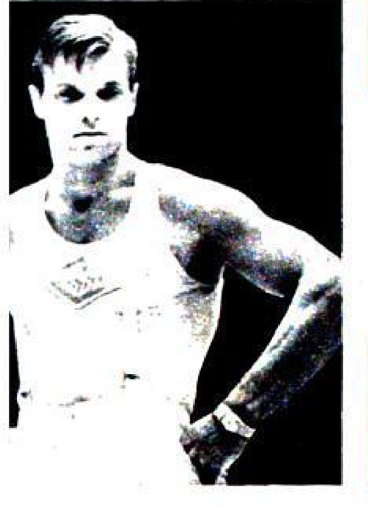
Лев КАССИЛЬ

На какой высоте преодолеет планку в Токио рекордсмен мира по прыжкам В. Брумель? Ответ на этот вопрос мы получим 21 октября.

Хозяин скифа-одиночки В. Иванов — один из сильнейших гребцов.

Б. Шахлин в Риме, в борьбе с Т. Оно, завоевал личное первенство. В Токио его снова ждет напряженная борьба с японскими гимнастами.

Вот она, наша олимпийская команда по гимнастике: что ни имя, то надежда — П. Астахова, Л. Лабунец, Т. Манина, Л. Латынина, Т. Люхина-Замотайлова, С. Муратова.

Чемпион XVII олимпиады по выездке лошади С. Филатов и его Абсент снова готовы к борьбе за золотую медаль.
Фото Л. Бородулина, А. Бочинина.

Нет, речь пойдет не о явлениях в солнечной системе и Галактике. Впрочем, надо ли это оговаривать? Во-первых, сегодня астрономы и спортсмены одинаково интересуются и болидами, и волейболом, и ракетами, и ракетками и содружествуют так же прочно, как покончившие с междоусобными спорами физики и лирики. А во-вторых, никого уже не обманешь: едва заговоришь сегодня о всесветных кольцах, все отлично понимают, что речь идет не о Сатурне, а о пятерке цветных сплетенных между собой колец, знаменующих спортивное братство пяти континентов. Сегодня они утвердились под алым шаром, изображающим на эмблеме XVIII Олимпийских игр солнце с флага Японии, где 10 октября 1964 года вспыхнет священное пламя олимпиады.

...Я хорошо помню теплый сентябрьский вечер в Риме, последний вечер XVII Олимпийских игр, когда четыре года назад медленно погас пылавший две недели над вечным городом огонь международного товарищества молодых. Слегка защемило сердце, и мы испытали чувство некоей утраты, завершения какого-то пусть короткого, но волнующего срока нашей жизни,— чувство, хорошо знакомое мне, побывавшему не раз на Олимпийских играх. И, по-видимому, желая как-то скрасить эти неизбежно грустные минуты расставания, организаторы олимпиады нашли способ согнать тень наступающей четырехлетней разлуки с наших лиц: олимпийский огонь в чаше над стадионом «Форо Италико» погас, но тут же десятки и десятки тысяч присутствовавших на финальном торжестве зажгли свернутые жгутом газеты. На стадионе выключили все освещение... Однако тысячи пылавших импровизированных факелов превратили гигантский амфитеатр в исполинскую чашу, полную легкого кипучего огня. А когда догорели бумажные факелы, вспыхнуло табло, на котором огненными буквами проступило: «До свидания в Токио!»

И вот уже позади четыре года, прошедшие с того памятного вечера, и сегодня, встречаясь в Москве с нашими известными спортсменами, их наставниками-тренерами, бывалыми корреспондентами спортивной прессы, слышишь, как, прощаясь после какой-нибудь встречи на стадионе или в спортивном зале, они повторяют уже запросто и деловито эту торжественную, когда-то взволновавшую нас и породившую в сердцах заветное предвкушение фразу: «До свидания в Токио!»

А я поглядываю на изящный бумажный японский веер, подаренный мне еще в Риме представителями японской спортивной делегации. На нем красный шар солнца над пятью сплетенными кольцами. И на тонкой, туго натянутой бумаге радушная надпись: «Приглашаем в Токио на Олимпийские игры 1964 года».

Четыре года провисел у меня на стене рабочего кабинета этот пригласительный знак, манивший нас, любителей спорта, за тысячи километров, в страну восходящего солнца — солнца, выпустившего теперь пятицветный, завившийся в кольца олимпийский протуберанец. Не знаю еще, как сложатся в работе у меня обстоятельства, и где мне предстоит обмахиваться этим веером в жаркие минуты предстоящего спортивного спора: на трибунах олимпийских стадионов или у своего домашнего телевизора в Москве... Но все равно, сердцем своим, как и миллионы наших болельщиков, я буду там, в Токио, на беговой дорожке, в секторе прыжков, на каверзной трассе кросса пятиборья, на ринге, в зале баскетболистов, на помосте тяжелоатлетов, у зеркальной глади бассейна, ждущего бурных всплесков заплыва...

Факел со священным огнем дружбы, зажженный скрещенными лучами солнца Эллады у древнего местечка Олимпия, уже совершил путь шестнадцать тысяч километров и прибыл на землю Японии за месяц до того, как ему надлежит появиться на олимпийском стадионе в Токио в руках спортсмена, родившегося близ Хиросимы в тот самый страшный час человеческой истории, когда американская атомная бомба спалила, искромсала и отравила смертоносной радиацией его родной город. Не случайно зажечь олимпийский огонь над столицей Японии поручено земляку десятков тысяч хиросимцев, чью жизнь оборвала или навсегда искалечила атомная бомба, изготовленная в США. Не случайно добрый огонь священного молодежного братства поднимет над трибунами стадиона ровесник этой чудовищной, бесчеловечной и преступной трагедии, взывающей ко всем разумным людям земли с требованием объединить свои силы во имя защиты мира на нашей планете.

И, ступая снова на дороги, озаренные олимпийским факелом, оглянемся назад. Советский спорт уверенно вышел на международную арену в 1952 году, во время XV Олимпийских игр в Финляндии. Над стадионом в Хельсинки впервые появился среди других знамен Государственный флаг Советского Союза, и в отсветах олимпийского огня спортсмены СССР, дебютанты игр, завоевали 22 золотых, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей. Если вести тот неофициальный счет, который неизменно ведется всей мировой прессой, то в комплексном зачете команда СССР набрала в Хельсинки 494 очка, то есть ровно столько же, сколько сумела получить многоопытная, бывалая команда США.

Прошло четыре года, и далеко в Австралии олимпийский Мельбурн стал восхищенным свидетелем победы СССР в дружеском олимпийском споре. Советские спортсмены убеди-

Наши баскетболисты Арменак Алачачан и Ян Круминьш в атаке!

ЬЦА СОЛНЦЕМ

тельно обошли американцев. Находились спортивные обозреватели, которые считали победу советских олимпийцев случайностью. Но еще через четыре года блистательно выступившие на стадионах, в спортивных залах и дворцах вечного города спортсмены СССР снова далеко отбросили назад сильную американскую команду. Страна наша прочно утвердила за собой славу великой спортивной державы и олимпийской победительницы.

Мне, имевшему счастливую возможность быть свидетелем успеха наших спортсменов и на летних и на зимних Олимпийских играх, в Кортина, в Риме, в Скво Вэлли, в Тироле, радостно было поздравлять любимцев с их великолепными победами. Но, как азартно ни люблю я спорт, все же, должен сказать, иной раз гордость за наших ребят уступала место другому, родственному ей, но еще более широкому чувству. Это было ощущение могучей и сердечной общности, которая как бы связывала воедино все круги скамей на переполненных зрителями трибунах стадиона, когда тысячи и тысячи людей по-братски делили между собой радость всесветной интернациональной молодой дружбы.

Разве забудешь когда-нибудь, как после героической победы Юрия Власова итальянские болельщики, так называемые тиффози, бросились поздравлять нашего спортсмена и нас, его соотечественников!

Или как весело и дружелюбно смеялся и хлопал стотысячный стадион, когда киевская спортсменка Вера Крепкина, выйдя победительницей и поставив олимпийский рекорд в прыжках в длину, захлопала от счастья в ладоши, а весь стадион подхватил ритм ее хлопков могучей скандированной овацией!

А до чего же радостно было видеть и слышать, как на языках чуть ли не всего мира люди самых различных оттенков кожи кинулись восторженно поздравлять сына Африки, изумительного бегуна Бикилу, вышедшего победителем в олимпийском марафоне — единственном виде соревнований, в честь победителя которого дается пушечный залп!

И не случайно решение олимпийского комитета преградило ныне дорогу в Токио расистам Фервурда из ЮАР. Не удастся человеконенавистникам и фашистам отравить солнечную атмосферу праздника интернациональной дружбы, в котором теперь принимают участие представители уже 98 стран.

Что касается непосредственно спортивных результатов, к которым ведут токийские дороги и под пятью кольцами, то тут я продолжаю твердо верить в богатейшие возможности представителей нашей страны. Они, как говорится, едут в Японию не с пустыми или опущенными руками. И мы вправе рассчитывать на успехи их по многим разделам олимпийской программы.

Но нам хорошо известны также и силы друзей-противников. Ребятам нашим придется, пожалуй, труднее, чем в Мельбурне и Риме. Тяжелая борьба предстоит, например, нашим легкоатлетам. Американские собратья их подготовились с необыкновенной тщательностью и сильны как никогда! Результаты традиционного «матча гигантов» в Лос-Анжелосе не могут не насторожить. Но напрасно думают некоторые зарубежные специалисты, что для советских спортсменов Лос-Анжелос был чем-то вроде Ватерлоо!..

Нет сомнений, что наши легкоатлеты выступали за океаном, еще не достигнув той высшей стадии мастерства и натренированности, на которую они поднялись теперь, к концу сезона. Предолимпийские соревнования блестяще подтвердили это. Советские легкоатлеты будут намного сильнее в Токио, чем были в Лос-Анжелосе. Но, по-видимому, и на олимпийских соревнованиях нашим ребятам придется не раз испытать горечь поражения. Вряд ли, например, можно ждать больших успехов в спринте или в прыжках с шестом. Зато в прыжках в высоту мы имеем все основания рассчитывать на золотую медаль. Неудачу Валерия Брумеля, недавно уступившего совсем не рекордную высоту чемпиону предыдущих Олимпийских игр Роберту Шавлакадзе, можно, мне думается, считать лишь досадным, хотя и весьма назидательным просчетом.

Твердо верю я в успех наших замечательных легкоатлеток. Верится, что и пленительно-изящные, смелые и в совершенстве владеющие всеми элементами мастерства гимнастки наши снова покорят зрителей и, главное, придирчивых судей, как это было в Риме.

Нелегко придется гимнастам: японцы сделают все возможное и, быть может, даже казавшееся пока еще невозможным, чтобы не уступить победу. Но последние выступления на отборочном турнире гимнастов показали, что у нас нет оснований терять и тут надежды.

Огорчительно, конечно, что наш футбольный мяч не докатился до столицы Японии и свернул с олимпийской дорожки еще в Варшаве, где советские футболисты, как известно, проиграли команде ГДР. Но зато имеются прочные основания рассчитывать, что советские мячи — волейбольный, баскетбольный да и тот, пожалуй, что является водоплавающим,— восполнят утрату, понесенную их олимпийским собратом...

Можем мы рассчитывать на большие успехи борцов, яхтсменов, наездников, пятиборцев, боксеров, фехтовальщиков, стрелков, гребцов, да и в плавании, как мне думается, болельщиков ждут большие радости и заслуженные утешения.

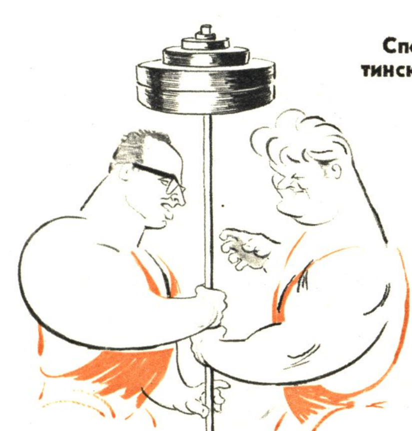
Ну, и, конечно, новую славу в отсветах олимпийского пламени завоюют непобедимые советские тяжелоатлеты. Недавний совершенно фантастический рекорд Юрия Власова буквально ошарашил весь спортивный мир. Я убежден, что Юрий Петрович Власов, военный инженер по образованию, литератор по призванию и сильнейший человек в мире, по заслуженной славе своей порадует нас и на помосте в Токио. А у него там будет, кроме зарубежных соперников, и могучий друг-конкурент, соотечественник, великолепный украинский богатырь Леонид Жаботинский. И сильнее этой пары не было и нет сейчас в мире!

Но не будем гадать и предсказывать. Спорт на то и спорт, чтобы каждое большое состязание могло потребовать от человека полной отдачи всех физических и душевных сил в решающее мгновение. Если бы заранее все было наверняка известно до доли секунды, сантиметра и килограмма, спорт потерял бы свой мужественный, боевой дух, дух честного спора и творческой остроты. Но каковы бы ни были результаты в предстоящих состязаниях в Токио, все дороги, ведущие туда, озарены не только огнем олимпийского факела, но прежде всего светом добрых надежд.

Счастливого пути всем, кто следует сегодня этими дорогами!

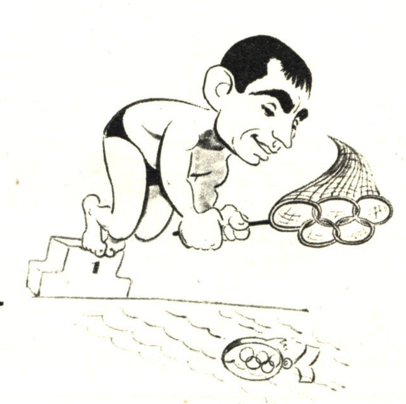

Т. Щелканова и И. Тер-Ованесян: прыжок в Токио.

Спор Ю. Власова — Л. Жаботинского: чей верх!..

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ И. СОКОЛОВА.

Пловец Г. Прокопенко охотится за золотой рыбкой.

ВЗРЫВЫ НА ГРА

РЕПОРТАЖ ВЕДУТ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ К. ЧЕРЕВКОВ, Н. АНАНЬЕВ

Лента асфальта убегает из Мурманска и устремляется на крутые гребни холмов, огибает сопки и вновь продолжает свой путь к границе. В небольшом перелеске ее пересекает полосатая линейка шлагбаума. Солдат-пограничник проверяет документы — и вновь путь свободен. Еще несколько километров — и шоссе становится главной улицей лесного поселка. Среди высоких елей под островерхими крышами — коттеджи с большими зеркальными окнами и продолговатые дома-бараки, обшитые светло-желтой сосной. На зданиях в центре — вывески на финском языке: почта, магазин, универмаг, гостиница, школа, клуб, столовые...

Этот небольшой своеобразный городок в лесу появился не так давно, его построили и живут в нем финские рабочие, техники, инженеры, сооружающие для Советского Союза гидростанцию у истоков реки Туломы, близ Нотозера. Верхне-Туломская ГЭС — четвертая по счету станция, которую финны строят для нас. Генеральный подрядчик — государственная фирма «Иматран Война». Заказчик представлен советской организацией «Туломгэсстрой». Она снабжает стройку некоторыми материалами, строймеханизмами.

Два главных инженера, ведущих строительство, молодой, сероглазый, светловолосый Ахти Торатти и спокойный, неторопливый Олег Краснов, встречаются почти ежедневно. Без делового контакта, взаимной симпатии и уважения, которые питают друг к другу эти два гидростроителя, трудно представить дела на стройке. Им приходится решать технические и организационные вопросы. Хотя все работы ведет финская фирма, но в них участвуют и наши монтажники.

— Такой крупной гидроэлектростанции, как Верхне-Туломская,— рассказывает ветеран электрификации Севера, проработавший в этих краях три десятка лет, Олег Краснов,— еще не строили на Кольском полуострове. И финны впервые возводят сооружения подобного масштаба и сложности.

Инженер Краснов знакомит нас со стройкой, раскинувшейся на берегу Нотозера. Широкий тоннель, пробитый в каменной толще, ведет в глубь огромной скалы. Метров пятьсот идем под уклон навстречу упругому ветру. Натужно урча, поднимаются по тоннелю самосвалы, тяжело груженные скальной породой. Тысячи кубометров камня вынуты из недр скалы, и в ее глубине появился огромный сказочный грот. Здесь сооружается сердце станции — машинный зал. Высота его достигает 36 метров. А над ним еще десятки метров каменной толщи. ГЭС в скале!

Многое сделано уже трудолюбивыми, аккуратными соседями, но еще два года предстоит им жить в поселке на Туломе. Стройка собрала на советской земле людей с разными судьбами, с непохожими характерами, своими взглядами на жизнь. Работа за рубежом сделала своеобразным быт этих людей и даже облик поселка.

Улицы коттеджей, улицы семейных и холостяцких общежитий, а на опушке леса — крохотные домики... на полозьях. Зеленый, тот, что выделяется среди сложенных из желтых некрашеных досок, построил своими руками старый рабочий Александр Мяхёнен. Это было шестнадцать лет назад. Тогда Мяхёнен впервые покинул свою страну и приехал на строительство электростанции в Янискоски. А потом несколько раз финн пересекал советскую границу со своим зеленым домиком на полозьях. Верхне-Туломская ГЭС — четвертая станция, которую строит Александр Мяхёнен.

— Тэрвэтулоа! Добро пожаловать!— приглашает хозяин. Его жена Хельта радушно предлагает посидеть за маленьким столом. В малюсенькой квартире тепло, опрятно. Все эти годы Хельта работала, сейчас же у нее только домашние заботы. Иногда приходится присматривать и за внуком. На Туломе живет ее сын Пертти. Он геодезист, его жена Сейя — служащая. Александр Мяхёнен ведает инструментальным хозяйством в автомастерской.

— Все очень хорошо,— говорит Мяхёнен.— Работы много. Только здоровье немного пошаливает: мне 67! Построим станцию, и уйду на отдых.

Хозяин соседнего домика на полозьях — Аотос Кузьмин. Сын рыбака, по профессии электрик. Однако дом строил сам. В домике живут четверо. У Кузьмина два сына — один родился на Туломе. За чашкой черного кофе Аотос рассказывает о себе. Как и многие работающие на стройке, он родом из Лапландии. Окончил ремесленное училище, работу у себя найти не мог. Доволен, что приняли на строительство Верхне-Туломской! Сложилось все удачно: работа интересная, а к тому же близко познакомился с советскими людьми.

Кауко Раапана — каменщик. Но только половину смены он трудится в тоннеле. После полудня его можно застать в крохотной, сколоченной из досок конторке. Здесь кабинет доверенного лица — человека, избранного рабочими для защиты своих интересов перед фирмой: финский рабочий в конфликтных случаях не может непосредственно обращаться к хозяину.

У Кауко всегда люди. Живой, энергичный, он терпеливо выслушивает товарищей, неторопливо обдумывает, как лучше защитить их права, выиграть тот или другой бой с администрацией. А переговоры вести с ней нелегко. Особенно, когда это касается увольнений или нарушения условий труда. Фирма недовольна настойчивым доверенным Кауко Раапана. Но рабочим он по душе — его избрали вторично.

Удивительно собранный, аккуратный, Кауко выкраивает время и для выпуска тоненького, на трех — пяти листиках журнала «Толчки Туломы»: в нем карикатуры, бытовые сценки, хроника рабочей жизни. В углу конторки стоит покрытый полотном ротатор. Кауко сам переписывает на машинке заметки и вместе с друзьями печатает журнал на ротаторе.

Люди, живущие в поселке, порой скучают по родным местам. Однако жизнь и работа на советской земле устраивают всех. А госпожа Инкери Салонен, пожалуй, ничего не имела бы против, если строительство продолжится еще добрый десяток лет. Инкери Салонен — глава торгового акционерного общества, в котором компаньонами — ее дочь и зять. В их руках вся торговля, им принадлежат магазины, столовые, киоски.

Когда закончится строительство ГЭС, финские рабочие и специалисты покинут поселок на берегу Туломы. В нем поселятся те, кто станет работать на новой заполярной гидроэлектростанции,— советские люди. В школе, построенной финнами, будут учиться советские дети. А пока в ней занимаются 196 их финских сверстников. Это народная финская школа-восьмилетка. Перед началом уроков — десять минут молитвы. Восьмой год обучения — новшество, введенное в этой школе, в ней очень много времени уделяется практическим занятиям: мальчики учатся столярному делу, девочки готовят обеды,— с детьми о профессиях беседуют взрослые, те, кто строит станцию.

И дети и молодая заведующая Анни Мякинен очень довольны школой, ее спортивным залом, просторными классами, удобной мебелью.

— Таких школ пока еще мало у нас в Финляндии,— говорит Анни.— Она построена по вашему заказу.

Есть еще одна школа в поселке, в ней учатся вечерами взрослые. Предмет один — русский язык. За столом учителя — советский инженер Лев Ивашень, у доски — ученик, рабочий кладовой финн Матти Сверлов. Он пишет на своем родном языке:

«Мы знаем: солнце всходит на востоке».

И здесь же старательно выводит каждую букву этой фразы по-русски. Оценка — десять. У финнов это наивысший балл, наша пятерка — у них двойка. В этой школе люди разных профессий, возрастов занимаются в одном классе. Одни из них лучше, другие пока хуже знают язык своего соседа. Рабочий Александр Таулиа рассказывает о себе по-русски:

— Я родился в 1917 году. Немного поторопился, — улыбается он,— на полгода раньше вашей революции.

Русский язык изучают не только в этой школе. Русские слова произносят финские друзья, когда встречаются с нашими инженерами, монтажниками, по-русски здороваются ребятишки, встречающие вас на улицах поселка.

Финские строители и советские специалисты, живущие в поселке, общаются не только там, где идет монтаж агрегатов. Год назад на стройке начало работать отделение общества дружбы «Финляндия — СССР». Возглавляет его рабочий Мартти Анттели.

— Выгоду от тесной экономической связи между нашими странами,— говорит он,— почувствовали все простые люди. Многие из них получили работу. Мы строим, как видите, для вас даже целые электростанции. Это же прекрасно! Вы ведь могли бы и сами строить их, у вас есть богатый опыт и силы. Да, на Туломе я понял, что значит дружба между нашими народами.

Еще немало нужно сделать финским строителям на берегу пограничной Туломы. Стройка в разгаре. Не редеет поток самосвалов, везущих из глубины тоннеля каменные глыбы, вырванные из толщи горы. Тревожно, предупредительно звучат сирены, и гулкие раскаты взрывов будят тишину на границе. Но взрывы эти никого не тревожат и не пугают. Электростанция, сооружаемая соседями-финнами, даст ток металлургам, химикам, земледельцам Советского Заполярья. Но уже сейчас, когда она еще в строительных лесах и в ее машинном зале нет турбин и генераторов, она дает энергию, которая рождает самое нужное людям на земле — дружбу, взаимопонимание, доверие.

НИЦЕ

Идет монтаж напорных водоводов.

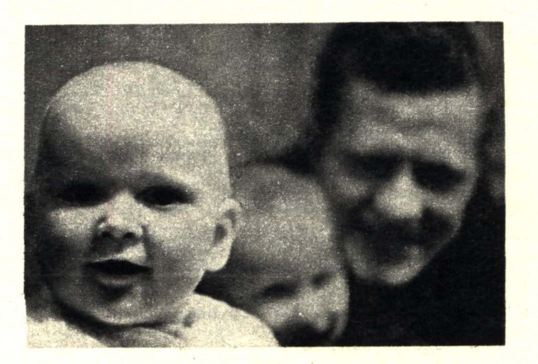

После смены. Финны и русские выходят из тоннеля.

— Все очень хорошо! — говорит старый рабочий Александр Мяхёнен.

У электрика Аотоса Кузьмина два сына. Этот малыш родился на Туломе. ▶

Часто встречаются два главных инженера — финский (слева) Ахти Торатти и советский Олег Краснов. ▶

◀ Пертти, сын Александра Мяхёнена, работает на стройке геодезистом.

Владимир КОБЛИКОВ

З асвежело от росы. Скоро зазорюет, а Настя так и не заснула.

В остуженной предутренником горнице еще душистей запахло травой, какую покойница бабка называла баюнной. Бабка-то и научила свою дочь, Настину мать, класть траву в постель для доброго сна, а мать передала секрет Насте.

В окно со дна вершка ударило сыростью.

Настин дом последний в порядке. Глубокий вершок не пустил дальше деревенскую улицу. Настиным домом она уперлась в макушки деревьев, которые торчат из вершка. Дом большой. Стены его еще не успели заветриться и потемнеть от дождей и снега.

До войны на этом месте стоял тоже большой, завидный дом, с резными наличниками и узорчатым фронтоном. Выберешься, бывало, по тропинке из вершка, а перед тобой дом — как в доброй сказке. Его построил дед Насти. Дом с резными наличниками и узорчатым фронтоном сожгли немцы. А этот уже после войны ставил Кирилл. Старался, думал, пойдут у них с Настей дети. Но загад не бывает богат.

Настя пошла за Кирилла не по любви. Вернулся он с фронта — дома никого. И мать, и отец, и две младшие сестры убиты; прятались в погребе, всех сразу и убило снарядом.

Кирилл был соседом Насти и по вечерам заходил к ним в сарай, где они тогда жили, посумерничать. Ходил, ходил, а однажды посватался.

Настина мать (еще жива тогда была) сказала:

— Тебе, Настасья, жить. Сама думай.

Ровно не родная мать, а мачеха сказала.

Проплакала Настя ночь, утро, день. К вечеру Кирилл пришел. Нарядный, с медалями. Сел за стол и стал ждать, что ему Настя скажет. А она молчала. Решился Кирилл, спросил:

— Что же вы мне, Настасья Дмитриевна, скажете, какой ответ дадите?

Настя закрылась руками. Кирилл сделался бледным, будто из воска вылепленный. Хотел встать, уйти, да пересилился и опять заговорил:

— Уж какой ни ответ, а выскажите. Я ведь к вам с открытым сердцем, без темных каких там мыслей. Весь вот тут, как на ладошке. Не люб буду — уйдете. Сам знаю: с постылым в доме и белые стены чернеют...

Жили они четыре года. Жили бы и сейчас вместе, если бы не осколок в Кирилловом сердце. Может, и дети пошли бы у них.

Вдовьи годы долгие, но все равно Настя не успела до бабьего века выйти еще раз замуж. А любовь около сердца гуляла. Да полюбила она слишком молодого. И неверного.

Лет десять назад это случилось. А может, больше... От баб узнала Настя, что приехал в отпуск из армии Васька Голодный. Приехал и приехал. Ей-то что до этого? А когда встретилась с парнем, то почувствовала, что не справится с собой: будто коса былинку, подкосила Настю его красота. Василий подошел к каждому, кто был в клубе, и со всеми «поручкался». Подавая ему руку, Настя покраснела. «Словно девка,— обругала она себя.— Стыд-то какой! Что люди скажут?» Хотела уйти домой, но подумала: «Погляжу, как танцуют, тогда и пойду».

А Василий и пригласи Настю. Она опомнилась только, когда Голодный проводил ее к месту, где сидела до танца. И после казалось Насте, что все смотрят на нее и знают, о чем она думает, слышат, как частит ее сердце...

Настя не глядела на Василия, но видела его все время. Он еще раз пригласил ее на танец. И теперь держал Настю близко, крепко. Надо бы отстраниться от его широкой, литой груди — не могла.

Тут же после танца она пошла домой... Деревня гляделась чужой, незнакомой, звезды стали вдруг ярче и ближе, а от снега почему-то пахло молодой травой.

Ужинать Настя не стала. Разобрала постель. Разделась. Пошла гасить свет. Случайно взглянула в зеркало и стала разглядывать себя. Перекинула за плечи волосы, провела ладонью по лицу, по шее; задела рубашку и оголила белую крепкую грудь. Нет, хороша, ничего не скажешь.

Сначала он постучал в дверь. Настя знала, что стучит именно он, Василий. Еще в клубе она знала, что Василий придет к ней сегодня. Настя зачем-то зажала рот ладонью и слушала. Он еще постучал. Потом скрипнула калитка в палисаднике, захрупел снег под вороватыми шагами — и стук в окно.

— Кто? — спросила Настя...

Накинула шаль на плечи и вышла в сени. Колени обдало холодом.

— Я! — Он говорил тихо, захлебываясь.— Открой!

Настя отодвинула засов и отступила в глубь сеней. Она слышала нетерпеливый стук солдатских каблуков, частое дыхание Василия, короткий лязг засова.

Настя попятилась к дальней стенке. Но он угадал, где она. Нашел ее руками.

— Ох! — тихо испугалась Настя и почувствовала, как на ее голом горячем плече тает колючий снег...

Когда Василий вернулся со службы, то ушел в зятья в соседнюю деревню. Настя его не осуждала: не мог же он жениться на бабе, которой уже за тридцать. Она только боялась встречи с Василием. Обошлось. Шла она из города, а навстречу едет Василий с невестой и родней. Василий от неожиданности остановил лошадь. Побледнел. Отец его нахмурился, досадливо скребнул щетину. А Настя чувства свои скрыла улыбкой, поздоровалась и сказала напевно, по-старинному:

— Совет вам да любовь, радость в детях, достаток.— И поклонилась, как кланяются старые бабы.

Голодный-старший опять скребнул свою серую и жесткую щетину, поблагодарил с поклоном:

— Спасибо тебе, Настасья Дмитриевна.

Никто никогда от Насти худого слова про Голодного не слышал. И ни о ком она не говорила плохо. Может, поэтому и ее не славили, хотя в деревне любили чернить вдов.

...Их деревня, еще в незапамятную пору кем-то ласково названная Сосенкой, забогатела. Свет даже в хлева провели. Старухи к радио пристрастились. Когда-то ребятишки обручи от кадок по улицам гоняли, а теперь им велосипеды-трехколесники, а то и обычные покупают... Клуб на пустыре выстроили, магазин — в деревне. Но недовольные, конечно, все равно есть. Кто нытик по характеру, по дурной привычке, кто смотрит на жизнь, как на праздник. А без будней праздников не бывает.

Есть в Сосенках дома и с настоящей нуждою. Взять, к примеру, Матрену Кошечкину. Семь человек детей у нее, старшей — пятнадцать.

Бригадир часто ставил к Насте на постой приезжих: шоферов, уполномоченных. Изба у нее огромная, чистая. И хозяйка аккуратная. Вдова к тому же.

Бригадир всегда многозначительно сообщал об этом новому постояльцу:

— Определяю вас на постой к вдове. К одинокой.— И как бы между прочим, добавлял:— Женщина чистая.

Иногда Настины временные жильцы приставали к ней. Иногда она уступала. Уступала без ломанья и тихо, как по обязанности.

А чаще говорила:

— Не приставай, нельзя.

Давно никто не жил в «Настиной гостинице». А сегодня утром бригадир отозвал Настю и сказал:

— Жильца на ночку возьмешь?

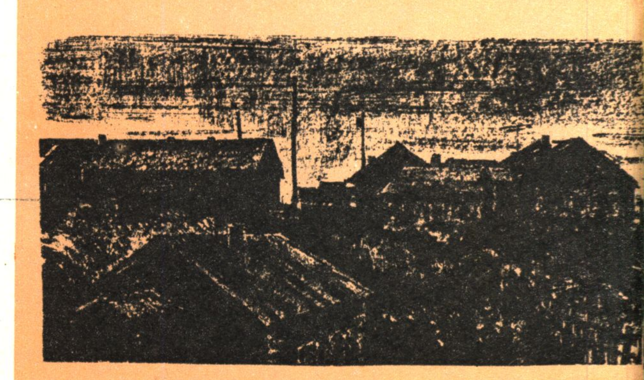
— Присылайте.

— На работу можешь не ходить. Ступай домой, приберись. Гость важный.

— Прибрано у меня.

— Получше прибрать надо... Вот записка к кладовщику.

— Не нужна мне записка. Свое все есть.

Баюн-трава

Рисунки Р. КУРЧИКА.

— Свое-то своим. Глядишь, и мы с председателем заглянем в гости.

— Найду чем кормить.

...Настя ушла с работы пораньше. Подтерла полы, нарыла молодой картошки, пошла мыть ее. И там, в вершке у ключа, встретилась с Матреной. Кошечкина полоскала белье, ее младший сын играл у воды в камешки.

Настя поздоровалась. Матрена что-то буркнула в ответ и зло подоткнула спадающий подол.

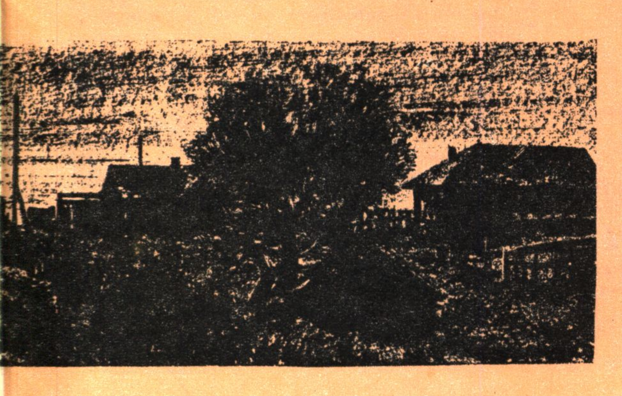
Настя мыла картошку, делая безразличный вид, а думала о Матрениной судьбе-бедоноше.

Жизнь Матренина не задалась с самого замужества. Первой красавицей слыла она в девках. От женихов отбоя не было. А пошла за Сеньку Кошечкина, прозванного с детства Кошарой.

Жилистый, высокий, с ясными и наглыми глазами, он разгуливал по деревне как красивый, но страшный злыдень. Еще мальчишкой Кошара прослыл первым скандалистом и любил подраться. «У Кошары свинцовый кулак, а ловкость кошачья»,—говорили про Сеньку, когда он был еще подростком. И уже тогда Кошечкина побаивались даже взрослые парни. На все свадьбы приглашали Кошару. Если Сенька — званый гость, то он смирный. Только плясал много.

Плясал Кошара всегда под гармошку Федьки-Великана. Великаном Федора звали в насмешку за малый рост. Стыдился Федор своей коротконогости, на люди не показывался и все свободное время «терзал хромку» в чулане.

На одной гулянке заартачился «штатный» гармонист и играть отказался наотрез. Кто-то посоветовал девчатам:

— Девки, а Федьку-Великана попросите: он с темна до темна на гармони музыканит. Может, научился?

Пошли к Федору. Долго упирался он, но потом сдался. Когда услышали люди игру Федора, ахнули. Гармонь его пела звонко, чисто. Федор играл без устали, любовно. И все мог.

В тот раз Сенька впервые приказал Великану:

— Дай-ка «Русскую»!

И от той пляски впервые по-особому забилось сердце Матрены.

Матрена тайком от родных расписалась с Сенькой и ушла из дому, а через два месяца и четыре дня проводила мужа на войну... А еще через три года пришел Сенька домой насовсем. Насовсем потому, что оторвало ему ногу. Драться и без ноги Кошечкин мог, а вот плясать... Запил Сенька. И почти ежедневно, захмелев, допрашивал Матрену, с кем она жила, когда он воевал.

Кошечкин утонул в половодье. Возвращался под вечер из города. Говорят, трезвым. Нашел на берегу лодку, сбил замок и стал переплывать на свой берег.

Лодку с сумкой Кошечкина поймали на соседней переправе, а самого его так и не нашли.

Матрена плакала. Соседки успокаивали ее. Для приличия прикладывали чистенькие платочки к сухим глазам. А когда выходили из пустого, как сарай, Кошечкиного дома, говорили:

— Слава богу, отмучилась.

— И то верно. Такой крест несла!

— Теперь вздохнет.

— Вздохнет? Надумала. С такой оравой!..

«Совсем нелюдимой Матрена стала... За что меня-то так ненавидит?.. Вдова ведь тоже». Настя еще раз окунула плетушку с розоватой картошкой в студеную воду и распрямилась, что-то ласковое захотелось ей сказать Матрене.

Послышался всплеск, меньшой Кошечкин заигрался и упал в омуток.

— У! Ирод! — закричала Матрена. Выхватила испуганного мальчишку из омутка и в сердцах больно ударила его.

— За что ты его? Безвинного лупишь.

Матрена побледнела.

— Жалостливая...

— Капельный ведь еще,— пристыдила Настя.

— Заступница! Посмотрела б я, какая ты стала бы с моей оравой! Отжировалась бы!..

— И десятерым была бы рада,— возразила Настя.— С детьми еще лучше бы жила. Дети— счастье.

— Не бреши! Видать, я от счастья тощая, как щепка, а ты от бездетства гладкая, как...— Матрена от злости не могла придумать, с кем же сравнить Настю. От натуги Кошечкина покраснела.

— Дети—счастье,— виновато и несмело повторила Настя.

— Счастье? Счастье! Вот и наплоди себе этого счастья!

Настя хотела заспорить, не стала. Ее вдруг поразила худоба Матрены. Была она раньше словно налитое яблоко, а сейчас высохла и стала казаться выше ростом. Лицо старое: нужда до времени прочертила глубокие складки у рта, морщин не пожалела, обесцветила глаза, губы.

Маленький Кошаренок отбежал подальше от ключа и зверьком смотрел на Настю. Был он похож сразу и на Сеньку и на Матрену: такой же тощий, тонкошеий, с глубоко запавшими глазами. «Небось, голодный»,— пожалела Настя мальчика и пошла от родника. Она знала, что вслед ей глядят. Идти от этого было неловко.

Настин жилец попросил постелить ему на погребице.

— Извините за такую прихоть,— объяснял свое желание Парешин.— Молодость моя прошла в деревне. Вот и хочется хотя бы на ночку вернуться в прошлое. Поспать на погребице, послушать, как засыпает деревня, как петухи зорьку кличут; дождаться самых ранних шагов и поглядеть, кто след свой на росе оставит: если мужчина,— зазноба другого полюбит; старый человек,— до свадьбы состаришься; молодая женщина,— посулит любовь жаркую, верную. Мужчины, Анастасия Дмитриевна, тоже загадывают.

Настя ушла на погребицу. Стелила постель Парешину и думала о нем. Он нравился ей. Когда он слушал, непременно смотрел в глаза — пытливо, доверчиво. Даже от маленькой радости смеялся до слез.

Настя довольна была, что Парешин не пил с председателем и бригадиром водку. А они приносили. Настя сама видела, как бригадир прятал в сенях пустые бутылки, а после забрал их.

Нравился Георгий Михайлович ей и за то, что не кидал на нее жадных взглядов и никаких таких намеков не делал, а попил с ней чайку, расспросил про родню, про соседей, про деревню. Обо всем она с ним переговорила. О себе, не таясь, рассказывала: о том, что Кирилла не любила, о Василии и о случайных, которых всех бы отдала за одного, настоящего.

«Разоткровенничалась! Чудно,— думала Настя, взбивая подушки,— не спрашивал, а самой рассказать хотелось. Чисто колдун».

Она кликнула Георгия Михайловича и проводила его на погребицу. Перед тем как вернуться в дом, постояла на крыльце.

Деревня засыпала. Только на другом конце ее запоздало светилось несколько окон. Попутный ветер занес в Сосенку прохладу остуженной реки. Слышалась песня. Девчата возвращались из соседнего села.

Настя вошла в дом. Убрала со стола. Растворила пошире окна... Разделась и легла... Запахло баюн-травой. Такой же травки Настя положила в постель Парешину. «Наверное, баюнная уже «заговорила». Настя улыбнулась.

Она надеялась, что скоро заснет. Но сна не было.

— Что это со мною?

Настя не узнала своего голоса. «Словно кто другой сказал... Что это я все окна пораскрывала? Дом мой крайний, рядом вершок, а я одна-одинешенька».

Хотела встать и закрыть окна, но отдумала: на погребице Георгий Михайлович. «Хорошо, когда в доме мужчина... А Матрена освирепела совсем. «Наплоди себе этого счастья». Вот скажет! Все от занужденности. А за Парешина я пошла бы».

Прислушалась. Девчата пели уже у самой деревни... «Они народят себе ребятишек. А вдовам-то бездетным как же?»

Когда Настя была совсем маленькой, то спросила однажды отца:

— Тять, а как это мы спим?

Отец почесал затылок и объяснил:

— На полатях в каждой избе Дрема-Кудрема живет, живет — людей усыпляет.

От бессонницы Настя вспомнила отцовские слова. Мысленно позвала: «Где ты бродишь, Дрема-Кудрема? Приходи: спать мне надо».

И поди же, задремала! Даже сон стал сниться... Но не доглядела до конца. Детский голос позвал Настю. Громко и ясно:

— Мам!

Настя вздрогнула, открыла глаза. Темнота. В горнице тихо. За окном тихо. «Почудится же!»

Так больше и не заснула. Вспоминала мать, Кирилла, Василия, думала о себе, о Матрене, о Парешине, о сенокосе, о пропавшей курице. Мысли мешались.

Неожиданно пришло в голову: «Может, Матрена даст меньших своих порастить? А? Попросить? — И сама покачала головой.— Не даст. Какая мать своих детей отдаст чужой...»

Деревня еще сладко спала. Вот-вот загремят подойники, потом пастуший горн затрубит и разбудит ленивых хозяев да чутких стариков. А сейчас самый сон.

Настя постояла на крыльце, ежась от холодного предутренника, посмотрела на погребицу и вспомнила: «Надо по росе пройти, первый след оставить». Сошла с крыльца. Роса обожгла босые ноги.

Когда заревое солнце заглянуло в горницу, Настя уже приготовила завтрак. Постелила расшитую скатерть и стала носить на стол еду, какую сама редко ела: сметану, окорок, яйца сырые, лук. Меду целую плошку в центр стола поставила; огурчиков свежих и малосольненьких принесла, мяса холодного и водки «Особой» бутылку. В запасе была. Оделась в новое. И к зеркалу — прическу поправлять.

Настя постучала накладкой. Парешин не отозвался. Осторожно приоткрыла дверь — погребица пуста. «Неужели уехал? Не простясь... Может, к ключу сполоснуться отправился?» Настя подошла к краю вершка и увидела Парешина. Он поднимался от родника по пояс голый и босиком.

Настя не слышала, но видела по губам, что Парешин напевает.

Поспешила в дом. Смеялась и думала: «Теперь точно видать, что из крестьян. Знает, что роса обужу сжигает. А городской в башмаках бы шел: городской ноги жалеет».

Перестояв в сенях, Настя выглянула на крыльцо и громко позвала:

— Георгий Михайлович? Встал, что ли?

— Встал! Иду... Доброе утро, Анастасия Дмитриевна.

— Доброе... Как спалось?

— Почти не спал я.

— Не спал?

— Не беспокойтесь. Ночь слушал. Думал. О деревне думал. Жалел, что раньше сюда не приезжал.

— И я не спала совсем,— призналась Настя и смутилась.— Первый след на росе углядели?

— Углядел.

Настя потупила глаза.

— Завтракать,— позвала она.

Открыла бутылку, налила стопку гостю и себе чуть плеснула. Парешин о чем-то хотел спросить, но раздумал.

— Ешьте, пожалуйста. Чем богата, тем и рада.

Настя потчевала гостя и с удовольствием смотрела, как он ест: не спеша и не жадно. Сама она только для приличия надкусила огурец. Задумалась... Когда очнулась, несмело сказала:

— Просьба у меня к вам.

— Просьба?— Парешин внимательно посмотрел на Настю.

— Не знаю, с чего и начать... Вдова я... Детей у меня нет... А как без детей-то? Без детей нельзя женщине. Затем и живет она, чтобы человека нового растить. Не родила я себе при муже ни дочери, ни сына. Молодой была — доброе имя берегла: без мужа у нас ребенка иметь позор. В городе другое дело. А теперь время ушло. Ушло и не спросило: достался ли тебе кусочек счастья? Да и кто как счастье понимает. Для меня дети — радость, а для другого — ноша тяжкая... Живу я пустоцветом. А есть у нас на деревне вдозы, у которых по многу детей. Вон, к примеру, Матрена Кошечкина. Семерых растит. Голодные они у нее, разутые. Бьет их. Смотреть на них — глаза слепнут. Взяла бы я меньших Кошарят к себе на воспитание, да знаю — не отдаст их Матрена.— Настя замолчала и стала смотреть в окно.

— Чем же я могу помочь вам? В чем просьба ваша?

— Мне ничего не надо.— Настя покачала головой.— Мне и так все завидуют... Матрене помогите. Поговорите с председателем. Может, садик детский откроет. Сто раз ему говорили об этом. Бездетный он! Сытый голодного не разумеет. Для телят вон какие хоромы выстроил! Для телят! А то дети! Самое дорогое на земле — дети... Станет говорить вам, что денег сейчас на постройку садика нет. Так вы скажите, что, мол, Настя согласна ребятишек в свой дом пустить. Печку только переложить надо, посуды купить. Вот и все затраты. Я бы и возилась с ребятишками. В одной половине играть и спать будут, в другой — кормить их стану. И платы мне никакой за дом не надо, и за уход ничего не возьму.

Парешин пытливо посмотрел на Настю.

— У самого-то, небось, есть дети? — с вызовом сказала Настя.

Глаза Парешина потухли. И сам он весь сник, сжался, постарел сразу.

— Был сын,— еле слышно ответил Георгий Михайлович.— Теперь нету... Погиб...

— Простите,— завиноватилась Настя.

— Надо — значит, помогу,— резко сказал Насте Парешин. И встал из-за стола.

В полдень Настя пришла домой. На улице жарко, душно. Парило, как перед грозой, но небо было чистое.

Настя не стала обедать: в такую жару кусок в рот не идет. Взяла ведра и спустилась в вершок, к ключу. Озираясь опасливо по сторонам, сняла кофту и стала плескать пригоршнями на плечи, на грудь, на спину студеную и светлую воду.

Потом намочила кофту. Выжала ее, с трудом натянула на себя. Пока дошла до дому, кофта почти высохла.

Посредине горницы Настя бросила ватник, на ватник — подушку и легла прямо на голые доски: так прохладнее... Сон в жару крепкий, уморный. Настя разметалась, разрумянилась во сне. Она не слышала, как подъехала к ее дому машина, не слышала стука в дверь; в это время ей снилась скачущая лошадь.

Парешин вошел в горницу и остановился. С минуту он стоял и глядел на Настино лицо, потом вышел из горницы и позвал:

— Анастасия Дмитриевна!

— Кто это? — испугалась Настя.

— Парешин.

— Ох! Сейчас я...

Парешин все медлил и не садился в машину. Наконец взглянул на неподвижную, будто окаменелую спину шофера и заспешил.

— До свидания, Анастасия Дмитриевна.

— Прощайте,— тихо сказала Настя...

Машина тронулась с места и тут же остановилась. Парешин приоткрыл дверцу. Настя шагнула к нему.

— Забыли что?

— Как называется та трава, которую вы под подушку клали?

— Баюнная. Баюн-трава.

— Не слыхал про такую.

— Бабка моя так ее окрестила, а может, и не она. Только из всей деревни в одном нашем доме траву эту знали и называли баюнной.

— Ну, счастливо вам оставаться.— Парешин поднял руку и захлопнул дверцу.

Настя стояла и смотрела, как гонится за черной лаковой машиной пыль от пересушенной солнцем дороги. Глаза у Насти были растерянные и печальные, как у всякого доброго человека, когда тот провожает в дальнюю дорогу другого человека, и тоже доброго.

Вдруг, вспомнив, она всплеснула руками:

— Что же я пучок баюн-травы не дала ему с собой?

Калуга.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ

Династия расклейщиков афиш

Фото В. Джейранова.

Они появились в Тбилиси сразу, сто одинаковых цементных тумб. И тотчас замаячила на улицах города фигура с кистью, с ведром, наполненным жидким крахмалом, и бумажным свитком под мышкой. В 1904 году Павел Налбандян стал расклейщиком театральных и цирковых афиш. Что-то более важное, чем материальная заинтересованность, заставило его бросить доходное сапожное ремесло и приворожило к новому делу.

Важный и молчаливый, выходил он под вечер в город со своими причиндалами и, невзирая на недуги, скверную погоду, на грозные события, волновавшие город, двигался от тумбы к тумбе. Ему нравилось брать цветастую афишу в руки, разворачивать ее и неторопливо вчитываться в длинное, витиеватое приглашение. Как истый театрал, он хорошо разбирался, где ему следует позаботиться о контрамарке, а где «игра не стоит свеч». Были любимые афиши, которым он выбирал лучшие места, чтобы обратить на них внимание горожан.

Прошло полвека. Город вырос в несколько раз. Театров стало больше. На рекламных щитках все больше места стала занимать спортивная, клубная афиша. А гастролеры? Из каких только заморских стран не повалили они в город! Старый Налбандян и не слышал раньше об этих странах...

Тяжелым стал и свиток под мышкой. Правда, Павел Асатурович давно уже не один, но среди расклейщиков считался старейшим. Ему перевалило уже за восьмой десяток, когда в Тбилисском Доме работников искусств были устроены торжественные проводы патриарха расклейщиков на пенсию. Пришли друзья по работе, знакомые, работники театров и представители спортивных организаций. После чествования состоялся концерт, единственный, о котором он уже не оповещал, являясь сам как бы его «виновником».

Потом он уехал в селение, на покой. И странным казалось, что больше не будет маячить его сутулая фигура с кистью и ведром на улицах левобережья Куры, где его знал каждый старожил.

Но не успел он уйти, как буквально на следующий день у рекламных щитков появилась его копия — сын Николай. Еще в двадцатых годах, мальчиком, он начал помогать отцу, потом получил небольшой самостоятельный участок в другом конце города. Теперь занял место Налбандяна на левобережье, в густонаселенном центре. Как будто никто и не ушел со сцены...

Николай Павлович Налбандян расклеивает афиши уже почти сорок лет. Но в последние годы он сменил пеший способ передвижения на мотороллер. В его ведении стало 46 рекламных пунктов. Ему полагается вполне законный помощник. И, конечно, до последнего времени это был его сын Леван, Налбандян III. Правда, морская служба прервала на какой-то срок традиционное дело семьи.

А дом Налбандянов по-прежнему знают все театральные и спортивные администраторы. Сюда можно явиться хоть среди ночи с задержавшейся в типографии пачкой. Николай Павлович встанет, наденет фартук, разведет крахмал. Афиша не должна опаздывать. К утру город должен ее иметь так же, как имеет свежую газету или свежевыпеченный хлеб.

Ия МЕСХИ

В. Косенков. У ПРИЧАЛА.

В. Васин.

СТАДИОН В МУРМАНСКЕ.

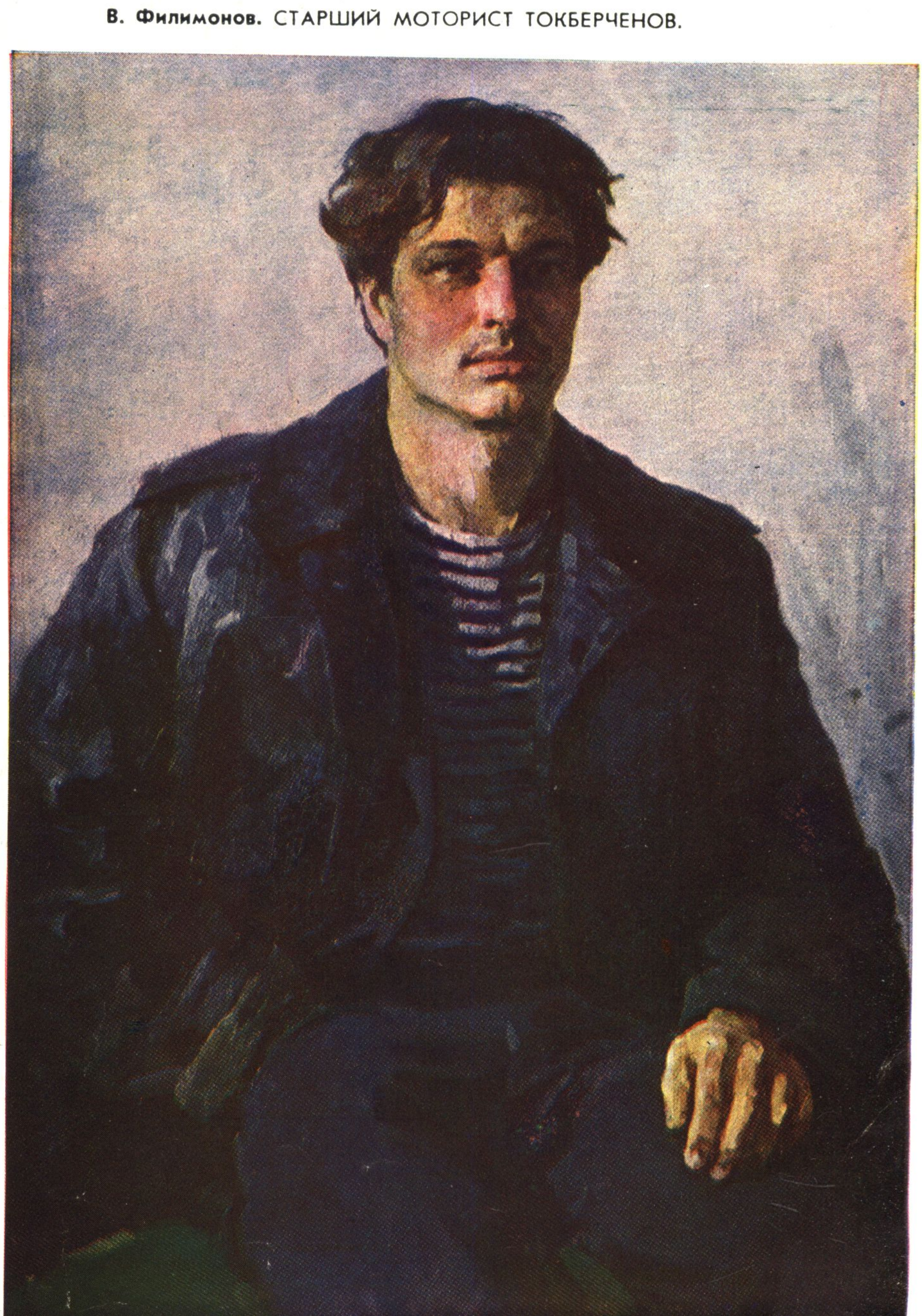
В. Пастухов. ВЕСТИ С ЗЕМЛИ.

В. Чулович. МУРМАНСК СТРОИТСЯ.

В. Филимонов. СТАРШИЙ МОТОРИСТ ТОКБЕРЧЕНОВ.

Л. Шиповский. В ПОРТУ.

А СЕВЕР-ТО НЕ СЕДОЙ!

Шестеркой северян называют теперь эту творческую группу. Север объединил их — художников разных биографий, разных поколений.

Василий Косенков и Лев Шиповский познакомились в 1945 году в Москве, в живописных мастерских Суриковского института. Шиповский в годы войны защищал город Ленина, участвовал в прорыве кольца блокады и теперь вернулся к прерванным занятиям — до войны он был студентом Ленинградской академии художеств. Василий Косенков воевал на берегах Волги и сейчас хотел рассказать людям, как дороги сердцу солдата мирные родные пейзажи.

В одно время с Косенковым и Шиповским был студентом Суриковского института Виктор Васин.

Быстро идут мирные годы. Лев Николаевич Шиповский — автор множества картин о людях труда, кандидат искусствоведения, преподаватель Суриковского института. Совсем недавно его студентом был Владимир Пастухов. Всеволод Филимонов учился у Виктора Васина в Московском институте прикладного искусства.

Когда Союз художников предложил творческую командировку в Мурманск, первой откликнулась эта шестерка.

Но Север не только романтика. Часто шел дождь пополам со снегом, да еще ветер, студеный, резкий. Порой, добираясь до места работы, привязывали к себе холст или тащили его вдвоем, чтобы не унесло ветром.

Писали мурманский порт, знаменитый Абрам-мыс, весь в новых заводах, причалах, верфях. Косенков с Чуловичем съездили и в порт Владимир, где высятся апатитовые скалы.

Шиповский и Васин уходили в город, к новым кварталам.

— В тот «Вечер»,— рассказывает Шиповский,— поразил меня мягкий, теплый бархат мурманских сумерек. Хотелось, чтобы и другие удивились этой неожиданной бархатистости.

Мимо мурманского стадиона ходили десятки раз. Но лишь Виктор Васин увидел, как хорош «Стадион в Мурманске».

Филимонов отправился в рыбачий поселок Териберку, где в Доме межрейсового отдыха моряков познакомился с капитаном парохода «Угра» — молодым, двадцатипятилетним парнем. Подружились сразу.

— На другой день я уже был на корабле,— рассказывает художник,— делал эскизы для будущих портретов. Переписал всю команду. Замечательные они ребята! Случилось, сильная волна опрокинула шлюпку с грузом. Не задумываясь прыгнул в ледяную воду на помощь товарищам старший моторист Александр Токберченов. Это не считается здесь геройством — дело обычное. Однако товарищам очень хотелось, чтобы именно Сашин портрет вышел лучшим.

Владимир Пастухов из Мурманска на траулере вышел в море. В минуты трудового аврала откладывал художник этюдник и помогал рыбакам добывать богатый улов. И героев своих, мужественных, молчаливых, сильных, писал в трудовой обстановке морского похода.

Столетиями привыкли люди думать: Север — значит край суровый. Само слово это сделалось постоянным эпитетом. А вот теперь картины, что привезли из Мурманска шестеро московских художников, говорят: пора менять эпитет.

Эльвира ПОПОВА

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

РЕВОЛЮЦИЯ, ДЕНЬ ТРЕТИЙ...

Братья-революционеры: мичман Ф. Ф. Ильин (Раскольников) и прапорщик А. Ф. Ильин (Женевский).

Небольшое сообщение, напечатанное в газете «Известия» за 20 июля 1939 года, было озаглавлено коротким словом: «Хроника». В нем говорилось о том, что «17 июля с. г. Верховный Суд Союза ССР рассмотрел дело о бывшем полпреде в Болгарии Раскольникове Ф. Ф. и... объявил Раскольникова Ф. Ф. вне закона». А вскоре Ф. Ф. Раскольников пишет открытое заявление Сталину «Как меня сделали врагом народа». В нем он разоблачает неслыханный произвол и ничем не оправданные репрессии Сталина по отношению к верным соратникам Ленина, видным деятелям Октября и гражданской войны, активным работникам партии и правительства. Особенно его тревожило то, что накануне явно приближающейся войны с фашизмом Сталин истреблял ни в чем не повинных руководителей Красной Армии и Военно-Морского Флота, ослабляя этим Советские Вооруженные Силы. Ф. Ф. Раскольников прямо и откровенно заявлял о том, что Сталин в «Кратком курсе» фальсифицировал историю большевизма, что он в этой книге обокрал мертвых, убитых и опозоренных им же людей и присвоил себе все их подвиги. Письмо заканчивалось твердой уверенностью в том, что рано или поздно культ личности Сталина будет разоблачен и осужден как явление, чуждое марксизму-ленинизму и коммунизму.

Федор Федорович Раскольников — легендарный герой Октября и гражданской войны. В партию большевиков он вступил в 1910 году, будучи студентом Петербургского политехнического института. Активно сотрудничал в большевистской газете «Звезда». Был секретарем «Правды». В годы первой мировой войны по воле партии становится моряком — поступает в гардемаринские классы. Февральскую революцию встречает в звании флотского офицера. Петроградский комитет посылает его в Кронштадт. Он становится редактором местного большевистского органа «Голос Правды», одним из руководителей партийной организации крепости.

В бурные дни лета и осени семнадцатого года Раскольников во главе революционных матросских масс выполняет поручения Центрального Комитета партии, лично Ленина. Накануне вооруженного восстания едет в Новгород и Лугу. Через эти пункты шли войска, вызванные Временным правительством в Петроград. Потом Смольный. Снова поручения Ленина.

Восемнадцатый год. Раскольников выполняет ответственное задание Ленина. Принимает участие в потоплении боевых судов Черноморского флота, чтобы они не попали в руки врага. Затем Волга. Он командующий только что рожденной флотилии. Бои за взятие Казани. Походы вместе с наступающими войсками Красной Армии по Каме. Первый орден Красного Знамени.

В девятнадцатом и двадцатом годах на Каспии он командовал флотилией. Под его руководством моряки оказали помощь трудящимся Баку в освобождении города, успешно громили белогвардейцев и англичан. Затем блистательная операция по ликвидации вражеских сил в Энзели. Высокая оценка Ленина. Второй орден Красного Знамени. Он снова в Кронштадте, командует Балтийским флотом.

Отгремела гражданская война. Раскольников на дипломатической работе. Полпред в Афганистане. Через три года снова Москва. Он редактирует журналы «Молодая гвардия», «Красная новь». Затем — председатель Главрепертеома, начальник Главискусства. Пишет пьесы, книги о моряках в революции, о гражданской войне.

Снова дипломатическая работа. Эстония. Дания. Болгария. В Болгарии его застают репрессии периода культа личности Сталина. Он с тревогой наблюдает, как в результате беззаконий и произвола Сталина бессмысленно гибли в Советском Союзе лучшие люди партии, многих из которых он знал лично. Он стал замечать, что и за ним следят агенты Ежова—Берия. Уже находясь во Франции, Ф. Раскольников узнает, что на Родине он объявлен «врагом народа». И тогда в сложной и трудной обстановке он решает начать борьбу с культом личности Сталина.

Раскольников до конца своей жизни был настоящим ленинцем, верным патриотом Родины, бесстрашным бойцом большевистской партии. Он умер во Франции 12 сентября 1939 года.

Недавно по приглашению Союза советских писателей нашу страну посетила супруга Федора Федоровича — Муза Васильевна Раскольникова с дочерью Музой Федоровной. Она передала Центральному государственному архиву литературы и искусства рукописи своего покойного мужа, над которыми он работал в последние годы своей жизни, находясь за рубежом.

В литературном архиве Федора Федоровича есть интересные наброски его воспоминаний о днях революции и гражданской войны, разнообразные записки литературоведческого характера. Раскольникова интересовали материалы из биографий Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Горького. Он написал немало стихов, переводил болгарских поэтов, на сцене шли его пьесы, в том числе инсценировка по роману Л. Толстого «Воскресение» в МХАТе и «Робеспьер» в Ленинграде и Париже, он делал наброски для будущих пьес. Материалы архива говорят о многосторонних литературных интересах Ф. Раскольникова.

Редакция публикует отрывок из задуманной Ф. Раскольниковым книги воспоминаний о днях революции и гражданской войны. Отдельные факты, упоминаемые здесь, были использованы в книгах, которые вышли много лет назад и являются сейчас библиографической редкостью.

В. ТИХОМИРОВ

Трехтрубный крейсер «Аврора» легко отдал швартовы, медленно отошел от стенки Франко-русского завода, развернулся и стал на якорь среди Невы, у Николаевского моста.

Министры Временного правительства, охраняемые в Зимнем дворце безусыми юнкерами и ударницами [1], с тревогой смотрели на «Аврору» сквозь зеркальные стекла.

— Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь? — спросил министр юстиции Малянтович [2].

— Он будет обращен в кучу развалин,— спокойно ответил морской министр адмирал Вердеревский [3],— у нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания. Зимний дворец расположен для этого удобно. Прицел хороший.

Правая щека адмирала задергалась от нервного тика...

После выстрела по Зимнему дворцу с верков Петропавловской крепости «Аврора» дала холостой залп из шестидюймового орудия.

— Это что? — испуганно спросил министр.

— Это с «Авроры»,— сказал Вердеревский.

Когда принесли стакан снаряда, пробившего стену дворца, то министры с любопытством и трепетом разглядывали его.

— С «Авроры»,— уверенно ска-

[1] Те, кто входил в состав женского ударного батальона.

[2] Малянтович П. Н.— меньшевик, с сентября 1917 года министр юстиции Временного правительства.

[3] Вердеревский Д. Н. — контр-адмирал, с августа 1917 года морской министр Временного правительства.

зал Вердеревский и поставил тяжелый стакан на стол.

— Пепельница нашим преемникам,— ядовито добавил кто-то.

Через несколько часов Зимний дворец был взят лихим натиском рабочих-красногвардейцев, егерей, семеновцев, преображенцев, финляндцев, волынцев и павловцев[4], матросов Второго Балтийского и Гвардейского экипажей.

— Поздравляю! Социалистическая революция началась! Зимний дворец взят, и весь Петроград в наших руках,— торжественно возвестил утром 26 октября мой брат[5], входя в комнату, где я лежал, простуженный на лекции в дощатом цирке «Модерн».

Я тотчас вскочил на ноги, мысленно послал к черту лечение и с высокой температурой полетел в Смольный.

В комнате номер 85, за белой, выкрашенной масляной краской дверью с надписью «Военно-Революционный Комитет» я встретил Владимира Ильича Ленина.

Как непривычно было видеть его без бороды и усов, сбритых в подполье.

— На Петроград наступают вызванные с фронта самокатчики,— сказал Подвойский.

Военно-Революционный Комитет командировал меня на Варшавский вокзал встретить самокатчиков и присоединить их к восставшему Питеру.

В соседней комнате, где секретарь Комитета Сергей Иванович Гусев[6] устроил канцелярию, на бланке Военного отдела Исполкома Петросовета был от руки написан мандат:

«Военно-Революционный Комитет делегирует товарища Раскольникова для встречи войск, прибывающих с фронта, на Варшавский вокзал и назначает его комиссаром прибывающих войск».

Мандат подписал Подвойский.

На Варшавском вокзале я самокатчиков не нашел, пассажирским поездом выехал им навстречу, сошел в Гатчине, но и здесь никаких самокатчиков не было.

С первым попутным поездом я в сумерках вернулся в Петроград.

Доложив Военно-Революционному Комитету о результатах поездки, я пошел на заседание Второго съезда Советов.

В актовом зале Смольного института, как на блестящих балах, к которым привыкли его белоснежные стены, ярко горели хрустальные люстры и бронзовые канделябры.

Товарищ Ленин сидел в президиуме...

На заседаниях меньшевистско-эсеровского ЦИКа и на Первом съезде Советов «выпирала» интеллигенция, блестели погоны офицеров и военных врачей, раздавались иностранные слова и слышались парламентские обороты. А здесь бросался в глаза народный, рабоче-крестьянский состав съезда.

Слово имеет товарищ Ленин!

Владимир Ильич с бумагами в руках скромно выходит на невысокую кафедру, заложив руки в карманы, прищуренными глазами оглядывая зал, и просто, без малейшего пафоса читает исторические декреты о мире и о земле.

Депутаты встают и с вдохновенным энтузиазмом, с криками «Ура!», с пением «Интернационала» неистово бьют в ладони.

Поздним вечером мы с Рошалем[7] вышли из Смольного на двор, разыскивая автомобиль. Крепкой походкой к нам подошел Володарский и, взяв нас под руки, взволнованно сказал:

— У меня к вам дело, пойдемте!

Он подвел нас к закрытому автомобилю, и мы поехали в казармы Егерского полка. Володарский сказал, что нужно «раскачать» егерей, которые выступают на Царскосельский фронт.

В казарме мы попросили дежурного разбудить членов полкового комитета и ротных представителей. Круглые стенные часы показывали два ночи. Собралось около пятидесяти человек.

Товарищ Володарский в талантливой речи обрисовал политическую обстановку, ознакомил с декретами о мире и о земле, а потом, подчеркнув критическое положение революции, призвал Егерский полк к защите социалистических завоеваний.

После выступлений Рошаля и моего товарищи разошлись по ротам, поклявшись немедленно вывести полк на позиции.

Ранним утром егеря организованно выступили на фронт.

27 октября я зашел в штаб военного округа и сразу попал в кабинет Чудновского[8], который, отбрасывая назад падавшие на виски волосы, измученный и счастливый, выбежал мне навстречу. С рукой на перевязи от полученной раны, нервный, необычайно подвижный, он ни минуты не оставался в покое. Едва подписав какую-нибудь бумагу, он спешил к телефону или бросался к ожидавшим его посетителям.

Чудновский был героем революции, рыцарем без страха и упрека. Вдумчивый и осторожный, он никогда не терял трезвости и равновесия политического бойца... Всю жизнь я буду помнить лицо Чудновского, бледное от непрестанного внутреннего горения, с каплями пота на высоком лбу, еще не успевшем остыть от творческого жара.

Через год он погиб на Южном фронте.

Какой-то поручик Измайловского полка, стоя навытяжку перед Чудновским, получал инструкции. Его командировали в Гатчину.

Меня тоже тянуло на боевой фронт: мне казалось, что в Петрограде нечего делать. Чудновский поручил мне проверить, что делается в окрестностях. Закрытый «фиат», глухо стуча мотором, ждал у подъезда.

Сперва мы заехали в Измайловский полк. Как сонные мухи, бродили растерянные офицеры.

Мы не нашли в казарме ни одного члена полкового комитета: старые члены комитета разбежались, а новые не были избраны.

Мимо Нарвских ворот и Путиловского завода мы поехали в Гатчину. По осеннему небу медленно плыли серые облака. В поле желтели стога неубранного сена. Промозглый ветер остервенело трепал картофельную ботву. В Красном Селе выбежавшие на дорогу солдаты остановили автомобиль.

— Скоро ли нас отправят против кадетов?— нетерпеливо спрашивали солдаты 176-го полка.

В Царскосельском штабе полковник Вальден, передававший по телефону свои приказы, хромая и опираясь на палку, вышел из-за стола и с горечью сказал, что старые штабные офицеры разбежались. Поддержанный солдатами гарнизона, он готовил оборону Царского от наступавших из Гатчины банд Керенского и Краснова.

Я оставил на помощь Вальдену измайловского офицера, а сам в автомобиле товарища Ульянцева[9] поехал с докладом в Петроград.

Мы ехали с зажженными фарами в смутных вечерних сумерках под частым и мелким дождем, брызгая по сторонам жидкой грязью. Через полчаса мы остановились перед штабом военного округа, где ярко были освещены все окна.

Под председательством Подвойского в одной из комнат шло заседание военной организации большевиков. Мы с Ульянцевым сделали доклад о фронте. Было решено послать туда красногвардейцев с броневиками и спешно сформировать новые рабочие отряды.

После заседания меня вызвал товарищ Ленин. Он сидел в просторной и пустой комнате штаба, на конце длинного, ничем не покрытого стола. Перед ним лежала развернутая карта окрестностей Петрограда.

— Какие суда Балтийского флота вооружены самой крупной артиллерией?— спросил меня Владимир Ильич, отрываясь от карты.

— Дредноуты «Петропавловск», «Гангут», «Полтава» и «Севастополь». Они вооружены двенадцатидюймовой артиллерией в башенных установках, не считая более мелких орудий.

— Хорошо,— нетерпеливо продолжал Ленин,— если понадобится обстреливать окрестности Петрограда, то можно ли их ввести в Неву? А если нет, то где их можно поставить?— спросил он, внимательно разглядывая карту. Потом он пристально впился в меня прищуренными глазами.

— Глубокая осадка линейных кораблей,— сказал я,— и мелководье Морского канала делают эту операцию возможной только в случае большой прибыли воды в Морском канале.

Владимир Ильич недовольно покачал головой.

— Каким же образом можно организовать оборону судами Балтфлота?— спросил он, откидываясь на спинку стула и закладывая большие пальцы обеих рук за борта жилетки. От этого жеста его широкая грудь стала еще более выпуклой.

Я предложил поставить линейные корабли на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала для защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу.

И Владимир Ильич заставил меня пальцем показать на карте сектор обстрела разнокалиберной артиллерии.

И он еще долго изучал карту, обдумывая способы обороны Петрограда со стороны Финского залива.

— Вы знаете, что Гатчина взята белогвардейцами?— с тревогой сказал Владимир Ильич.— Позвоните по телефону в Кронштадт и распорядитесь о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Надо мобилизовать всех до последнего человека: революция в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии, Керенский и его банда нас раздавят.

---

[4] Здесь перечисляются части, солдаты которых участвовали в штурме Зимнего.

[5] Ильин-Женевский А. Ф. (1894—1941) — активный участник Октябрьского вооруженного восстания и гражданской войны. Позже — известный шахматист. Погиб в 1941 году под Ленинградом.

[6] Гусев С. И. (1874—1933)— профессиональный революционер, старейший большевик.

[7] Рошаль С. Г. (1896—1917) — один из руководителей Кронштадтской организации большевиков. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания. Погиб в 1917 году на Румынском фронте.

[8] Чудновский Г. И. (1894—1918) — профессиональный революционер. В Октябрьские дни член Военно-Революционного Комитета. Один из руководителей штурма Зимнего дворца.

[9] Ульянцев Т. И. (1888—1919)— матрос Балтийского флота. Один из руководителей Кронштадтской организации большевиков.

Спор решится в Токио

Американский журнал «Лайф» опубликовал статью старшего тренера сборной команды легкоатлетов СССР Гавриила Коробкова. Советский тренер проанализировал результаты последнего матча США—СССР и «предупредил» легкоатлетов США, что советские спортсмены выступят сильнее на Олимпийских играх, чем в Лос-Анжелосе. «Мы будем в Токио в наилучшей форме,— пишет Г. Коробков.— Вы в этом убедитесь».

Корреспондент «Огонька» А. Сербин связался по телефону с главным тренером американской команды легкоатлетов Робертом Гигенгаком и задал ему несколько вопросов.

В ЖУРНАЛЕ «ЛАЙФ» ВЫСТУПИЛ СОВЕТСКИЙ ТРЕНЕР Г. КОРОБКОВ, НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА» — АМЕРИКАНСКИЙ ТРЕНЕР Р. ГИГЕНГАК

Роберт Гигенгак.

Даже в наш технический век поговорить по телефону с человеком «на другом конце света» не так-то просто: для этого требуется терпение и здоровые голосовые связки. Интервью с Р. Гигенгаком продолжалось два вечера, и мы благодарны главному тренеру легкоатлетов США за любезность, которую он проявил во время нашего разговора.

Первый вопрос «Огонька» касался, конечно, статьи Г. Коробкова и его оценки матча США — СССР в Лос-Анжелосе.

Р. ГИГЕНГАК. Я прочел статью Гавриила Коробкова и думаю, что он дает правильную оценку встречи между легкоатлетами наших стран. Я согласен с тем, что во время матча США — СССР советская команда находилась не в лучшей форме. Но я должен заметить, что команда США тоже была не в лучшей форме. Мы уверены, что русские в Токио будут более сильными. Но и американцы приедут в Токио лучше подготовленными. Сейчас мы уже сильнее, что показали выступления американских легкоатлетов в том же Лос-Анжелосе в середине сентября. И мы не остановимся на этом, а будем продолжать совершенствоваться.

«ОГОНЕК». Имеют ли возможность американские бегуны победить в Токио советских стайеров на дистанциях 5 тысяч и 10 тысяч метров, как это случилось в Лос-Анжелосе?

Р. ГИГЕНГАК. Полагаю, что мы хорошо выступим на 5 тысяч метров. Что касается победы на 10 тысяч — она под вопросом.

«ОГОНЕК». Сможет ли кто-либо из американцев, например, Джон Томас, прыгнуть выше Валерия Брумеля?

Р. ГИГЕНГАК. Соревнования по прыжкам в высоту на Олимпийских играх обещают быть очень интересными. Джон Томас сейчас находится в отличной форме. А результаты мы узнаем в Токио. В. Брумель и Дж. Томас — великие прыгуны.

«ОГОНЕК». По прыжкам в длину в Лос-Анжелосе первое место осталось за советским спортсменом. Как вы расцениваете шансы Р. Бостона на Олимпийских играх?

Р. ГИГЕНГАК. Ральф Бостон сам ответил на этот вопрос. На последних соревнованиях, как вы знаете, он установил новый мировой рекорд — 8 метров 34 сантиметра.

«ОГОНЕК». В своей статье Г. Коробков говорит, что американские спортсменки во время соревнований в Токио могут выступить лучше, чем на прошлых Олимпийских играх. Каково ваше мнение?

Р. ГИГЕНГАК. Мне кажется, что я могу согласиться в этом с Г. Коробковым. Наши женщины не хуже любых других спортсменок мира.

«ОГОНЕК». В этой связи как вы расцениваете шансы американок в борьбе с советскими легкоатлетками?

Р. ГИГЕНГАК. Мы не располагаем большой информацией о советских спортсменках, наши же последнее время выступали мало, но они упорно готовились к Олимпиаде.

«ОГОНЕК». Могли ли бы вы сравнить работу советских и американских тренеров?

Р. ГИГЕНГАК. Мы уважаем советских тренеров и спортсменов и восхищаемся ими. Однако мы хотели бы отметить, что Олимпийские игры не матч между двумя странами. В Токио будет представлено много других наций. Мы желаем вам всяческих успехов в Токио. Но в японской столице мы будем бороться с вами за золотые медали в каждом виде соревнований. Мы не считаем себя вправе давать какие-либо окончательные оценки и прогнозы. Возможно, что в одних видах состязаний победите вы, в других — мы. Это не будет означать, что в той или иной стране тренеры лучше, чем в другой. Я думаю, что Гавриил Коробков согласится со мной. Передайте ему и всем советским спортсменам самые теплые приветы от американских спортсменов и скажите, что мы с энтузиазмом ждем встреч в Токио.

* * *

Мы поблагодарили Р. Гигенгака и повесили трубку. Познакомившись с высказываниями американского тренера, легко прийти к заключению, что атлеты США настроены по-боевому и что от советских спортсменов потребуется немало мастерства и сил для победы на Олимпийских играх.

ВЫШЛИ В СЕНТЯБРЕ

Вера Федоровна Комиссаржевская. «Искусство». Ленинград — Москва. 1964.

В ноябре этого года исполняется сто лет со дня рождения великой русской драматической актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской. К этой дате Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии составил сборник. В него включены письма Комиссаржевской, большинство из которых публикуется впервые, воспоминания о ней и материалы, связанные с ее сценической деятельностью. В книге летопись жизни и творчества В. Ф. Комиссаржевской.

Д. Коган. Константин Коровин. «Искусство». Москва. 1964.

Константин Коровин известен как блестящий живописец — станковист и театральный декоратор. Неповторимо своеобразная и вместе с тем весьма типичная для современной ей художественной эпохи, воплотившая эстетические идеалы, близкие многим художникам его поколения, живопись Коровина является одной из ярких страниц истории русского искусства. Монография освещает жизненный и творческий путь художника на основании его произведений, а также документов и материалов, хранящихся в архивах страны, приобщает читателя к миру образов Коровина, к кругу идейно-художественных проблем его творчества. Книга богато иллюстрирована, в том числе многими цветными репродукциями картин.

Б. М. Ярустовский. Музыка нового мира. Научно-популярная серия. «Наука». Москва. 1964.

В этой книге речь идет об основных принципах социалистического музыкального искусства. Автор анализирует лучшие произведения советской музыкальной классики и прежде всего сочинения, отмеченные Ленинской премией: 11-ю симфонию Д. Шостаковича, 7-ю симфонию С. Прокофьева, музыку к балету «Спартак» А. Хачатуряна, Патетическую ораторию Г. Свиридова, песни В. Соловьева-Седого. Автор затрагивает проблему творческой индивидуальности в музыке, ее важную роль в искусстве социалистического реализма. В то же время он подвергает резкой критике буржуазные тенденции индивидуализма и субъективизма в музыке.

И. Д. Андреев. О методах научного познания. Научно-популярная серия. «Наука». Москва. 1964.

Познание — это сложный, длительный, противоречивый процесс движения от неполных и неточных знаний к знаниям все более полным и точным. Чтобы раскрыть ту или иную «тайну» природы, нередко требовались десятилетия и даже столетия напряженного труда ученых, мучительных поисков и творческих дерзаний.

Эта книга рассказывает об общих для всех наук приемах, методах и способах познания, которые в течение многих столетий постепенно, шаг за шагом открывались и совершенствовались. Здесь можно познакомиться с положениями логики, индуктивным и дедуктивным методами познания.

В. Новоскольцев. Переплетенная радуга. «Физкультура и спорт». Москва. 1964.

Француз по национальности, историк и педагог по профессии, Пьер Кубертен посвятил всю свою долгую жизнь развитию олимпийского движения. Он возглавил международный олимпийский комитет в день его создания и оставался его президентом более сорока лет. Олимпийское движение всегда было для него могучим средством в борьбе за мир, за дружбу между народами. От I Олимпиады 1896 года до XI Олимпиады 1936 года — таков путь Пьера Кубертена.

На последних для него XI Олимпийских играх Кубертен уже присутствовать не мог и обратился к участникам соревнования по радио. Он призвал молодежь «завершить начатое дело, с тем, чтобы окончательно закрепить союз мускулов и мысли во имя человеческого прогресса и достоинства». «Пусть будет удачна ваша эстафета»,— сказал Пьер Кубертен, и сегодня эти напутственные слова звучат перед открытием XVIII Олимпийских игр.

Впервые появилась у нас книга, посвященная этому обаятельному человеку, другу молодежи всех пяти частей света. Автор не претендует на биографическую полноту, это лишь зарисовки, этюды, показывающие читателю отдельные моменты большой, яркой жизни. Хорошо, что мы имели возможность познакомиться с Пьером Кубертеном, имя которого прозвучит в новой олимпийской столице — Токио.

Я зашел в телефонную будку и позвонил в Кронштадт, но никто не подошел к телефону.

Когда я вышел из будки, Владимир Ильич сидел в коридоре на деревянной скамье.

— Ну как?— нетерпеливо спросил он меня.

— Неудача, Владимир Ильич,— сказал я.— Либо телефонная станция саботирует, либо в Кронштадте все завалились спать.

— Тогда свяжитесь с Кронштадтом по прямому проводу. Тут рядом, на телеграфе, есть аппарат Юза.

Мы вошли в телеграфную комнату, где назойливо жужжали прямые провода.

— Владимир Ильич, а не означает ли ваш приезд недоверия к военным работникам?— с вежливой улыбкой спросил Подвойский.

— Правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти,— твердо ответил Ленин.

Пока иногородняя станция соединяла нас с Кронштадтом, Владимир Ильич и я вышли в соседний коридор.

— Чертовски хочется есть,— сказал он, садясь на деревянную скамейку, где обычно ждали распоряжений штабные рассыльные, курьеры и ординарцы.

— У меня есть коробка консервов! — воскликнул я.

— Так чего же вы молчите? Давайте ее сюда. Я с утра ничего не ел,— сказал Владимир Ильич.

Я вынул из кармана пальто коробку рыбных консервов и перламутровым перочинным ножом раскрыл ее.

С огромным аппетитом ужинал Владимир Ильич, аккуратно ковыряя перочинным ножом скумбрию в томате.

С иногородней станции сообщили, что подводный кабель поврежден.

— Вот что,— сказал Владимир Ильич,— поезжайте-ка завтра утром в Кронштадт и немедленно сформируйте сильный отряд с артиллерией и пулеметами. Помните, время не терпит. Дорога каждая минута!

Когда штаб переехал с Дворцовой площади в Смольный, товарищ Ленин потребовал, чтобы в штабе поставили для него стол; он хотел постоянно быть в курсе военных событий.

И он настойчиво требовал объяснений, почему не укреплена эта позиция, почему совершается такая-то операция, а не иная, почему не оказано противодействия маневру противника.

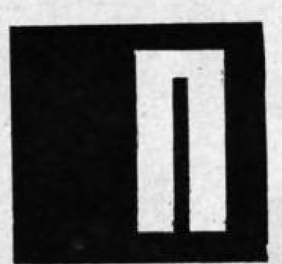
Владимир Ильич никогда не удовлетворялся голословным заявлением или общей фразой. Он всегда входил в самую суть вопроса, вникал в мелочи, требовал доказательств, проверял исполнение.

— Я глубоко штатский человек,— со свойственной ему скромностью постоянно повторял он.

Но с какой гениальной быстротой он ориентировался в боевой обстановке, и как полезны были его продуманные советы и указания!

ТРАГЕДИЯ КИПРА

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

П
ередо мной ворох фотографий, сделанных несколько дней назад на Кипре. Я перебираю одну за другой. Светлое легкое море, выжженная солнцем земля, неподвижное стадо овец на белом песке, плавные купола церквей и острые шпили мечетей, пахнущие густой свежестью спокойные сосны в горах Тродос, величественные развалины древнегреческих театров, седоусые старики около кофеен, со спокойным азартом сидящие над нардами, шумные улыбчивые люди на улицах. Мирный, тихий, привлекательный уголок Средиземноморья... Все это приходится откладывать в сторону, в сторону...

И под руками мелькают другие фотографии, будто снятые в другой стране. Земля, расплавленная напалмом, развалины домов после бомбардировки, фабричная бирка на неразорвавшейся бомбе «Made in USA», улицы, перегороженные баррикадами из зеленых мешков с кипрской землей и железных бочек из-под бензина компании «Shell», бело-голубые каски солдат войск ООН...

Медленно бредет по дороге человек. Старый, седой. На плече неловко, как-то очень невоинственно — винтовка. Кто? Пастух. Идет вон на тот холмик. Там турецкий пост. Надо сменить приятеля, тоже пастуха. Сме́нит, будет сидеть до ночи в неглубоком окопчике, тосковать по своим овцам, держать в руках опостылевшую винтовку, будто пастушечий посох. Зачем идет? Разве греки его враги? Приказ. Чей? Пожатие плеч. Сколько же так будет продолжаться? Человек не отвечает и хмуро бредет дальше. Рядом семенит собака, привыкшая бегать за овцами.

Я ездил и ходил по обеим сторонам так называемой «зеленой линии», разделившей страну. По ту и по другую сторону сидят с автоматами люди, которых я бы не взялся по внешним признакам разделить на греков и турок. Одинаково улыбаются, одинаково хмурятся, одинаково любят солнце, море, свой остров и черный кофе в маленьких чашечках со стаканом ледяной воды. Многие-многие годы они жили в мире и согласии, как добрые соседи. Сейчас соседи смотрят друг на друга через смотровую щель в стене из мешков, через прорезь прицела. В этом ракурсе даже лицо друга может показаться вражеским.

Национализм? Религиозные противоречия? Этого не отвергнешь начисто. Но это не причина. Это только инструмент, которым пользуются умелые руки врагов Кипра.

Недалеко от деревни Хамид Мандрес я подошел к небольшому четырехугольному сооружению из мешков. Передовой пост турецких киприотов. За мешками — молодой парень с автоматом. Спрашиваю, есть ли у него личные друзья среди греческих киприотов. Есть. Хорошие друзья? Хорошие. Ненавидишь их? Улыбается, слегка качает головой. Почему же сидишь здесь с автоматом? Улыбка сходит с губ. Пожатие плеч. От другой стенки к нам решительно шагает человек с пистолетом на боку, в офицерских штанах до колен и майке. Парень замолкает, застывает в неловкой позе у амбразуры. У обладателя коротких штанов начальственный тон и уверенные движения. Какие вопросы я задавал? Что ответил парень? Короткие штаны недовольны ответами. После обмена резкими фразами с молодым парнем штаны поясняют: «Вы не так поняли. У него были друзья среди греков. А не есть. Были раньше. Когда островом владели англичане. Тогда турки могли жить с греками. Теперь — нет. Никогда!»

Я прошу разрешения сфотографировать их обоих. Короткие штаны решительно запрещают.

«Нет! Никогда!» Эти слова я слышал несколько раз в турецких районах на Кипре. Их обычно произносит местное начальство не из местных жителей. Остальные в этот момент устало молчат.

Я слышал эти слова, произнесенные на отличнейшем английском языке ночью у турецкой деревни Коккина. Старательно воинственные молодые люди с автоматами отказались пропустить в деревню продовольствие, которое послало правительство Республики Кипр под охраной финского конвоя.

Майор, начальник конвоя, вывалил на землю продовольствие, привезенное в шести грузовиках, поставил вокруг него часовых и укатил в Никозию. А около мешков с мясом и хлебом стояли растерянные автоматчики, потерявшие всякую воинственность.

На Кипре и сейчас есть смешанные деревни, где греки и турки живут вместе, помогают друг другу, где их не разделяет эта самая растре-

По чужой воле. Турецкий пастух бредет на боевую позицию.

«Зеленая линия» в Никозии.

Большинство ооновцев на Кипре — из стран НАТО.

Греческие и турецкие киприоты вместе — это будущее Кипра.

клятая «зеленая линия». Здесь разлетаются в прах слова короткоштанного националиста, трагически нелепыми выглядят деревенские парни, изъясняющиеся с оксфордским акцентом.

Сюда, правда, тоже тянутся руки тех, кто старательно делит остров. Турецкие киприоты боятся фотографироваться вместе с греческими. Бывали случаи, когда после опубликования такого снимка в газете гибли или избивались те турки-киприоты, которые попали в объектив... Но все же люди живут вместе, и дружат, и вместе трудятся, и вместе пьют кофе. И дети их вместе бегают по улицам.

Один мудрый киприот из Ларнаки так объяснил мне положение на острове. «Представьте себе море, идет большая лодка. На ней плывут хорошие люди. Вдруг несколько человек начали раскачивать суденышко и кричать: «Шторм! Шторм! Спасайтесь!» И к лодке помчались корабли со всего моря — «спасать». Они высадили своих людей на лодку, но не спасать ее, а захватить. Это и произошло с лодкой под названием «Кипр». Что же нужно нам делать теперь? Выбросить за борт тех, кто раскачивает лодку, и тех, кто хочет ее «спасать». Мы должны сами — и греки и турки-киприоты — управлять нашей лодкой. И тогда не будет никакого шторма».

Я вспоминал моего знакомого из Ларнаки, когда у въезда на территорию английской военной базы Декелия я читал издевательски звучащее лицемерное объявление: «Стрельба запрещена». Ну что ж, вполне резонно: люди, раскачавшие лодку, поднявшие стрельбу на острове, не желают, чтобы эта стрельба была направлена против них самих.

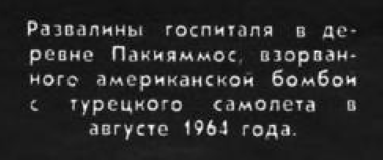
Я вспоминал о «спасителях», когда видел бело-голубых ооновцев на улицах кипрских городов, когда читал в газетах о том, что англичане из сил ООН на Кипре доставляют в своих автомашинах оружие туркам, когда видел датчан-ооновцев, арестованных за кражу старинных икон в одной из разрушенных церквей Кипра. К сожалению, абсолютное большинство ооновцев на Кипре — из стран НАТО. Только, пожалуй, финны пытаются держаться здесь действительно нейтрально и этим завоевали себе хорошую репутацию среди населения.

Лодку продолжают раскачивать. Лодку под названием «Кипр» тянут к себе любители военных баз на чужих территориях. Но сбудется предсказание моего знакомого из Ларнаки. Обязательно сбудется.

о. Кипр.

Развалины древнегреческого «Храма Аполлона» около Лимассола, VII век до н. э.

Развалины госпиталя в деревне Пакиаммос, взорванного американской бомбой с турецкого самолета в августе 1964 года.

«Стрельба запрещена» — этот плакат стоит у въезда на территорию английской военной базы Декелия на Кипре.

ООН не жалеет расходов. Плавательный бассейн специально построен на крыше здания, чтобы солдатам ООН не было жарко.

НЕ ФЕЛЬЕТОН

РАСТЛИТЕЛИ

Концертный зал. На сцене — куры и шимпанзе в клетках. С потолка свешиваются на тонких нитях чаши с водой. В них рыбы. В углу — ванна с водой, но без всякой живности.

Есть на сцене и люди: молодая стройная женщина в вечернем туалете и мужчина, тоже в вечернем костюме. Они сидят перед квартетом: ударник, пианист, саксофон, виолончель.

Занавес поднят. Зал полон.

Щелкает рычажок магнитофона, и на слушателей обрушивается шквал оглушающих звуков, записанных на пленку: рев реактивных авиационных двигателей, уличный шум в часы «пик», радиопомехи. Одновременно четверо музыкантов начинают играть кто во что горазд.

Женщина в черном начинает медленно раздеваться. Мужчина с ног до головы опрыскивает себя из пульверизатора мыльной пеной. Затем плюхается в ванну.

Точно по режиссуре на сорок восьмой минуте этого сумасшествия ударник оставляет свои барабаны и начинает кормить рыб, кур, шимпанзе.

За виолончелью сидит женщина. Режиссер учитывает, что у нее меньше сил, чем у мужчин, и дает ей 15-минутную передышку в этом шумовом марафоне. Единственная ее задача — делать в течение этих пятнадцати минут все, что взбредет в голову.

На 68-й минуте появляется главный художник спектакля и начинает швырять гвозди на железную плиту. За ним на сцену вылетает сам директор труппы со сворой собак. В финале представления актеры забрасывают зрителей рулонами туалетной бумаги и гнилыми яблоками.

У труппы есть и недоброжелатели. Они пикетируют входы в концертный зал. Пикетчики не только протестуют. Они зазывают зевак на свои собственные «представления». Тут же они горячо рекламируют свое искусство, объясняют его суть и доступность широким массам. На концертах их труппы зрители сидят в абсолютной темноте и вдыхают пары эфира, нагнетаемые в зал вентиляторами. Дешево и сердито!

Это не фельетон. Даже самой изощренной фантазии фельетониста не хватит, чтобы придумать такое.

Здесь только факты, моментальная фотография растлителей искусства.

Время действия — сентябрь 1964 года. Место действия — Нью-Йорк, Джадсон Холл, второй фестиваль авангардного искусства.

В. НИКОЛАЕВ

РЕПОРТАЖ С МЕСТА ГИБЕЛИ «ЗЕЛЕНОГО ДРУГА»

Дикари на лужайке

«Костры горят далекие.
Луна в реке купается...»

Все происходило именно так. И купалась в реке луна, и горели костры. Только нам было не до лирики. Огни полыхали по всему берегу Пяловского водохранилища. Это не были сигналы бедствия потерпевших крушение. Просто приехала развлекаться на бережок канала имени Москвы вполне приличная компания. Рыбку половить, у костра посидеть.

Но зачем жечь лес? Из костра торчит толстый березовый ствол...

— Мы не рубили! — слаженным хором заявляют трое. — Мы березу... того... нашли!

Интересуемся личностями любителей костра.

— Пожалуйста, — с достоинством произносит один из них, протягивая документ.

Читаем и... глазам своим не верим:

«Удостоверение № ... УООП Моссовета. Капитан милиции Белоусов Владимир Алексеевич».

Идем по берегу дальше. Красный огонек, мерцающий вдали, становится все ярче и ярче. Подходим к костру. Молодые люди, видимо, только что пропустившие чашу круговую, выводят песню. На земле свежесрубленные березки дожидаются своей очереди у костра. Всего каких-нибудь полчаса тому назад весело шумели они листвой, а теперь рухнули под топором приехавших дикарей.

Механик МВТУ комсомолец Валерий Овчинников старательно раздувает угли под молоденькой елкой. В такой позе он и остался, не желая поднять лицо перед объективом (фото 1). А вот его двум товарищам не повезло. Их задержали лесники Учинского леспаркхоза прямо с поличным, когда они, орудуя пилой и топорами, валили в двух десятках метров от своей «штаб-квартиры» многолетние деревья.

— Ну, рубил, ну и что такого? — возмущается комсомолец Александр Оловянников, ученик 10-го класса 102-й школы Москвы. — Подумаешь, три березы!..

— Неужели это такое преступление? — в раздумье бормочет Александр Андреев, тоже комсомолец.

Хмель у обоих прошел. Но осталась непоколебимая уверенность, что ничего предосудительного они не сделали. Ведь лес такой большой. Что значит для него потеря десятка деревьев?

А вот у соседней компании водочные пары бродят на всех градусах. Не мудрено: ведь, подходя к костру, мы первым делом натыкаемся на сложенные бутылки из-под «Горного дубняка» (фото 2). Поднимается худощавая фигура в шляпе, демонстративно сует в огонь нарубленные поленья и подходит «объясняться». Парень явно работает «под Запад», пытается ввернуть словечки, смысла которых, видимо, не понимает:

— Ваш приход нас шокирует... Стволы берез нашли здесь на поляне — слово джентльмена... Свежая порубка? Это блеф вашей фантазии!

Но «джентльмен» сам оказывается немалым фантазером, когда начинается выяснение его личности. Он путается, но в конце концов вынужден признать:

— Да, я Дегтев Николай Николаевич (фото 3). Экспедитор комбината «Красная Роза».

Дегтев еще раз соврал. На «Красной Розе» нам ответили, что такого нет. Может быть, читатели помогут установить, где же в действительности работает этот «джентльмен».

— Бревно сухое, сам плотник, знаю, что жечь, — говорит Н. Е. Потапов, рабочий одного из предприятий города Мытищи (фото 4). — Приедешь на рыбалку — и тут покоя нет! Сколько все рыбаки за ночь сожгут? А мне какое дело!

— Какой же рыбак без костра обойдется? — недоумевает И. И. Калинин, житель Ивантеевки, Московской области (фото 5). — Да и для палатки колья надо, в воздухе она висеть не будет! И чего пристаете, ведь нарубил самую малость!

— А у нас палатки нет, вот и приходится у огонька кемарить, пока щука клюнет, — с притворной грустью поясняют В. А. Стрючков, электромонтер треста «Лифтремонт», и Г. П. Подколзин, электрик треста № 7 «Мосстроймеханизации». — Пришли на бережок, видим, костер горит. Ну, мы и сели. У нас и топора-то нет... Чей в дереве торчит? А кто ж его знает (фото 6).

Плохо прививают у нас в школах любовь к лесу, уважение к народному добру. О каком воспитании может идти речь, если сами педагоги делают порубки! Умудрилась же воспитательница пионерлагеря Мытищинского зверосовхоза В. И. Корченкова вместе со своими пионерами спилить многолетние березу и ель, а потом прыгать и петь вокруг костра. Не задумываясь, повторила этот «подвиг» преподавательница Софринской средней школы Чебаненко да еще приняла оскорбленную позу, когда лесник призвал ее к порядку.

— Вы не имеете права при школьниках мне замечание делать! Нетактично и непедагогично.

А на наш взгляд, с нарушителями, пускающими на распыл (в буквальном смысле) народное достояние, разговаривают слишком тактично.

По всей строгости закона надо привлекать за хищнические порубки. Вот за такое, что совершили Овчинников, Андреев, Оловянников и иже с ними. Трудно даже себе представить, сколько деревьев сгорит длинными осенними ночами в кострах рыбаков и туристов.

Да и не только в кострах. Не потушил его, уходя, какой-нибудь разгильдяй — и пошло полыхать все вокруг.

— За восемь месяцев этого года в Московской области возникло 410 пожаров, 697 гектаров пройдено огнем, — с возмущением рассказывают нам в Управлении охраны и защиты леса Главлесхоза РСФСР. — В Подмосковье хоть легче пожары тушить: и населения много и пожарные под боком. А что делать в Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии?.. Ведь в лесах Российской Федерации на первое сентября этого года было очень много пожаров!

Сколько же загубленного леса лежит на совести таких дикарей, этих любителей дыма и костра?!

Не за горами и Новый год. Сотни и сотни тысяч елочек, хищнически срубленных «под самый корешок», отволокут в города и села. На глазах у всех наносится невосполнимый урон природе.

А ведь есть статья уголовного кодекса, карающая за самовольные порубки. Применяется ли она? Только в самых что ни на есть уникальных случаях. Ударяем ли мы рублем, штрафом (чтобы и другим не было повадно!) легкомысленных туристов и рыбаков? Редко, да и то с неохотой. Но самое главное — не создаем мы общественного мнения вокруг нарушителей. И не предупреждаем планомерной воспитательной работой новые нарушения. Вот и горят костры.

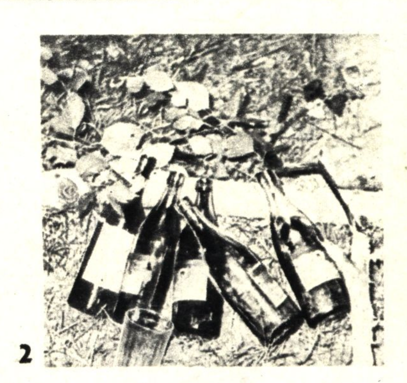
По сей день горят.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Фото В. Тужилина.

1

2

3

4

5

6

ПРОЧТИТЕ— НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

«И все-таки она хорошая» — называется эта книжка М. Панова. В подзаголовке написано: «Рассказ о русской орфографии».

В Орфографическую комиссию, образованную при АН СССР, приходит много писем с требованием упразднить существующие правила правописания. Пусть каждый пишет так, как хочет или как считает почему-либо нужным.

Вам интересно увидеть, что из этого получится? Тогда поедемте по приглашению автора книжки в удивительный город Какографополь.

Какографополь — хороший город. Большой, шумный, деловой. Все в нем есть. Нет только орфографии.

Достаточно, я думаю, ее упразднителям прожить в том городе один день, чтобы они отказались от своих предложений.

В самом деле, сомнительное это удовольствие — испуганно метаться от вывески «Овасчи и фрукнты» на одной улице к вывеске «О! выщчи ифруггты» — на другой. По три раза читать важное сообщение в газете в надежде постичь наконец смысл слов, преодолев их изменчивое буквенное обличье. Просить за неимением времени одну свою подружку прочесть вслух письмо другой подружки... а в нем секреты...

«Нет! Сюда я больше не ездок!» — наверняка воскликнут дружно наши «упразднители», со всех ног удирая из первой главы, в которой расположился излечивший их город.

Но не все противники современной орфографии настроены столь категорично. Некоторые из них выдвигают

другой лозунг: «Как говорим, так и пишем»,— а если сформулировать его поточнее,— «Что слышим, то и пишем».

Речь идет, следовательно, о принципах фонетического (звукового) письма.

Кажется, на этот раз все в рамках приличий: принципы все-таки, а не какое-нибудь там "упразднение».

Однако предположим на минуту, что желание сторонников звукового принципа осуществилось. И вот один из них, родившийся и живущий в Москве, спешит поделиться своей радостью с собратом по идее, который находится в другом городе. Привычным движением он берется за перо, но первые же слова традиционного обращения «Дорогой Иван Иванович» ставят его в тупик. «Как лучше написать «дорогой»? — размышляет он.— Наверное, «дарагой», или нет: «дырагой»... а впрочем, и не так и не этак. Что я здесь произношу? Какой-то странный звук, не «а» и не «ы» и уж, конечно, не «о». Может быть, что-то среднее между всеми ними? А потом как быть с «Иваном Ивановичем»? На днях, когда разговаривал с ним по междугородному (плохо слышно было), кричал в трубку: «Попросите И-ва-на И-ва-но-ви-ча». А сейчас просится легкомысленное «Ван Ваныч». Чего доброго, обидится коллега!»

Но и этими затруднениями не исчерпываются неудобства звукового письма.

Необходимо думать не только о своем произношении, но и о произношении того, к кому ты пишешь. А если ты человек общительный и у тебя десять друзей и родных, которым ты пишешь письма? Двадцать? Сорок? А если ты работаешь в редакции газеты и обязан по должности отвечать на все письма трудящихся во всех концах Советского Союза?!

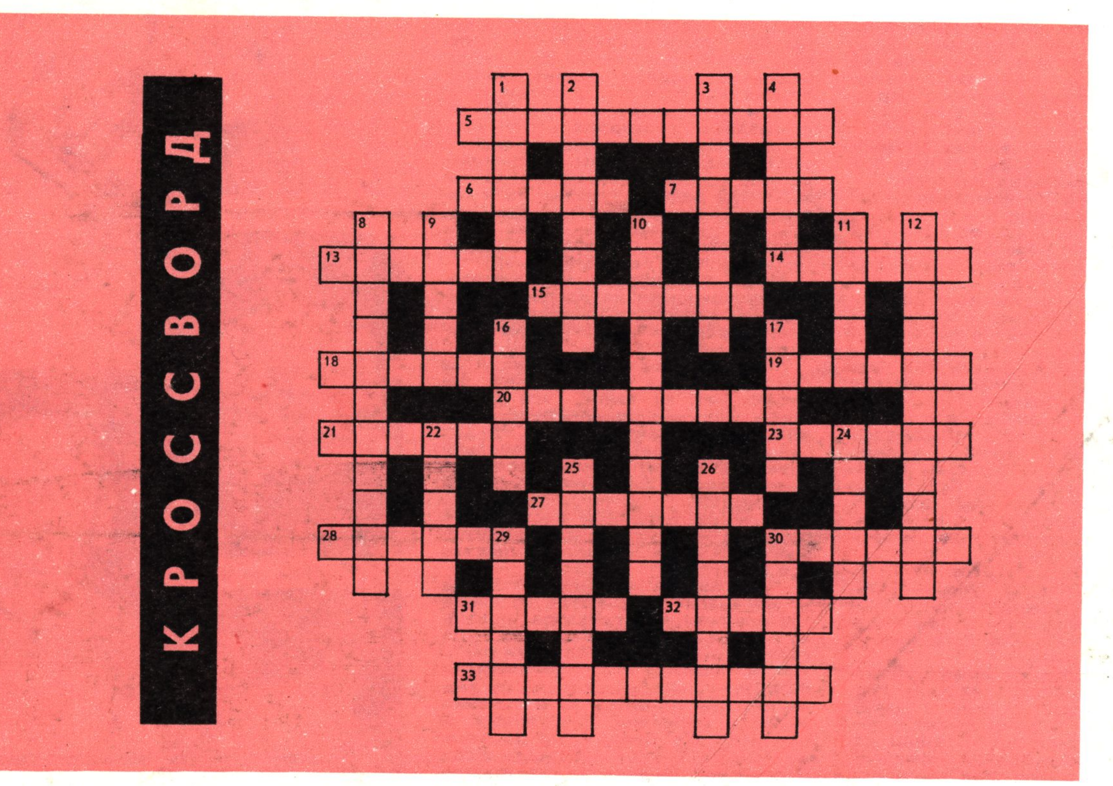
Об этом вы узнаете из второй главы книги М. Панова. И, покоренные его логикой, без сомнения, согласитесь с автором: для нашего языка звуковое письмо непригодно.

Рассказать вам и об остальных главах?

В них занимательно и точно рассказывается о том, каковы основы нашей орфографии, почему она нужна, что в ней хорошо и что плохо и как можно ее улучшить.

Книга учит с уважением относиться к родному языку. Прочтите эту книжку — не пожалеете!

Т. ВИНОКУР

По горизонтали:

5. Морская птица. 6. Часть оборудования кинотеатра. 7. Постоянная заработная плата. 13. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 14. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 15. Спортинвентарь теннисиста. 18. Сыр из овечьего молока. 19. Музыкальное произведение. 20. Пилот межпланетного корабля. 21. Одна из географических координат. 23. Участок земли для выращивания овощей. 27. Произведение живописи. 28. Список, указатель, перечень. 30. Советский химик. 31. Украинский поэт. 32. Сок хвойных растений. 33. Медицинское учреждение.

По вертикали:

1. Советский живописец. 2. Река в Средней Азии. 3. Ярлык. 4. Выдержка из текста. 8. Подбор различных видов товаров. 9. Клавишный инструмент. 10. Учебное пособие. 11. Музыкально-драматическое произведение. 12. Порт на Тихом океане. 16. Хищное животное. 17. Отрицательный полюс источника электрического тока. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Литературный жанр. 25. Государство на Балканском полуострове. 26. Перерыв между уроками. 29. Машина для обработки металла, дерева. 30. Прозрачная бумага или тонкая ткань, применяемая при черчении.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

3. Туполев. 8. Веялка. 10. Краков. 12. Линза. 14. Пушкин. 15. Свитер. 16. Скрипка. 19. Игарка. 21. Кортеж. 22. Консультант. 25. Идиома. 27. Лебедь. 28. Каракал. 29. Пирога. 31. Сирена. 32. Катет. 34. Золото. 35. Ацетон. 36. Везувий.

По вертикали:

1. Гудал. 2. «Белка». 4. Пескарь. 5. План. 6. Марс. 7. Колибри. 9. Инжир. 11. Кургальджин. 13. Перекладина. 17. Кассета. 18. «Контора». 20. Айова. 21. Канал. 23. Колонок. 24. Обертон. 26. Парта. 30. Анод. 31. Свет. 32. Колея. 33. Тацит.

На первой странице обложки: Олимпийская надежда — Тамара Пресс, обладательница мировых рекордов в толкании ядра и метании диска.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Четырехкратный чемпион мира по современному пятиборью Игорь Новиков, участник XVIII Олимпийских игр.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00763. Подписано к печати 30/IX 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 906 500. Изд. № 1737. Заказ № 2478.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА

ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

К ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

«МЦЫРИ»

Индекс 70663
Цена номера 30 коп.